

УЧЕНЫЕ ТРУДЫ

РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ АДВОКАТУРЫ И НОТАРИАТА

Научно-правовой журнал
Издается 1 раз в 3 месяца

ISSN: 1997-0986

№ 4
(35)
2014

Учредитель и издатель:
Российская академия адвокатуры и нотариата

Главный редактор
Г.Б. МИРЗОЕВ

Заместитель главного редактора
А.А. ВЛАСОВ

Выпускающий редактор
Р.В. ШАГИЕВА

Ответственный секретарь
Н.Н. КОСАРЕНКО

Решением Президиума ВАК журнал включен в Перечень рецензируемых научных журналов и изданий для опубликования основных результатов диссертационных исследований на соискание ученой степени доктора и кандидата наук (по праву).

Включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)
<http://www.info-pravo.com>
E-mail: info@info-pravo.com

Журнал основан в 2000 г.

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-35106
от 26 января 2009 г.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

журнала «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата»

Председатель – Г. Б. МИРЗОЕВ, ректор РААН, президент Гильдии российских адвокатов, первый вице-президент Федерального союза адвокатов РФ, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор.

Заместитель председателя – Р. В. ШАГИЕВА, первый проректор РААН, заведующая кафедрой теории и истории права и государства РААН, доктор юридических наук, профессор.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А. П. АЛЬБОВ, заведующий кафедрой теории государства и права Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

М. М. БАБАЕВ, главный научный сотрудник ВНИИ МВД России, заслуженный деятель науки РФ, доктор юридических наук, профессор;

С. В. БАРАБАНОВА, заместитель директора института дополнительного образования Казанского национального исследовательского технологического университета, доктор юридических наук, доцент, почетный работник ВПО;

И. Н. БАРЦИЦ, директор Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор;

Л. А. БУКАЛЕРОВА, заведующая кафедрой уголовного права и процесса Российского университета дружбы народов (РУДН), доктор юридических наук, профессор;

А. А. ВЛАСОВ, проректор по научной работе РААН, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, член Экспертно-консультативного совета Министерства юстиции РФ, доктор юридических наук, профессор;

С. И. ВОЛОДИНА, проректор РААН, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, кандидат юридических наук;

А. П. ГАЛОГАНОВ, вице-президент РААН, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Федеральной палаты адвокатов РФ, профессор кафедры адвокатуры и правоохранительной деятельности РААН, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук;

Г. Г. ГОЛЬДИН, заведующий кафедрой международного права и публично-правовых дисциплин РААН, доктор политических наук, профессор;

Подписной индекс в каталоге «Газеты. Журналы» Агентства «Роспечать» – 36802

Адрес редакции:
105120, Москва,
Малый Полуярский пер., 3/5.
Тел./факс: 917-22-39.
E-mail: nauka-raa@mail.ru,
info@raa.ru;
http://www.raa.ru

Корректор –
О.Б. Дровосекова
Компьютерная верстка –
Е.В. Мусатова
Фото –
Н.Ю. Мурзаханова

Перепечатка материалов без согласования с редакцией журнала «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» не допускается.

За содержание публикаций авторов редакция ответственности не несет.

© Российская академия адвокатуры и нотариата, 2014

Подписано в печать 25.11.2014.
Формат 84x108/16
Печ. офсет.
Бумага офсетная.
Печ.л. 10,0.
Тираж 500 экз.
Заказ № 2205.

Отпечатано в типографии ООО «Канцлер» 150008, г. Ярославль, ул. Клубная, 4-49.

К. А. КОРСИК, вице-президент РААН, профессор кафедры нотариата РААН, президент Федеральной нотариальной палаты РФ, доктор юридических наук;

М. С. КРУТЕР, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин РААН, заслуженный юрист РФ, заслуженный работник высшей школы РФ, доктор юридических наук, профессор;

В. В. КУЛАКОВ, заведующий кафедрой гражданского права Российской академии правосудия, доктор юридических наук, профессор;

В. В. РАЛЬКО, заведующий кафедрой нотариата РААН, нотариус города Москвы, член комиссии по нотариату Ассоциации юристов РФ, доктор юридических наук;

И. М. РАССОЛОВ, профессор кафедры правовой информатики МГЮА им. О.Е. Кутафина, доктор юридических наук;

Е. В. САРЫЧЕВ, заведующий кафедрой социально- и общеобразовательных гуманитарных дисциплин РААН, доктор философских наук, профессор;

А. Д. СЕЛЮКОВ, заведующий кафедрой административного и финансового права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова, доктор юридических наук, профессор;

Г. Г. ЧЕРЕМНЫХ, проректор РААН, нотариус Московской городской нотариальной палаты, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор;

Т. М. ШАМБА, нотариус Московской городской нотариальной палаты, доктор юридических наук, профессор, академик восьми международных академий и Российской академии наук;

С. С. ЮРЬЕВ, профессор кафедры теории и истории права и государства РААН, председатель Московской коллегии адвокатов «Межрегион», доктор юридических наук;

В. В. ЯРКОВ, нотариус Свердловской областной нотариальной палаты, доктор юридических наук, профессор.

ИНОСТРАННЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

А. В. БЕЛОКОНОВ, член Адвокатской палаты г. Вены, магистр юриспруденции (Австрия);

Ф. БЕЛО, член Коллегии адвокатов в Париже, доктор юридических наук (Франция);

В. Л. КВИНТ, заведующий кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. Ломоносова, иностранный член РАН, доктор экономических наук, профессор (США);

М. С. НАРИКБАЕВ, президент Казахского гуманитарно-юридического университета, доктор юридических наук, профессор, академик Международной академии высшей школы (Казахстан);

М. УЛЬМЕР, доктор истории и культурологии (г. Тюбинген, Германия);

А. ЧИРИЧ, заведующий кафедрой торгового права, арбитража внешнеторговых арбитражей, член Научного совета общественных наук Министерства образования и науки Сербии, доктор юридических наук, профессор Международного торгового права на юридическом факультете Университета г. Ниш, приглашенный профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (Сербия).

СОДЕРЖАНИЕ

АДВОКАТУРА. НОТАРИАТ. СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ.

Г.Б. МИРЗОЕВ. Роль адвокатуры в противодействии коррупции	5
З.Я. БЕНЬЯМИНОВА. Адвокатура как институт гражданского общества: историко-правовой экскурс	9
М.С. КРУТЕР. Правозащитная деятельность адвокатуры как ведущего правового института оказания квалифицированной юридической помощи населению	15

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

Р.Ф. АЗИЗОВ. Электронное правительство как элемент электронного государства	22
А.В. АХМАТОВ. О некоторых актуальных проблемах правореализации в контексте общей теории права	28
В.Н. КАЗАКОВ. Правопорядок и политико-правовой режим	35
В.Н. САФОНОВ. Политические идеи Платона	41

УГОЛОВНОЕ ПРАВО. ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А.Ю. ЧУПРОВА. Проблемы использования электронных медицинских карт: уголовно-правовые аспекты	48
Б.А. НАЗАРЕНКО. Налоговая ответственность: проблемы определения понятия и стадии возникновения	52
Р.А. СОРОЧКИН. О возможной рецепции положений зарубежного законодательства о субъектах коррупционных преступлений	56

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

А.А. ВЛАСОВ, В.Н. КОВАЛЕНКО. Гражданско-правовая ответственность: некоторые пробелы и противоречия в ГК РФ	62
В.В. КУЛАКОВ. О координационных и субординационных гражданско-правовых договорах	68
Д.Г. КОРОВЯКОВСКИЙ, С.С. ИЛЮХИНА. Альтернативные способы разрешения споров во внешнеэкономической деятельности в свете вступления России в ВТО	73
Ю.А. СВИРИН. Принципы гражданского процессуального права в свете реформы процессуального законодательства России	79

ПРАВО. ЭКОНОМИКА. ОБЩЕСТВО

Г.И. ДОРОЩЕНКО. Экономические и правовые аспекты вступления России в ВТО (на примере банковского сектора)	87
Т.Э. КАЛЛАГОВ. К вопросу о совершении правонарушений в сфере государственной гражданской и муниципальной службы	93
И.М. РАССОЛОВ. Электронная торговля и электронные платежи в свете нового российского законодательства (отозвана 25.09.2017)	97
А.Д. СЕЛЮКОВ. Некоторые вопросы совершенствования законотворческой деятельности в Российской Федерации	104

ПРАВО. ОБРАЗОВАНИЕ

Л.А. БУКАЛЕРОВА, Р.В. ШАГИЕВА. Формирование централизованных органов общественного контроля в процедурах федерального государственного контроля (надзора) за образовательными организациями: проблемы теории и практики правового регулирования	110
Л.Ю. ГРУДЦЫНА. Структура финансирования высшего образования в Российской Федерации	116

Трибуна молодых ученых

Б.К. ЕСЕНГАЛИЕВА. Правовая характеристика содержания декларативных и конвенционных норм международного права по защите прав ребенка	121
А.К. ЖУКОВ. Помощь эмигрантских организаций в решении социальных проблем российских беженцев в Польше	125
С.В. НЕСТЕРОВ. Уголовно-правовая характеристика преступлений, связанных с созданием, руководством либо участием в вооруженных формированиях, не предусмотренных федеральным законом	129
О.Н. САВОСТЬЯНОВА. Понятие специализированного группового профессионального правосознания присяжных поверенных (историко-правовое исследование XIX–XX вв.)	135

ЗА РУБЕЖОМ

А.П. АЛЬБОВ. Морфологические уровни как инструмент изучения права. Окончание	140
--	-----

КОРОТКО О КНИГАХ. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

А.В. АВЕРИН. Рецензия на монографию В.Н. Казакова и Б.В. Шагиева «Профессиональные качества личности юриста в системе условий обеспечения права гражданина на оказание квалифицированной юридической помощи (проблемы теории и практики)»	148
А.П. ГАЛОГАНОВ. Рецензия на монографию Л.А. Букалеровой и Ю.Б. Гаврюшкина «Компаративный анализ уголовно-правового противодействия посредничеству во взяточничестве»	149
М.Д. ДОБРИЕВА. Рецензия на учебное пособие «Трудоправовая деятельность в организации»	151
А.Д. СЕЛЮКОВ, Н.Н. КОСАРЕНКО. Рецензия на монографии М.С. Прокошина «Финансовое правоповедение и юридикация финансов» и «Основы финансового правоповедения: юридикация рыночных отношений»	152
С.С. ЮРЬЕВ. Рецензия на монографию Р.В. Шагиева «Юридическая деятельность и ее система: проблемы теории и практики»	154
Л.А. БУКАЛЕРОВА, Р.В. ШАГИЕВА. Критический отзыв на автореферат диссертации Ю.Ю. Устькачкинцевой по теме: «Формирование личностных компетенций студентов в процессе изучения гражданско-правовых дисциплин» (Казань, 2014, 27 с.)	155

CONTENT

ADVOCACY. NOTARY. ACTIVITY AND JUDICIAL SYSTEM

G.B. MIRZOYEV. The role of advocacy in combating corruption	5
Z.YA. BENYAMINOVA. The legal profession as institute of civil society: historical and legal digression	9
M. S. CROUTER. Human rights advocacy as a leading legal Institute of qualified legal assistance to the population	15

PROBLEMS OF THEORY, HISTORY OF STATE AND RIGHTS

R.F. AZIZOV. Electronic government as element of the electronic state	22
A.V. AHMATOV. Some actual problems of previously in the context of the General theory of law	28
V.N. KAZAKOV. Rule of law and political and legal regime	35
V.N. SAFONOV. Plato's political ideas	41

CRIMINAL LAW. LAW ENFORCEMENT

A. U. CHUPROVA. The problems of using of electronic medical records: the criminal-legal aspects	48
B.A. NAZARENKO. Tax liability: problems of definition and stage of occurrence	52
R.A. SOROCHKIN. On possible reception of subjects of corruption-related crimes in foreign law	56

CIVIL LAW AND PROCESS

A.A. VLASOV, V.N. KOVALENKO. Civil-legal amenability: gaps in the Civil Code of the Russian Federation	62
V.V. KULAKOV. About coordination and subordinate civil law contracts	68
D. G. KOROVYAKOVSKY, S. S. ILYUKHINA. Alternative ways of settlement of disputes in foreign economic activity in the light of Russia's accession to the World Trade Organization	73
Y.A. SVIRIN. The principles of civil procedural law in the light of the reform of procedural law of Russia	79

RIGHT. ECONOMY. SOCIETY

G. I. DOROTSHENKO. Economic and legal aspects of Russia's accession to the WTO (on the example of the banking sector)	87
T. E. KALLAGOV. To the question of committing offences in the sphere of civil and municipal service	93
I.M. RASSOLOV. Electronic Commerce and electronic payments in the light of the new Russian legislation	(retracted 25.09.2017) 97
A. D. SELYUKOV. Some issues of improvement of legislative activity in the Russian Federation	104

RIGHT. EDUCATION.

L. BUKALEROVA, R. SHAGIEVA. Formation of the central organs of social control in the procedures of the federal state control (supervision) of educational organizations: problems of theory and practice of legal regulation	110
L.Yu. GRUDTSINA. Structure of financing of the higher education in the Russian Federation	116

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTISTS

B. K. ESENGALIEVA. The legal description of the content of the declarative and conventional norms of international law on the protection of the rights of the child	121
A. K. ZHUKOV. Help emigre organizations in solving social problems of the Russian refugees in Poland	125
C. C. NESTEROV. Criminal-legal characteristic of crimes related to the creation, leadership or participation in armed formations, not stipulated by the Federal law	129
O.N. SAVOSTYANOVA. The concept of a specialized group of the professional jurors Attorneys (historical and legal research end of XIX–XX c.)	135

ABROAD

A.P. ALBOV. Morphological level as a tool study of law	140
--	-----

SHORTLY ABOUT BOOKS. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

REVIEW on V. N. Kazakov and B. V. Shagiyev's monograph "Professional qualities of the identity of the lawyer in system of conditions of ensuring the right of the citizen for rendering the qualified legal aid (a problem of the theory and practice)"	148
REVIEW of Bukalerova L.A. monograph., Gavryushkina Yu.B "Komparativny Analysis of Criminal and Legal Counteraction to Mediation into the vzyatochnichestvo"	149
REVIEW of the manual "Trudopravovaya Activity in the Organization"	151
REVIEW of M. S. Prokoshin's monographs "Financial jurisprudence and juridization of finance" and "Fundamentals of financial jurisprudence: juridization of the market relations"	152
REVIEW of the monograph "Legal activity and its system: problems of the theory and practice"	154
CRITICAL RESPONSE on the abstract of the thesis of Yu.Yu. Ustachkintseva on a subject: "Formation of personal competences of students in the course of studying of civil disciplines" (Kazan, 2014, 27 pages)	155

Г.Б. МИРЗОЕВ

Роль адвокатуры в противодействии коррупции

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется криминологическое явление "коррупция", которое негативно влияет на экономическую безопасность страны. В статье рассматриваются основные проблемы в деятельности адвокатов и их роли в противодействии коррупции.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демократия, государство, коррупция, гражданское общество, права человека, адвокатура.

МИРЗОЕВ ГАСАН БОРИСОВИЧ – ректор Российской академии адвокатуры и нотариата, президент Гильдии российских адвокатов, заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор (nauka-raa@nm.ru).

G.B. MIRZOYEV

The role of advocacy in combating corruption

ANNOTATION. Corruption is negative and systemic phenomenon for our country. The article examines the main issues of lawyers' activity and their role in combating corruption.

KEYWORDS: democracy, government, corruption, civil society, human rights, advocacy.

MIRZOYEV G. B. – rector of Russian academy of lawyers and notaries, president of the Guild of Russian Lawyers, Honored Lawyer of the Russian Federation, doctor of jurisprudence, professor (nauka-raa@mail.ru).

Коррупция является негативным и системным явлением для нашей страны, как и, впрочем, для любого государства. Однако для Российской Федерации, по нашему мнению, данная проблема стоит наиболее остро, поскольку институты гражданского общества, как демократические институты в целом, находятся еще в стадии формирования, а потому не являются твердо устоявшимися.

Часть 2 ст. 1 ФЗ «О противодействии коррупции» определяет термин «противодействие коррупции» как деятельность федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, *институтов гражданского общества (курсив мой. — Г.М.)*, организаций и физических лиц в пределах их полномочий: а) по предупреждению коррупции, в том числе по выяв-

лению и последующему устранению причин коррупции (профилактика коррупции); б) по выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию коррупционных правонарушений (борьба с коррупцией); в) по минимизации и (или) ликвидации последствий коррупционных правонарушений¹.

Таким образом, настоящий Закон признает одним из субъектов, наделенных полномочиями по профилактике и борьбе с коррупцией, институты гражданского общества и организации.

В соответствии с ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре) адвокатура является профессиональным сообществом адвокатов и, следовательно, представляет собой один из институтов гражданского общества (ст. 3).

1 Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.

В связи с этим рассмотрим вопросы, связанные с определением роли и места адвокатуры как института гражданского общества, осуществляющего деятельность по противодействию коррупции в интересах своих клиентов, а также обратной стороне рассматриваемой проблемы, когда сам адвокат выступает в качестве посредника в коррупционных отношениях.

По роду профессиональной деятельности адвокатам приходится оказывать квалифицированную юридическую помощь своим клиентам, взаимодействуя при этом с различными правоохранительными структурами и отдельными должностными лицами, с которыми, к сожалению, формируются не только узкопрофессиональные отношения, но и теневые — коррупционные.

Так, по мнению некоторых граждан, адвокатов следует условно разделять на две неформальные категории. Первая, это так называемые «решалы», то есть адвокаты, которые имеют зачастую достаточную слабую профессиональную подготовку, слабо развитое правосознание, но, обладая при этом широким кругом связей, знают, с кем и за какие деньги можно разрешить возникшие у клиентов проблемы.

Вторую категорию составляют адвокаты, которые могут качественно подготовить необходимые процессуальные документы, принимают активное участие в судебных заседаниях, следственных действиях и т.п., но, как правило, не всегда способны решить те задачи, которые перед ними они ставят.

Не секрет, что в нашей стране в правоохранительной сфере существует коррупция и многие клиенты, как показывает практика, заинтересованы в том, чтобы их проблемы в отношениях с правоохранительными органами решал именно адвокат. Это связано, прежде всего, с тем, что в соответствии с Законом об адвокатуре, УПК РФ, адвокат наделен особым правовым статусом, гарантирующим соблюдение адвокатской тайны. Любой гражданин имеет право обращаться за оказанием юридической помощи к адвокату и любые значимые

для клиента сведения, сообщенные адвокату, становятся предметом адвокатской тайны.

Еще одним немаловажным аспектом подобного обращения к помощи адвоката в части коррупционной составляющей является адвокатский статус. В соответствии с п. 2 ст. 8 Закона об адвокатуре и п. 3 ч. 3 ст. 56 УПК РФ, адвокат не может быть вызван и допрошен в качестве свидетеля об обстоятельствах, ставших ему известными в связи с обращением к нему за юридической помощью или в связи с ее оказанием. Кроме того, согласно п. 3 ст. 8 Закона об адвокатуре, проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката (в том числе в жилых и служебных помещениях, используемых им для осуществления адвокатской деятельности) допускается только на основании судебного решения, а полученные в ходе оперативно-розыскных мероприятий или следственных действий (в том числе после приостановления или прекращения статуса адвоката) сведения, предметы и документы могут быть использованы в качестве доказательств обвинения только в тех случаях, когда они не входят в производство адвоката по делам его доверителей.

Также Законом об адвокатуре запрещено негласное сотрудничество адвоката с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность (п. 5 ст. 6). И еще одним моментом, создающим благоприятную почву для коррупционных отношений, является положения ст.ст. 447, 448 УПК РФ, в соответствии с которыми адвокат относится к категории лиц, в отношении которых применяется особый порядок производства по уголовному делу. Совокупность названных обстоятельств определяет адвоката, вовлеченного в коррупционный процесс, в качестве одной из ключевых фигур.

Коррупционное поведение адвоката можно охарактеризовать как искажение его процессуальной роли, которой адвокат обязан следовать, выступая в гражданском или уголовном процессе в соответствии с соглашением, кото-

рое он заключил со своим доверителем или в соответствии с назначением. Такое искажение приводит адвоката к совершению действий, не соответствующих его процессуальному положению, отведенному ему в данном конкретном процессе, либо к бездействию там, где он мог и должен был принять решительные юридические меры. Следует помнить, что коррупция — это прежде всего разложение коррумпируемой структуры. Обычно под этим словом понимают порчу государственной власти, но в нашем случае речь идет о порче и извращении профессии адвоката.

Вместе с тем законодатель прямо предусмотрел ряд предупреждающих коррупционные проявления мер, как-то: запрет для адвокатов принимать поручение в случае, если оно имеет заведомо незаконный характер. Следовательно, если адвокат принял к исполнению подобное поручение, то фактически он становится соучастником правонарушения, со всеми вытекающими юридическими последствиями.

Адвокат подлежит привлечению к уголовной, административной, гражданской ответственности в установленном законом порядке. Необходимо также учитывать, что внутри адвокатского сообщества разработаны и продолжают совершенствоваться механизмы противодействия возможности осуществления адвокатами противоправной деятельности, недобросовестного исполнения принятых адвокатом от доверителя поручений, неэтичного поведения. В этих целях, после вступления в силу Закона об адвокатуре, адвокатским сообществом был разработан и принят Кодекс профессиональной этики адвоката. В соответствии со ст. 10 Кодекса, «закон и нравственность в профессии адвоката выше воли доверителя. Никакие пожелания, просьбы или указания доверителя, направленные к несоблюдению закона или нарушению правил, предусмотренных Кодексом, не могут быть исполнены адвокатом».

Кроме того, в Кодексе сформулированы основные принципы, требования, ограниче-

ния, запреты в деятельности адвоката. В частности, в п. 2 ст. 10 Кодекса закреплено, что адвокат не вправе давать лицу, обратившемуся за оказанием юридической помощи, или доверителю обещания положительного результата выполнения поручения, которые могут прямо или косвенно свидетельствовать о том, что адвокат для достижения этой цели намерен воспользоваться другими средствами, кроме добросовестного выполнения своих обязанностей. В статье 9 Кодекса особо отмечается, что адвокат не вправе навязывать свою помощь лицам и привлекать их в качестве доверителей путем использования личных связей с работниками судебных и правоохранительных органов, обещанием благополучного разрешения дела и другими недостойными способами.

Адвокат за несоблюдение требований Закона об адвокатуре и Кодекса профессиональной этики адвоката может быть привлечен к дисциплинарной ответственности по результатам рассмотрения возбужденного дисциплинарного производства, вплоть до лишения статуса адвоката. Таким способом российское адвокатское сообщество избавляется от своих недобросовестных и недостойных коллег.

Теперь остановимся на некоторых вариантах решения проблемы противодействия коррупции, каковыми нам представляются:

1. Осуществление более тесного взаимодействия органов государственной власти, прежде всего, правоохранительных органов и их специализированных, профильных подразделений (служб собственной безопасности, подразделений по противодействию коррупции) с институтами гражданского общества, организациями и гражданами;

2. Антикоррупционная экспертиза. Одной из основных мер противодействия коррупции является придание российскому законодательству антикоррупционной направленности. Необходимо определить правовые механизмы, исключающие возможность использования этого института в коррупционных целях. Антикоррупционная экспертиза

должна быть направлена на то, чтобы каждый закон содержал точные юридические формулы и понятия, обладал понятийным аппаратом, характерным для отечественной системы и в целом доступным не только юристам, но и рядовым гражданам, обладающим минимумом правовой культуры.

3. Развертывание системы антикоррупционного правового просвещения граждан. Отсутствие у значительной части населения страны самых общих правовых представлений, незнание им своих прав и возможностей в противодействии коррупционным проявлениям определяют необходимость осуществления целого комплекса мер по воспитанию у граждан правового сознания, привитию им навыков правового поведения в коррупционной ситуации;

4. Развертывание сети центров бесплатной юридической антикоррупционной помощи.

5. Корректировка образовательных стандартов. Требуется повсеместное введение

учебного курса на тему форм и методов противодействия коррупции в образовательные стандарты для системы подготовки обучающихся.

6. Нельзя не согласиться с мнением А.А. Власова, который правильно считает, что должна быть решена проблема обеспечения судом принципа законности в совокупности с принципом "объективной истины", что также, на наш взгляд, поможет эффективной борьбе с коррупцией².

Таким образом, следует признать, что в целом проблема предупреждения и пресечения коррупции и успешности антикоррупционной правовой политики в Российской Федерации является общенациональной, от эффективности ее решения будет во многом зависеть экономическое будущее страны.

Проведение такой политики невозможно без систематического целенаправленного участия всех институтов гражданского общества, а не только адвокатуры.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // СЗ РФ. 10.06.2002. № 23. Ст. 2102.
2. Федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 148.
3. Мирзоев Г.Б. Конституция Российской Федерации и адвокатура // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата – 2013. – № 4.
4. Власов А. А. Судебная адвокатура: учебное пособие. 2-е издание / под общей ред. Мирзоева Г.Б. М.: "ЮРАЙТ", 2012.
5. Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути решения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н.С. Алексева / под ред. Баstryкина А.И. М.: Изд. Академия Следственного комитета РФ, 2014.

BIBLIOGRAPHY

1. The Federal Law of 31 May 2002 № 63-FZ "On Advocacy in the Russian Federation" // NW. 10.06.2002. № 23. St. In 2102.
2. The Federal Law of 12 January 1996 № 10-FZ "On Trade Unions, Their Rights and Guarantees" // NW. 1996. № 3. St. 148.
3. G. B. Mirzoev Constitution of the Russian Federation and advocacy // Scientific works of the Russian Academy of lawyers and notaries – 2013. – № 4.
4. Vlasov, A. A. Judicial advocacy. The tutorial. 2-nd edition. Under the General editorship Mirzoeva, B. M., Ed. "WRIT". 2012.
5. The interaction of public authorities in the investigation of corruption crimes: problems and solutions. Materials of International scientific-practical conference, dedicated to the 100th anniversary since the birth of N. S. Alekseev. Ed. by A. Bastrykin I. M., Ed. Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation. 2014.

2 Власов А. А. Расследование преступлений коррупционной направленности как основа реализации принципа "объективной истины" в уголовном судопроизводстве // Взаимодействие органов государственной власти при расследовании преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути решения. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Н. С. Алексева / под ред. Баstryкина А.И. М.: Изд. Академия Следственного комитета РФ. 2014. С. 217.

З.Я. БЕНЬЯМИНОВА

Адвокатура как институт гражданского общества: историко-правовой экскурс

АННОТАЦИЯ. Адвокатура является единственным элементом политической системы нашей страны, о котором законодатель высказался как об институте гражданского общества. Именно в этом тезисе содержится глубокий смысл, определяющий в целом взаимоотношение государства и сообщества адвокатов. Общество, претендующее на звание цивилизованного, в понимании современного человека, живущего в XXI веке, основывается на таких ценностях как гуманизм, справедливость и равенство всех перед законом. Только в такой среде возможно раскрытие потенциала человека, достижение им своих жизненных целей, что, в сущности, и определяет свободу как ценнейшую категорию бытия. Регулирование взаимоотношений в обществе осуществляется при помощи законов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: адвокатура, гражданское общество, бесплатная юридическая помощь, права и свободы человека, суд, свобода, правовое государство, демократия.

БЕНЬЯМИНОВА ЗИНАИДА ЯКОВЛЕВНА – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета РААН.

Z.YA. BENYAMINOVA

The legal profession as institute of civil society: historical and legal digression

ANNOTATION. The legal profession is the only element of political system of our country about which the legislator spoke as institute of civil society. This thesis contains the deep meaning defining in general relationship of the state and community of lawyers. The society applying for a rank civilized in understanding of the modern person living in the 21st century is based on such values as humanity, justice and equality of all before the Law. Only in such environment disclosure of potential of the person, achievement of the vital purposes by it is possible that, in effect, and defines freedom as the most valuable category of life. Regulation of relationship in society is carried out by means of laws.

KEYWORDS: legal profession, civil society, free legal aid, rights and freedoms of the person, court, freedom, constitutional state, democracy.

BENYAMINOVA Z.YA. – candidate of jurisprudence, associate professor, dean of the law faculty RAAN.

Конституция Российской Федерации 1993 г. провозгласила, что *«человек, его права и свободы являются высшей ценностью»*, а *«признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства»*. И, казалось бы, государство должно обеспечивать их выполнение тем самым, гарантируя свободы своим граж-

данам. Однако история взаимоотношений общества, граждан и государства показывает, что порой государство не выполняет эту важную функцию. Отчего это происходит? Вероятно, существенное усложнение государственного механизма способствует его отрыву от нужд и стремлений самих членов общества. Государственный механизм

начинает работать «на себя» и это приводит к ущемлению прав и свобод отдельной личности.

Именно поэтому государство, претендующее на звание правового, невозможно без адвокатуры. Адвокатское сообщество — это сообщество людей, которые по внутреннему убеждению и в силу своей профессиональной подготовки взяли на себя обязательство защищать права и законные интересы граждан. Защита — это общественное служение. Она возможна, необходима по любому делу о самом тяжком преступлении, ибо, как писал А.Ф. Кони, «нет такого павшего и преступного человека, в котором безвозвратно был бы затемнен человеческий образ и по отношению к которому не было бы места слову снисхождения».¹ Адвокат, по мнению А.Ф. Кони, «друг, он советник человека, который, по его искреннему убеждению, невиновен вовсе или вовсе не так и не в том виновен, как и в чем его обвиняют».²

Непонимание этого предназначения адвокатуры — одно из самых серьезных заблуждений. Понятие «адвокатура» неотделимо от понятия «справедливость». На обыденном уровне категория «справедливость» очевидна и ясна всем. Однако представление о справедливости как в обществе, так и у отдельного гражданина может меняться. Это в значительной степени связано с теми или иными общественными идеалами. Сегодня, после советского исторического периода в жизни нашей страны, мы связываем свои представления с гуманистическими общечеловеческими ценностями, с представлениями о естественных и неотъемлемых правах и свободах человека и гражданина. Возможность достижения справедливости в государстве является ценнейшим завоеванием демократии.

В сущности государства заложено свойство разрешать возникающие в нем конфликты. Однако разрешаться они могут по-разному. В тех государствах, где демократия еще не в полной мере вплелась в государственный организм, нарушения прав и свобод человека, отступления от справедливости — явление практически повсеместное. И наоборот, в странах с развитыми демократическими институтами справедливость является неотъемлемым атрибутом жизни общества.³

Адвокатура, являясь неотъемлемой частью политической системы государства, не входит в систему органов государственной власти и органов местного самоуправления. Это позволяет ей быть независимой от власти при выполнении своих профессиональных обязанностей. Для понимания роли адвокатуры важно знать, что в тексте Конституции Российской Федерации нашли отражение новые положения и понятия, позволяющие выстроить концепцию взаимоотношений адвокатуры и государства. Одним из таких базовых понятий является характеристика современного государства — Российская Федерация. Итак, согласно статье 1 Конституции Российской Федерации: «Российская Федерация — Россия есть демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». Правовым является государство, которое свою деятельность основывает на праве, подчиняется праву и главной целью считает обеспечение справедливости, прав и свобод человека, «правовое государство — это высокий уровень авторитета государственности, реальный режим господства права, обеспечивающий все права человека и гражданина в экономической и державных сферах».

1 Кони А. Ф. Очерки и воспоминания. — СПб., 1906.

2 Кони А. Ф. Судебные речи. 1868 — 1888. — СПб., 1897.

3 См.: Грудцына Л.Ю. Конституционно-правовые основы формирования государством институтов гражданского общества в России // Образование и право. 2010. № 7. С. 80.

Концепция правового государства предполагает гарантии от безграничного вмешательства в гражданское общество, а также от внеконституционных методов осуществления судебной власти. Здесь следует вспомнить практику 30-х годов прошлого века в Советском государстве, когда решения принимались «тройками» и «двойками».

Например, Стешенко Л.А. и Шамба Т.М. предлагают следующие элементы, описывающие понятие правового государства:

а) господство права во всех сферах общественной жизни и верховенство закона, выражающего правовые принципы общества;

б) верховенство правового закона;

в) связанность законом самого государства, всех его органов, общественных организаций, должностных лиц и граждан;

г) незыблемость свободы личности, ее прав и интересов, чести и достоинства, их охрана и гарантированность;

д) взаимная ответственность государства и личности;

е) наличие эффективных форм контроля и надзора за осуществлением законов и других нормативно-юридических актов;

ж) разделение властей в государстве на законодательную, исполнительную и судебную.⁴

Руководство исключительно правом – это основополагающий принцип правового государства. Регулирование общественных отношений в таком государстве осуществляется законом. В основе отечественной правовой системы лежит Конституция Российской Федерации, которая имеет высшую юридическую силу и прямое действие на всей территории России. Законы и иные правовые акты не должны противоречить Конституции Российской Федерации.

Становление правового государства в нашей стране было бы невозможно без проведения правовой реформы, критерии

которой были сформулированы в Указе Президента Российской Федерации от 6 июля 1995 г. № 673 «О разработке концепции правовой реформы в Российской Федерации». В качестве основных направлений было определено:

– законодательное обеспечение системы прав человека в обществе, прежде всего реальных гарантий прав и законных интересов личности;

– упрочение основ и защита конституционного строя;

– реформирование государственного управления, в том числе совершенствование системы государственной регистрации общественных объединений и других юридических лиц и контроля за их деятельностью;

– создание целостной правовой базы организации и деятельности судебной системы и органов юстиции;

– обеспечение координации нормотворческой деятельности федеральных органов государственной власти, а также федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

– формирование правовой базы и институциональная реформа правоохранительной системы для усиления борьбы с преступностью;

– конкретизация основ федерализма в Российской Федерации;

– выработка принципиальных направлений и форм осуществления реформы местного самоуправления;

– дальнейшее системное правовое обеспечение развития экономики;

– развитие системы правового воспитания, в том числе укрепление системы юридического образования и юридической науки;

– организация правовой экспертизы в нормотворческой и правоприменительной практике;

4 См.: Стешенко Л.А., Шамба Т.М. Адвокатура в Российской Федерации: Учебник. – М.: Норма, 2006. – С. 34.

– формирование современной широко-доступной базы нормативных актов, в том числе в электронном виде.

Чрезвычайно важно для построения правового государства ориентироваться на общепризнанные принципы и нормы международного права. Они позволяют сверять правовой пульс страны с правовым ритмом мирового сообщества и вовремя корректировать курс реформирования правовой системы.

Адвокат при осуществлении своей деятельности является лицом, независимым от любых государственных и иных органов и должностных лиц, обладает иммунитетом. Это гарантирует любому гражданину действительно реальную защиту его прав, свобод и законных интересов, в том числе при оспаривании действий (бездействия) должностных лиц и государственных органов.

Создание же государственных юридических бюро при подразделениях Министерства юстиции РФ будет означать для сотрудников этих бюро соответствующую административную подчиненность и зависимость от органа исполнительной власти. Ведь в первую очередь именно от руководителя зависит продвижение по службе, именно он решает вопросы поощрений и взысканий, предоставления определенных льгот. Это допускает возможность негативного воздействия на них со стороны руководителей при оказании гражданам юридической помощи, что, в свою очередь, отрицательно отразится на независимости такого сотрудника в выборе позиции при консультировании.

Нельзя исключить случаи злоупотребления государственным служащим своего положения в целях получения от граждан дополнительного материального вознаграждения или иной выгоды за свою деятельность, что негативно может сказаться на росте коррупции в стране. Кроме того, не исключено, что в данные государственные бюро придут работать юристы, которые не смогли найти себе более высокооплачиваемую работу, или начина-

ющие юристы, не имеющие достаточного практического опыта работы. В целом это может повлечь за собой нарушение конституционного принципа предоставления гражданам именно квалифицированной юридической помощи. Создание и дальнейшее функционирование государственных юридических бюро потребует также значительных материальных затрат, которые необходимо будет направить на оплату труда сотрудников этих бюро, на материально-техническое обеспечение и на погашение расходов, связанных с предоставлением этим сотрудникам льгот, предусмотренных законодательством о государственной службе.

Вместе с тем, “святая” обязанность адвокатов оказывать гражданам бесплатную юридическую помощь в отсутствие достаточного бюджетного финансирования на эти цели и без существования надлежащего правового механизма оплаты их труда не может способствовать реальной эффективной защите прав и законных интересов малоимущих граждан. К тому же любой адвокат заинтересован в получении гонорара за свою работу. Эту проблему предлагается авторами концепции решить путем создания системы государственных консультативных бюро, подчиненных учреждениям юстиции.

Опыт Финляндской Республики, который положен в основу концепции, без сомнения, представляет определенный практический интерес, так как расширение на государственном уровне возможностей по оказанию гражданам бесплатной консультативной юридической помощи по гражданско-правовым вопросам, в том числе путем создания разветвленной структуры государственных юридических бюро при оперативном решении на государственном уровне вопросов их материального и технического оснащения, в том числе предоставления помещений непосредственно в жилом секторе, действительно, может помочь решить проблему оказания малоимущим гражданам своевременной бесплатной юридической помощи. Как всякая

иная, данная концепция создания государственных консультативных бюро также имеет как положительные, так и отрицательные моменты.

Положительным можно признать то, что создание государственных консультативных бюро предоставит малоимущим гражданам реальную возможность получения своевременной юридической помощи по месту жительства. Наделение сотрудников консультативных бюро статусом государственных служащих позволит им получать гарантированное денежное вознаграждение за свою работу, независимое от количества обратившихся за помощью граждан, а также предусмотренные действующим законодательством для государственных служащих гарантии и льготы.

Анализ правового поля позволяет нам предположить, что решение задачи обеспечения граждан Российской Федерации квалифицированной юридической помощью может быть реализовано в основном адвокатурой, исходя как из содержания закона об адвокатуре, так и того факта, что других институтов для решения данной задачи по существу немного. В современном обществе значение адвокатуры все более возрастает. Сложность общественных отношений, их многоплановость и многовариантность последствий поведения, как граждан, так и юридических лиц настойчиво требуют повсеместного консультативного участия квалифицированного юриста. Без такой помощи разрешить возникающие перед гражданином или юридическим лицом вопросы практически невозможно. А если принять во внимание аспект интеграции стран и тенденции глобализации очевидно — адвокат незаменимый спутник современного человека.

Порой считают, что помощь адвоката исчерпывается судебной защитой. Такое суждение может возникнуть после знаком-

ства с международными пактами о правах человека и национальными конституциями. Однако это не верно. Круг вопросов, который может быть разрешен адвокатом, очень многообразен. Его квалифицированная помощь простирается далеко за пределы судов, тюрем и учреждений правоохранительной системы.

Квалифицированная помощь подразумевает профессиональную юридическую помощь, которую адвокаты могут оказать, представляя в суде и иных государственных и общественных органах, осуществляя защиту в суде, проводя консультации и составляя правовые документы. Его помощь может затрагивать различные сферы общественной жизни, регулируемые отдельными институтами и отраслями права.

Оценка действующего законодательства и массива соответствующих международных правовых актов позволяет сказать, что юридическая помощь сегодня воспринимается как важная гарантия прав человека. Реализация данной функции обеспечивается государством. Более того, гражданин может рассчитывать на бесплатную юридическую помощь в том случае, если его имущественное положение не позволяет ему такую помощь получить. Принятие государством на себя обязанности по обеспечению юридической помощи через институт адвокатуры, несомненно, возлагает на него определенные обязанности по поддержке адвокатуры.⁵

Содержание Конституции Российской Федерации позволяет сказать, что ее творец — многонациональный народ Российской Федерации — глубоко заинтересован в наличии механизма защиты интересов личности. В этой связи государство, несомненно, выступает союзником, поддерживающей стороной, стороной, солидарной с функцией адвокатуры. Это четко выражается в отдельных положениях Конституции

5 См.: Грудцына Л.Ю. Кому нужна государственная адвокатура? // Адвокат. 2006. № 10. С. 3-4.

Российской Федерации: 1. Обеспечение каждого квалифицированной юридической помощью (ст. 48); 2. Обязанностью государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 2); 3. Объявлением России правовым государством (ст. 1); 4. Гарантиями судебной

защиты прав и свобод человека и гражданина (ст. 46). 5. Признанием и защитой равным образом различных форм собственности — частной, государственной, муниципальной (ст. 8). 6. И конечно же, состязательностью и равноправием участников судопроизводства (ст. 123).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Грудцына Л.Ю. Кому нужна государственная адвокатура? // Адвокат. 2006. № 10. С. 3-4.
2. Грудцына Л.Ю. Конституционно-правовые основы формирования государством институтов гражданского общества в России // Образование и право. 2010. № 7. С. 80.
3. Кони А. Ф. Очерки и воспоминания. — СПб., 1906.
4. Кони А. Ф. Судебные речи. 1868–1888. — СПб., 1897.
5. Стешенко Л.А., Шамба Т.М. Адвокатура в Российской Федерации: Учебник. — М.: Норма, 2006. — С. 34.

BIBLIOGRAPHY

1. Grudtsyna L. Yu Who needs the state bar? // The lawyer. 2006. No. 10. С. 3-4.
2. Grudtsyna L. Yu Constitutional and legal basis for the formation of state institutions of civil society in Russia // education and the right. 2010. No. 7. S. 80.
3. Horses A. F. Essays and memoirs. — SPb., 1906.
4. Horses A. F. Judicial speech. 1868 – 1888. — SPb., 1897.
5. Steshenko L. A., Shamba So M Bar in the Russian Federation: Textbook. — M.: Norma, 2006. — S. 34.

М.С. КРУТЕР

Правозащитная деятельность адвокатуры как ведущего правового института оказания квалифицированной юридической помощи населению

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы современного законодательства, имеющие важное значение для получения гражданами их законного права на получение бесплатной юридической помощи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: правозащитная деятельность, адвокатура, права граждан, судебная власть,

КРУТЕР МАРК СОЛОМОНОВИЧ – доктор юридических наук, профессор.

M. S. CROUTER

Human rights advocacy as a leading legal Institute of qualified legal assistance to the population

ANNOTATION. In the article the problems of the modern legislation of importance for the citizens to get their legitimate right to receive free legal aid.

KEYWORDS: advocacy, advocacy, rights of citizens, the judiciary.

CROUTER MARK SOLOMONOVICH – doctor of jurisprudence, professor.

Положение ст. 48 Конституции о том, что каждому гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, воспринимается как органическая часть судебной защиты прав личности. Однако законы, как известно, корректируются практикой и их действие не всегда совпадает с прогнозируемыми ожиданиями.

Современный этап реформы судебной власти, наиболее ярко проявившийся в 2013 году как один из результатов совершенствования системы административно-государственно-

го управления,¹ заключается в объединении Верховного и Высшего арбитражного судов Российской Федерации (ВАС РФ).² После внесения изменений в Конституцию РФ конечной инстанцией в разрешении экономических споров стал Верховный Суд РФ, а число верховных судей увеличилось до 170 человек. Законопроектом ВАС РФ был упразднен, дела, которые он рассматривал, переданы Верховному Суду РФ.³

Статья 3 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридиче-

1 Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.

2 Начало этому процессу было положено 7 октября 2013 г., когда Президент РФ внес в Государственную Думу Федерального Собрания РФ законопроект о поправке к Конституции РФ, которая предусматривает объединение Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ.

3 Петров И. Путин упразднит Высший арбитражный суд и будет назначать замов генпрокурора // Ежедневная деловая газета «РБК daily», 08/10/2013, <http://rbcdaily.ru/society/562949989161156>

ской помощи в Российской Федерации» определяет перечень нормативных правовых актов, которые, помимо настоящего Федерального закона, регламентируют основания и порядок оказания бесплатной юридической помощи. Прежде всего — это Конституция России (ч. 1 ст. 48), которая на самом высоком юридическом уровне закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Что касается бесплатного ее оказания, то в этой части Основной закон содержит отсылочную норму к абстрактному закону. Такой подход представляется оправданным, поскольку с развитием общества, его экономического уровня, возможности для оказания такого рода помощи будут расширяться и государство, подтверждая свой статус социального, будет расширять набор юридических услуг, оказываемых гражданам бесплатно.⁴

В обеспечение реализации ч. 2 ст. 50 УПК РФ издано постановление Правительства от 4 июля 2003 г. № 400 (в ред. от 28 сентября 2007 г. № 625) "О размере оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия, прокурора или суда". Им предусмотрена оплата труда адвоката в размере от 1/4 до одного минимального размера оплаты труда за один день участия в процессе.

Оплата производится через органы государственной власти Российской Федерации, наделенные полномочиями по назначению адвокатов, и Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации⁵, то есть — из средств федерального бюджета.

Очевидно, оценив сложность постоянного перерасчета оплаты услуг адвоката через МРОТ, уполномоченные органы исполнительной власти перевели размер оплаты труда адвокатов в конкретные циф-

ры. Совместным Приказом Министерства юстиции Российской Федерации № 199 и Министерства финансов Российской Федерации № 87н от 15 октября 2007 г. "Об утверждении Порядка расчета оплаты труда адвоката, участвующего в качестве защитника в уголовном судопроизводстве по назначению органов дознания, органов предварительного следствия или суда в зависимости от сложности уголовного дела" один день участия адвоката в процессе определен в размере не менее 275 руб. и не более 1100 руб.⁶ Далее идут различные критерии сложности уголовных дел в зависимости от уровня судебного органа, количества обвиняемых (подсудимых), указание количества томов уголовного дела и др. Причем расчет конкретной суммы причитающегося адвокату гонорара производят дознаватель, следователь или суд.

Единственным достоинством этой системы является то, что адвокат все-таки получает вознаграждение за свой труд. А вот недостатков масса. Во-первых, нарушается принцип независимости адвоката от других участников процесса. Более того, в Постановлении Правительства в нарушение принципа состязательности и норм УПК РФ в числе лиц, полномочных назначать адвоката, назван прокурор, то есть противоположная сторона уголовного процесса.

Во-вторых, появляется материальная зависимость адвоката от дознавателя, следователя, суда, а не от закона. Логично предположить корыстный мотив действий с обеих сторон. В-третьих, нарушается свобода воли доверителя в выборе средств и способов защиты.

В числе подзаконных актов, регламентирующих порядок оказания бесплатной юридической помощи, можно назвать Постановление Правительства Российской Федерации от 25 декабря 2008 г. № 1029 "О государственных

4 Грудцына Л.Ю. Государственно-правовой механизм формирования и поддержки институтов гражданского общества в России: автореф. дисс... докт. юрид. наук / Российский университет дружбы народов (РУДН). М., 2009.

5 СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2925; 2007. № 40. Ст. 4808.

6 Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2007. № 45.

юридических бюро", которое претерело изменения после вступления в силу Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации»⁷.

Следующий уровень правового регулирования порядка оказания бесплатной юридической помощи составляют законы субъектов Российской Федерации. Примером такого акта может служить Закон Московской области от 1 марта 2006 г. № 34/2006-ОЗ "Об оказании отдельным категориям граждан Российской Федерации на территории Московской области юридической помощи бесплатно".

Согласно этому Закону право на бесплатную юридическую помощь получают граждане, среднедушевой доход семей которых ниже прожиточного минимума, установленного в области, (для справки – средний доход на человека в IV квартале 2010 г. в Московской области составил 6585 руб.,⁸ а также прямо перечисленные в Законе категории граждан независимо от размера их дохода.⁹

Что касается категорий граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи на основании Закона, то в различных субъектах этот перечень несколько отличается. Так, вышеназванный Закон Московской области выделяет четыре группы таких граждан: истцы по делам о взыскании алиментов и возмещении вреда, причиненного смертью кормильца, увечьем или иным повреждением здоровья, связан-

ным с трудовой деятельностью; ветераны Великой Отечественной войны; граждане – при составлении заявлений о назначении пенсий и пособий; граждане, пострадавшие от политических репрессий.

Аналогичный Закон г. Москвы от 4 октября 2006 г. № 49 к этому перечню добавляет инвалидов I группы или лиц, имеющих ограничения трудовой деятельности III степени¹⁰. А такой же Закон г. Санкт-Петербурга от 28 января 2008 г. № 710-2 добавляет к этому списку: несовершеннолетних, содержащихся в учреждениях системы профилактики безнадзорности и правонарушений; выпускников детских домов и домов-интернатов в возрасте до 23 лет; и беременных женщин и женщин, имеющих детей в возрасте до 3-х лет, по делам о трудовых спорах.¹¹

И наконец, завершают перечень нормативных правовых актов, регламентирующих порядок оказания бесплатной юридической помощи, подзаконные акты органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации. Примерами таких актов могут быть нормативные документы, которыми утверждается порядок компенсации расходов за оказание бесплатной юридической помощи из регионального бюджета¹².

Основной недостаток перечисленных региональных актов – это нарушение конституционных принципов равноправия граждан и социальной справедливости, который, очевидно, со временем будет устранен комментируемым Законом, утвердившим единый пере-

7 СЗ РФ. 2009. № 2. Ст. 229.

8 Постановление Правительства Московской области от 4 марта 2011 г. № 180/8//Ежедневные новости. Подмосковье. № 40. 12 марта 2011.

9 Ежедневные Новости. Подмосковье. 2006. № 46. 18 марта 2006.

10 Ведомости Московской городской Думы. 2006. № 10. Ст. 240.

11 Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. 2008. № 3.

12 Постановление Правительства Московской области от 24 мая 2006 г. № 444/17 "Об утверждении порядка компенсации за счет средств бюджета Московской области расходов адвокатам, оказывающим отдельным категориям граждан Российской Федерации на территории Московской области юридическую помощь бесплатно" // Информационный вестник Правительства Московской области. 2006. № 6; Распоряжение Комитета экономического развития, промышленной политики и торговли от 15 мая 2009. № 332-р "Об утверждении нормативов финансирования услуг бесплатной юридической помощи, предоставляемой отдельным категориям граждан в Санкт-Петербурге организациями, прошедшими конкурсный отбор, на 2010-2011 годы" // Документ официально опубликован не был.

чень граждан, имеющих право на получение бесплатной юридической помощи.¹³

В статье 4 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» выделены главные меры, применяемые для реализации рассматриваемой политики, а полный их список открыт и предполагает неограниченный набор различных мер и способов реализации этой политики.

Среди основных мер указаны организационно-правовые. Такое сочетание не случайно. Еще философы нового времени отмечали, что юридический закон обладает способностью объективироваться от своих авторов и действовать самостоятельно, независимо от его исполнителей и потребителей. К сожалению, комментируемый Закон не относится к их числу. Это акт, навязанный юридическому сообществу, и для выполнения предписаний его норм мало только высокого качества их формулировок. Необходимо использование целого набора организационных мер, реализуемых органами публичной власти, чтобы "оживить" сформулированные в нем предписания, заставить их эффективно работать. Поэтому правовые меры рассматриваемой политики неотделимы от мер организационных, в том числе — направленных на принудительное исполнение юридических предписаний.

Следующая группа мер, направленных на реализацию комментируемой политики, — это социально-экономические меры. Только путем принуждения невозможно обеспечить осуществление эффективной деятельности. Для побуждения субъектов оказания бесплатной юридической помощи к действию необходимо использование мер экономического и

внеэкономического стимулирования и поощрения. Помимо указанного выше среднего размера ставок за оказание бесплатной юридической помощи, оказываемой в уголовном процессе, субъекты Федерации устанавливают собственные ставки за оказание иных видов бесплатной юридической помощи. Так, упомянутым выше Распоряжением комитета экономического развития, промышленной политики и торговли Правительства Санкт-Петербурга от 15 мая 2009 г. № 332-р установлены ставки: за устную правовую консультацию — 589 руб., письменную — 981 руб., и т.д., а самая высокая ставка установлена за составление апелляционных, кассационных и надзорных жалоб — 1826 руб., выплачиваемых из бюджета данного субъекта Федерации.¹⁴

И наконец, среди основных мер, направленных на реализацию рассматриваемой политики, указаны меры информационные. Важность этих мер состоит в обязанности государства, его органов довести до сведения отдельных категорий граждан сведения о возможности получения ими бесплатной юридической помощи. Отдельно следует указать на малое число от общего количества муниципальных образований Московской области, охваченных в 2009 г. бесплатной юридической помощью, — 17%. Это вовсе не означает, что в оставшихся 83% муниципальных образований проживают граждане, не нуждающиеся или не имеющие права на получение бесплатной юридической помощи.¹⁵

Просто информации о формах и способах ее оказания не дошла до конкретного их потребителя. И наконец, последнее, что необходимо указать, — это неудачная формулировка целей рассматриваемой политики — "реализация гарантий". Дело в том, что сами по себе

13 Стецовский Ю.И. Право на свободу и личную неприкосновенность: Нормы и действительность. — М.: Дело, 2000. — С. 42.

14 Лесницкая Л.Ф. Концепция развития гражданского процессуального законодательства // Журнал российского права. 1999. № 5-6; Пелевин С.М. Еще раз о "едином гражданском процессуальном праве" // Правоведение. 1998. № 1. С. 14.

15 Грудцына Л.Ю. Направления и результаты сотрудничества государства и профессиональных юридических сообществ // Образование и право. 2011. № 3. С. 132-153.

гарантии — это меры, направленные на реализацию чего-либо. Поэтому можно реализовать право на получение бесплатной юридической помощи, но не его гарантии. А гарантии можно только обеспечить, сформулировать, определить и т.д.¹⁶

Допрос малолетнего свидетеля целесообразно фиксировать с помощью звукозаписи. Это позволит суду более точно оценить полученные показания, поскольку протоколирование допроса с учетом особенностей детской речи представляет определенную сложность. Школьнику, напротив, необходимо предоставить возможность рассказать об известных ему сведениях самому, не перебивая его, ибо можно нарушить ход его мыслей. Ребенка, находящегося в состоянии сильного возбуждения (упадка душевных сил, апатии), желательно допросить повторно. При заявлении такого ходатайства сторона должна обосновать, какие именно существенные противоречия усматриваются в показаниях потерпевшего или свидетеля. Часто бывает, что сторона ходатайствует об оглашении показаний потерпевшего или свидетеля потому, что последние в своих показаниях не осветили необходимые для стороны аспекты. В данном случае сторона не может ссылаться на существенные противоречия, если перед свидетелем или потерпевшим в судебном заседании не были поставлены вопросы, на которые сторона хотела получить ответы. Неумение ведения допроса порой заменяется оглашением показаний данных на предварительном следствии и вопросами, подтверждает ли свидетель или потерпевший данные на следствии показания. Если происходит заминка и допрашиваемое лицо показывает, что не говорило того или иного, или имелось в виду иное, государственным обвинителем, как правило, формулируется умозаключение, что на тот период времени свидетель лучше помнил происходящие события. Такой подход к судебному допросу следу-

ет признать неправильным. Как уже говорилось выше, при допросе на стадии предварительного следствия потерпевшие и свидетели допрашиваются в отсутствии второй стороны процесса — стороны защиты (подозреваемый, обвиняемый, адвокат и др.). Не всегда проводятся очные ставки, на которых адвокат может задать допрашиваемым лицам вопросы. Не всегда лицо, производящее дознание, следователь или прокурор записывают слова и выражения допрашиваемого лица дословно. Не всегда записанное в протоколе имеет однозначный смысл. При допросе и оглашении показаний и при построении позиции защиты следует учитывать эти факторы.

Оглашение показаний потерпевшего и свидетеля может иметь место и при отказе последнего от дачи показаний в судебном заседании. В данной правовой норме, закрепленной в части 4 ст. 281 УПК РФ, не указано, по чьей инициативе могут быть оглашены эти показания, из чего следует, что они могут быть оглашены как по инициативе самого суда, так и по ходатайству стороны.

Далее, суд переходит к исследованию письменных и вещественных доказательств. Стороны также участвуют в их исследовании. По ходу оглашения материалов дела адвокат вправе делать свои замечания, высказываться по поводу законности, допустимости и достоверности конкретного документа или протокола следственного действия и т.д. Следует помнить, что данная часть судебного процесса является также значима, как и предыдущие. Именно в этой стадии адвокат может подвергнуть сомнению находящиеся в материалах уголовного дела доказательства.

Исходя из положений Конституции Российской Федерации, некоторые полномочия, осуществляемые высшими органами государственной власти, могут стать причиной конфликтных взаимоотношений между ветвями власти. Так, конфликт между пар-

16 Клячин Е.Н. Конституционная гарантия каждого на получение квалифицированной юридической помощи невозможна без более полного использования потенциала нотариата // Нотариат, государственная власть и гражданское общество: современное состояние и перспективы. М., 2007. С. 16.

ламентом и Президентом РФ может возникнуть в следующих случаях: когда Федеральное Собрание РФ не утверждает кандидатуры, представленные Президентом, на замещение высших должностей; когда Государственная Дума выдвигает обвинение против Президента для отрешения его от должности; когда Президент Российской Федерации использует право вето в отношении законов, принятых Федеральным Собранием; когда Президент принимает решение о роспуске Государственной Думы.

Взаимоотношения законодательной и исполнительной власти в лице Правительства РФ также могут носить конфликтный характер, если Федеральное Собрание выразит ему вотум недоверия, вследствие чего Президент РФ может распустить Правительство Российской Федерации (ст. 117 Конституции РФ). Понятия «криминальный конфликт» и «преступление» выступают как взаимосвязанные, но не тождественные понятия. Криминальный конфликт является формой, в которой преступление воплощается на практике. При этом наличие криминального конфликта в любом случае свидетельствует о факте преступления. Вместе с тем не всегда преступление имеет форму конфликта (взятка, незаконное хранение оружия, неоказание помощи больному и т.д.). Применительно к этим примерам конфликт как специфическое социально-правовое взаимодействие возникает на этапе привлечения преступника к юридической ответственности, при этом данный конфликт уже не будет носить криминальный характер.

Криминальный конфликт – форма активного противоправного поведения, предполагающего открытое противостояние субъектов, обуславливающего наступление социально вредных результатов и квалифицируемого как преступление.

Криминальные конфликты неоднородны. Различаются они между собой прежде всего, характером противоправных действий, квалифицируемых как преступление. По субъектному составу криминальные конфликты

могут быть подразделены на межличностные (конфликт между супругами, завершающийся причинением тяжкого вреда здоровью) и межгрупповые (ограбление группой лиц). В зависимости от длительности конфликта и количества эпизодов конфликтного взаимодействия выделяют длящиеся и ситуативные (спонтанные) криминальные конфликты. Длящиеся конфликты характеризуются серией эпизодов конфликтного взаимодействия, завершающиеся, в конце концов, совершением преступления. Например, конфликт, возникший на основе продолжительных семейных противоречий между супругами, связанных с подозрениями в измене, в излишнем расходовании средств семейного бюджета и т.п. В очередной раз выяснения отношений супруг сильно толкнул свою жену, та упала и ударилась головой об угол журнального столика, в результате чего наступила ее смерть.

Ситуативный криминальный конфликт протекает в рамках одной ситуации. Он возникает спонтанно, чаще всего из-за незначительных проблем, как правило, в общественных местах (например, клиенту, находившемуся в ресторане, было сделано замечание о его недопустимом поведении ввиду сильного алкогольного опьянения). По общей схеме криминальный конфликт проходит в своем развитии три стадии:

- 1) латентную стадию, на которой возникает конфликтная ситуация;
- 2) открытую стадию, которая характеризуется совершением преступления;
- 3) завершение конфликта, может произойти путем его исчерпания при примирении с потерпевшим по делам частного обвинения, добровольного отказа от преступления, смерти виновного и т.п., а также посредством его разрешения государственным органом, под которым понимается целенаправленная деятельность компетентного органа по устранению конфликта с помощью использования правовых норм.

Одним из главных средств разрешения уголовно-правового конфликта является нака-

вание преступника, из чего можно сделать вывод, что криминальное противоборство всегда характеризуется применением принудительного порядка его разрешения. Надо отметить, что использование судебных процедур в целях разрешения конфликтов наряду с определенными преимуществами имеет и ряд недостатков:

1. Длительный характер рассмотрения судебных дел.

2. Финансовая затратность (прямые расходы сторон в виде судебных пошлин, а также косвенные затраты на судебные издержки, т.е. оплата услуг экспертов, адвокатов и т.д.).

3. Неразрешенность конфликта (по окончании судопроизводства решение, как правило, принимается в пользу одной из сторон, значит, другая сторона остается неудовлетворенной. А если суд удовлетворяет требования одной из сторон в части, то обе стороны в итоге остаются недовольны).

4. Установление жесткой процедуры разрешения конфликта (процессуальное законодательство требует неуклонного соблюдения правил судопроизводства; отклонение невозможно).

5. Незаинтересованность судьи в разрешении конфликта.

Если юридический конфликт возникает

ввиду совершения административного правонарушения, то его разрешение возможно в рамках административного производства, которое осуществляется несудебными органами государственной власти как в коллегиальной (например, конфликт между продавцом, нарушавшим нормы законодательства о продаже товаров, и комитетом по защите прав потребителей), так и единоличной (конфликт между инспектором ГИБДД и водителем автомобиля, нарушавшего правила дорожного движения) формах. Эти конфликты могут возникать:

а) по инициативе управляемой стороны, например, когда ее права и законные интересы нарушаются неправомерными действиями должностных лиц органов власти (об этом подается жалоба);

б) по инициативе управляющей стороны, например, при возбуждении дела о привлечении гражданина к административной ответственности;

в) между различными субъектами управления, например, между исполнительными органами одного или различного уровня;

г) по инициативе правоохранительных органов, например, при опротестовании органами прокуратуры актов или действий исполнительных органов власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // СЗ РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.

2. Грудцына Л.Ю. Направления и результаты сотрудничества государства и профессиональных юридических сообществ // Образование и право. 2011. № 3. С. 132-153.

3. Клячин Е.Н. Конституционная гарантия каждого на получение квалифицированной юридической помощи невозможна без более полного использования потенциала нотариата // Нотариат, государственная власть и гражданское общество: современное состояние и перспективы. М., 2007.

BIBLIOGRAPHY

1. The decree of the President of the Russian Federation on 7 may 2012 No. 601 "On the main directions of improvement of the state management system" // Sz the Russian Federation. 2012. No. 19. Article 2338.

2. Grudtsyna L. Y. trends and results of cooperation between the state and professional legal communities // education and the right. 2011. No. 3. C. 132-153.

3. Klyachin E. N. The constitutional guarantee each to receive qualified legal assistance is impossible without a more complete use of the potential of notaries /Notaries, state power and civil society: current status and prospects. M., 2007.

Р.Ф. АЗИЗОВ

Электронное правительство как элемент электронного государства

АННОТАЦИЯ. В статье проанализированы теоретико-правовые аспекты формирования институтов «электронного государства», «электронного правительства» в условиях развития информационного общества. В результате проведенного сравнительного исследования выявлено соотношение этих понятий и институтов, что имеет практическое значение при проведении лингвистической и правовой экспертизы нормативно-правовых актов при нормотворческом процессе в сфере правового регулирования отношений в информационной среде.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: киберпространство, электронное правительство, электронное государство, информационное общество, электронная коммерция.

АЗИЗОВ РАШИД ФИКРАТ ОГЛЫ – докторант кафедры теории и истории государства и права юридического факультета СПбГУ, кандидат юридических наук (Azizoff1980@gmail.com).

R.F. AZIZOV

Electronic government as element of the electronic state

ANNOTATION. The article analyzed theoretical-legal aspects of the formation of the institutions of e-Government and e-State in conditions of the development of information-oriented society. The comparing research revealed the correlation of these concepts, and it has a great significance for linguistic and legal expertise of legal acts in the law making process in the sphere of the regulation of the relations in the information-oriented society.

KEYWORDS: cyberspace, e-government, e-governance, e-State, information society, e-commerce.

AZIZOV RASHAD FIKRAT – Doctoral candidate of the department of theory and history of law and state at the Law Faculty of the Saint-Petersburg State University, candidate of jurisprudence (Azizoff1980@gmail.com).

Государство есть продукт общественного развития, поэтому по мере развития и усложнения общественных отношений неизбежно изменяется и сущность, форма, структура механизма государства. Современный период характеризуется переходом на качественно новый этап социального развития, связанный с формированием так называемого информационного общества. Информационное взаимодействие как базовая составляющая информационного общества обуславливает признаки данного типа социальной структуры. Так, например, в качестве признаков информационного общества называют:

– полноценное развитие информационной инфраструктуры, обеспечивающей возможность доступа к отечественным и зарубежным информационным ресурсам (порталы, терминалы, банки данных, компьютерные сети и др.);

– наличие внутреннего информационного рынка и его интеграция с мировым информационным рынком;

– существование высокого уровня международного информационного обмена¹.

Информационное общество предполагает и специфическую форму управления социальными процессами. А поскольку главным

¹ Рассолов И.М. Информационное право. М., 2011. С. 18. См. также: Копылов В.А. Информационное право. М., 2002. С. 11.

«управляющим» институтом в современном государственно-организованном обществе выступает государство (в лице соответствующих государственных органов и должностных лиц), то оно и должно стать на новые информационные «рельсы». Так, выделяют следующие этапы развития общества и соответственно государства:

- доиндустриальное общество – контрольное государство;
- индустриальное общество – правовое государство;
- постиндустриальное общество – социальное государство;
- информационное общество – электронное государство².

Как подчеркивают исследователи, информационно-правовое обеспечение управления выражается в практической деятельности специальных органов власти по реализации политики государства в области информатизации и информационного обслуживания населения, его интересов в данной сфере³. Это обусловило появление целого ряда концепций «электронного государства», «сетового государства», «электронного правительства», «электронной власти» и т.п. Причем нередко происходит смешение данных терминов, поэтому необходимо в первую очередь определиться с понятиями.

Дело в том, что за основу взят английский вариант «electronic governance (E-government)». При этом термин «government» многоаспектен и может переводиться как «1) управление, руководство, регулирование; 2) государственная власть; 3) политический строй; 4) форма правления; 5) правительство; 6) управляемая губернатором провинция».⁴

В русском же языке понятия «государство», «государственная власть», «правительство»

не тождественны. На наш взгляд, «электронное государство» – наиболее широкий термин, предполагающий «электронизацию» всех элементов механизма государства, в том числе государственных органов, государственных учреждений, государственных предприятий, а также создание соответствующих механизмов взаимодействия с гражданским обществом. Термин же «электронное правительство» гораздо уже и в собственном смысле обозначает использование электронных технологий в деятельности органов исполнительной власти (правительства). Однако возможно и более широкое толкование «электронного правительства» как «электронной власти», охватывающей все органы государственной власти (законодательные, исполнительные, судебные) и местного самоуправления, то есть все властные структуры. По-нашему мнению, именно в таком широком смысле слова (как «электронное правление») термин «электронное правительство» в наибольшей степени соответствует английскому «E-government».

Сама концепция «E-government» появилась на Западе в конце 1990-х годов как идея широкого внедрения современных информационных, компьютерных технологий в работу государственных структур с целью повышения эффективности и прозрачности работы государственного аппарата. Эта концепция сопровождалась другой – идеей сервисно-ориентированного государства, то есть государства как организации, предоставляющей услуги своим гражданам. Для решения этих задач во всем мире стали появляться соответствующие целевые программы: e-Europe, e-Austria, Indonesia National e-Strategy и т.п.⁵

В современной научной литературе называются несколько вариантов (подходов) к

2 Ковалева Н.Н. Информационное право России. М., 2008. С. 32.

3 Рассолов И.М. Информационное право. М., 2011. С. 339.

4 Англо-русский полный юридический словарь / Сост. А.С. Мамулян. М., 1993. С. 178.

5 Кузнецов С.Л. Электронное правительство – что это такое? // Административное право. 2010. № 1 // СПС КонсультантПлюс.

интерпретации «E-government»: европейский, американский и российский.

В Европе действует программа «Электронная Европа». Комиссия ЕС определяет электронное правительство как «использование информационно-коммуникативных технологий в государственном управлении в сочетании с организационными изменениями и новыми навыками для улучшения услуг и демократических процессов и укрепления поддержки для государственной политики».⁶ В законе США об электронном правительстве последнее представлено как деятельность по использованию органами власти (Government) интернет ресурсов и других информационных технологий, совместно с процессами, обеспечивающими их выполнение, с целью улучшить доступ государственных услуг и распространение государственной информации для граждан, других государственных организаций или внести улучшения в деятельность органов власти, в т.ч. в результативность, эффективность, качество услуги⁷.

Российские исследователи предлагают следующее определение электронного правительства: «Государственное управление с использованием ИКТ для оказания государственных услуг, совершенствования взаимоотношений с гражданами и организациями, между органами государственной власти, а также внутренних процедур деятельности»⁸.

Сравнивая эти три подхода, А.К. Жарова отмечает: в «европейском» определении а) отделяется государственное управление и использование ИКТ, б) подчеркивается связь технологий с организационными изменениями и новыми навыками, в) определяется цель — улучшение услуг и поддержка государ-

ственной политики; в американском варианте а) выделяются две области деятельности — государственное управление и инновационные процессы в их системе, б) указывается цель — улучшение распространения государственной информации и услуг, а также деятельности органов власти; в российском подходе а) обозначена одна область — государственное управление с использованием ИКТ, б) обозначаются цели — оказание государственных услуг, совершенствование взаимоотношений с гражданами, организациями и между самими органами, а также совершенствование внутренних процедур деятельности (делопроизводства и документооборота)⁹.

На наш взгляд, обозначенные подходы сходны в главном: они связывают понятие электронного правительства исключительно с государственным управлением, что, по сути, означает внедрение информационно-коммуникативных технологий в деятельность органов исполнительной власти как главных органов государственного управления. То есть налицо узкий подход к пониманию электронного правительства¹⁰. Хотя и термин «государственное управление» в принципе может быть использован в широком смысле как целенаправленное организующе-регулирующее воздействие государства (через систему всех его органов и должностных лиц) на общественные процессы, отношения и деятельность людей. С другой стороны, цели электронизации «правительства» указаны более широко: совершенствование работы государственного аппарата, то есть всех органов государственной власти, и обеспечение доступности государственной информации для населения. Последнее в свою очередь

6 Бачило И.Л. Правовая платформа построения электронного государства // Информационное право. 2008. № 4 // СПС КонсультантПлюс.

7 E-Government Act of 2002 (116 STAT. 2899) // <http://www.glin.gov/view.action?glinID=83278> (20.05.2011)

8 Жарова А.К. Правовые проблемы «электронного правительства» // Информационное право: актуальные проблемы теории и практики: колл. монография / Под общ. ред. И.Л. Бачило. М., 2009. С. 223.

9 Жарова А.К. Правовые проблемы «электронного правительства» // Информационное право: актуальные проблемы теории и практики: колл. монография / Под общ. ред. И.Л. Бачило. М., 2009. С. 223.

10 Глазунова Н.И. Система государственного управления. М., 2003. С. 13.

повышает уровень демократизации государственного управления.

Традиционно основной проблемой демократической политической системы, основанной на принципах партнерского взаимодействия управляющих и управляемых, является то, как совместить, с одной стороны, максимальную реализацию демократических принципов в управлении (максимизацию политического участия граждан) и, с другой стороны, обеспечить достаточно высокий уровень эффективности системы принятия политических решений. Сущность проблемы заключается в объективной невозможности воплотить идеи прямой (полисной) демократии в условиях крупного современного социума. Реализация же концепции электронного правительства создает предпосылки для формирования принципиально новой модели демократии — цифровой (электронной) демократии (*digital democracy*), основанной на более полном подчинении деятельности государства обществу и возможности прямого участия граждан в решении государственных и местных вопросов путем он-лайн-ого голосования. Так, применение электронного правительства, разрешая проблему политического участия — «проблему номер один для развитых демократий»¹¹, закладывает тенденцию перехода от господствующей репрезентативной модели демократии к партисипаторной демократии (особенно на региональном и местном уровнях), преодолевая противоречие между демократичностью и эффективностью управления, так как электронное правительство создает условия, при которых максимизация политического участия граждан не понижает, а, напротив, повышает эффективность государственного управления¹².

Следует отметить, что в литературе нередко происходит смешение терминов «электронное правительство» и «электронное государство». Так, например, Н.Н. Ковалева дает следующее определение электронного государства: «Это реализация интернет-решений и базовой инфраструктуры для предоставления физическим и юридическим лицам информационных ресурсов и информационных услуг государственными органами с целью обеспечить прозрачность работы государственного сектора и обеспечить интерактивное участие среди первых лиц в принятии решений»¹³. Электронное же правительство определяется ею как концепция осуществления государственного управления, присущая информационному обществу, которая основывается на возможностях информационно-телекоммуникационных технологий и ценностях открытого гражданского общества¹⁴. На наш взгляд, в первом определении речь идет не о государстве, а о правительстве (в широком смысле слова), поскольку в качестве субъектов указываются только государственные органы. Понятие же государства, как мы уже отмечали, не исчерпывается лишь его органами. «Электронное государство» — это новая форма информационных взаимоотношений в сфере государственного администрирования в различных направлениях: «государство — граждане» (G2E — «government-to-employee»), «государство — бизнес» (G2B — «government-to-business»), «государство — государство» (G2G — «government-to-government»). Создание «электронного государства» должно обеспечить не только более эффективное и менее затратное администрирование, но и кардинальное изменение взаимоотношений между обществом и властью. Оно долж-

11 Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002. С. 102.

12 Павроз А.В. Реализация концепции электронного правительства и новые возможности для развития демократии // Технологии информационного общества — Интернет и современное общество: труды V Всеросс. объединенной конф. СПб., 25 — 29 ноября 2002 г. СПб., 2002. С. 296-298.

13 Ковалева Н.Н. Информационное право России. М., 2008. С. 32.

14 Ковалева Н.Н. Информационное право России. М., 2008. С. 32.

но гарантировать прямой и открытый диалог граждан с властью, различными социальными службами, комитетами и ведомствами и в конечном итоге — с каждым конкретным начальником любого ранга и статуса, что делает «электронное государство» не только доступным, но и интерактивным.

Как справедливо подчеркивают исследователи, модель электронного государства включает несколько элементов, таких как:

— «электронное правительство» в широком смысле слова (электронная власть), охватывающее собственно «электронное правительство», электронный парламент¹⁵, электронное правосудие;

— «электронный гражданин» (а также электронные СМИ, электронные общественные организации и т.д.);

— «электронный бизнес» и т.п.¹⁶

Определение же «электронного правительства» лишь как некой концепции, по нашему мнению, слишком абстрактно. В то же время автор, на наш взгляд, верно определяет суть этой концепции, которая состоит не просто в переводе офф-лайновой (off-line) деятельности государственных структур в электронную (он-лайновую) форму (по сути в дублировании информации), а во внедрении инновационных методов повышения эффективности государственного управления, его оперативности и доступности.

Существует и такой термин, как «правительство он-лайн» (government on-line). Оно также не тождественно «электронному правительству». «Правительство он-лайн» представляет собой статичные сайты правительственных структур, которые редко содержат что-либо помимо общей информации о работе данной

правительственной структуры и контактных телефонов. Самые продвинутые из них предлагают гражданам небольшое количество электронных операций, например, оплату налогов¹⁷.

Можно найти и нормативное определение «электронного правительства». Так, например, в Распоряжении Правительства РФ от 06.05.2008 № 632-р «О Концепции формирования в Российской Федерации электронного правительства до 2010 года» под последним понимается новая форма организации деятельности органов государственной власти (обратим внимание: всех органов), обеспечивающая за счет широкого применения информационно-коммуникационных технологий качественно новый уровень оперативности и удобства получения организациями и гражданами государственных услуг и информации о результатах деятельности государственных органов¹⁸.

Подводя итог, отметим, как справедливо подчеркивают исследователи, «электронное правительство» выполняет огромный комплекс задач, функций и операций в процессе инновационной деятельности органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые по своему правовому положению отправляют конституционно определенные роли в управлении жизнью страны и консолидации гражданского общества. Координация деятельности «электронного правительства» и деятельности всех структур государства и других институтов гражданского общества — самая непосредственная задача всей системы, всех уровней «электронного правительства»¹⁹. Мы убеждены, что формирование «электронного правительства» (как в узком, так и в широком смыс-

15 Азизов Р. Электронный парламент в Азербайджане // Информационное право. 2010. № 2. С. 21 – 23.

16 Жарова А.К. Правовые проблемы «электронного правительства» // Информационное право: актуальные проблемы теории и практики: колл. монография / Под общ. ред. И.Л. Бачило. М., 2009. С. 223.

17 Ковалева Н.Н. Информационное право России. М., 2008. С. 32.

18 СЗ РФ. 19 мая 2008. № 20. Ст. 2372.

19 Жарова А.К. Правовые проблемы «электронного правительства» // Информационное право: актуальные проблемы теории и практики: колл. монография / Под общ. ред. И.Л. Бачило. М., 2009. С. 223.

ле слова) — это важнейший и необходимый шаг на пути создания «электронного государства», причем делаться этот шаг должен не

только на федеральном уровне, но и, что не менее важно, на уровне субъектов Федерации и муниципальных образований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Рассолов И.М. Информационное право. М., 2011. С. 11.
2. Копылов В.А. Информационное право. М., 2002.
3. Ковалева Н.Н. Информационное право России. М., 2008.
4. Кузнецов С.Л. Электронное правительство – что это такое? // Административное право. 2010. № 1 // СПС КонсультантПлюс.
5. Бачило И.Л. Правовая платформа построения электронного государства // Информационное право. 2008. № 4 // СПС КонсультантПлюс.
6. E-Government Act of 2002 (116 STAT. 2899) // <http://www.glin.gov/view.action?glinID=83278> (20.05.2011).
7. Жарова А.К. Правовые проблемы «электронного правительства» // Информационное право: актуальные проблемы теории и практики: колл. монография / Под общ. ред. И.Л. Бачило. М., 2009.
8. Глазунова Н.И. Система государственного управления. М., 2003.
9. Иванов Д.В. Виртуализация общества. Версия 2.0. СПб., 2002.
10. Павроз А.В. Реализация концепции электронного правительства и новые возможности для развития демократии // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: труды V Всеросс. объединенной конф. СПб., 25 – 29 ноября 2002 г. СПб., 2002.
11. В информационном обществе грядет эпоха возвращения к прямой демократии // Портал экспертно-консультативной группы Совета при Президенте РФ по развитию информационного общества <http://www.infovet.ru>. (18.05.2011).
12. Азизов Р. Электронный парламент в Азербайджане // Информационное право. 2010. № 2.
13. СЗ РФ. 19 мая 2008. № 20. Ст. 2372.
14. Англо-русский полный юридический словарь / Сост. А.С. Мамулян. М., 1993.

BIBLIOGRAPHY

1. Rassolov I.M. Information right. M, 2011. Page 11.
2. Kopylov V.A. Information right. M, 2002.
3. Kovalyova N.N. Information right of Russia. M, 2008.
4. Kuznetsov S.L. The electronic government – what is it? // Administrative law. 2010. No. 1 // Union of Right Forces ConsultantPlus.
5. Bachilo I.L. Legal platform of creation of the electronic state // Information right. 2008. No. 4 // Union of Right Forces ConsultantPlus.
6. E-Government Act of 2002 (116 STAT. 2899) // <http://www.glin.gov/view.action?glinID=83278> (20.05.2011).
7. Zharova A.K. Legal problems of "the electronic government" // Information right: actual problems of the theory and practice: stake. the monograph / Under a general edition of I.L. Bachilo. M, 2009.
8. Glazunova N.I. Sistem of public administration. M, 2003.
9. Ivanov D.V. Virtualization of society. Version 2.0. SPb., 2002.
10. Pavroz A.V. Implementation of the concept of the electronic government and new opportunities for development of democracy // Technologies of information society – the Internet and modern society: works V of Vseross. united conf. SPb., on November 25 – 29, 2002 SPb., 2002.
11. In information society the era of return to direct democracy // Portal of an expert consultative group of Council at the Russian President for development of information society <http://www.infovet.ru> approaches. (18.05.2011)
12. Azizov R. Electronic parliament in Azerbaijan // the Information right. 2010. No. 2.
13. SZ Russian Federation. May 19, 2008. No. 20. Art. 2372.
14. English-Russian unabridged legal dictionary / Sost. A.S. Mamulyan. M, 1993.

А.В. АХМАТОВ

О некоторых актуальных проблемах правореализации в контексте общей теории права

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается реализация права как правовая категория в теории права. Автор показывает взаимосвязь реализации права с теорией юридического процесса, а также ставится вопрос о необходимости разработки новой правовой категории – механизма правового процессуального регулирования.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: право, реализация права, теория юридического процесса, механизм правового регулирования.

АХМАТОВ АЛЕКСЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ – заместитель начальника отдела Юридического управления Государственного казенного учреждения города Москвы «Управление подготовки территорий» Департамента строительства города Москвы, кандидат философских наук, доцент РААН (ahmatov@bk.ru).

A.V. AHMATOV

Some actual problems of previously in the context of the General theory of law

ANNOTATION: This article describes the implementation of law as a legal category in the theory of law. Author shows the relationship of the right and the theory of the legal process, and also raises questions about the need for a new legal category – mechanism of legal procedural regulation.

KEYWORDS: law, the implementation of law, the theory of the legal process, the mechanism of legal regulation.

AHMATOV A.V. – Deputy head of Legal Department of State institution of Moscow "Management of training areas" of the Department of construction of Moscow, candidate of philosophical Sciences, associate of professor RAAN (ahmatov@bk.ru).

Современное политико-правовое развитие большинства государств в мире носит очень сложный и противоречивый характер. Так, с одной стороны, это лозунги о приоритете, неприкосновенности и в какой-то мере даже сакральности института прав, свобод человека и гражданина и международного права¹, а иногда даже абсолютизация либеральных идей демократии и свободы. Но одновременно, с другой стороны, это общеизвестные игнорирование законности как

основы правопорядка в обществе, грубейшие нарушения этих самих прав и свобод, закрепленных на уровне международного права теми же государствами и международными организациями, которые активно занимаются пропагандой вышеотмеченных лозунгов (например, война в Ираке, Ливии, Сирии и др.).

На этом фоне любой практикующий юрист в современной России, да и простой гражданин, пытающийся исключительно правовы-

1 Каламкарян Р.А. Международный суд и современный миропорядок: позитив международно-правового опыта // Государство и право. 2013. № 1. С. 63–72; Он же. Россия в универсальном мировом правовом пространстве // Государство и право. 2013. № 8. С. 75–85 и др.

ми средствами защитить свои права, свободы и законные интересы, обязательно рано или поздно сталкивается с вопросами: почему тот или иной закон не работает? Почему неэффективна та или иная норма права? Такие банальные и обыденные на первый взгляд и постоянно задаваемые в настоящее время вопросы таят в себе колоссальный комплексный пласт проблем (прежде всего системного и теоретико-методологического порядка), составляющих важнейшую компоненту всей юриспруденции и как науки, и как профессии — тематику правореализации или реализации права (в рамках настоящей статьи эти понятия употребляются как идентичные). Возьмем на себя смелость говорить о том, что вопросы исследования реализации права (правореализации) актуальны для любого государства на любом этапе его исторического развития. Как известно, **право реально прежде всего потому, что оно воплощается в фактическом поведении людей.** Право без обеспечения его реализации в некотором смысле перестает быть правом и становится простой академической абстракцией, понять которую в состоянии только узкий круг специалистов.

Известный теоретик права Л.С. Явич считал, что: **«Право ничто, если его положения не находят своей реализации в деятельности людей и их организаций, в общественных отношениях. Нельзя понять право, если отвлечься от механизма его реализации в жизни общества»**² (здесь и далее выделено мной. — А.А.). Сегодня исследователи правовой процедуры М.И. Байтин и О.В. Яковенко пишут, что: «Закон без процедуры его реализации можно сравнить с птицей без крыльев. В каждом подобном случае действие закона заранее затрудне-

но или вообще сводится на нет. В условиях современной России, когда неисполнение закона стало прямым проявлением одной из основных причин **«ложившегося в стране правового беспредела**, этот вопрос приобретает особую остроту»³.

Состояние действующего российского законодательства в настоящее время оставляет желать лучшего, т.к. «известно немало так называемых мертвых норм, которые действуют, но не воплощаются в конкретных отношениях, в действиях граждан и иных лиц»⁴ (например, несоблюдаемые процессуальные сроки изготовления судьями постановлений суда в полном объеме, установленные Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации и Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и др.). Как никогда обретают сегодня актуальность слова Гегеля: «Сколько прав не получило своей реализации!? Если бы все права внезапно заговорили — какой бы неумолкаемый гул перебивающих друг друга голосов раздался бы тогда!»⁵.

Учитывая вышеизложенное, представляется злободневным обратиться к проблеме модели теоретической разработки научной правореализации в контексте теории права. В частности, ее взаимосвязи с теорией юридического процесса.

Анализируя работы, посвященные реализации права, можно отметить, что большинство исследователей так или иначе связывают ее с проблемами концепции механизма правового регулирования (далее — МПР)⁶, в идее которой «нашло отражение закономерное стремление ученых на определенном этапе развития юридической науки к син-

2 Явич Л.С. Общая теория права. Л., 1971. С. 201.

3 Байтин М.И., Яковенко О.В. Теоретические вопросы правовой процедуры // Журнал российского права. 2000. № 8. С. 93.

4 Сырых В.М. Теория государства и права. М., 2007. С. 254.

5 Гегель Г.В.Ф. Политические произведения. М., 1978. С. 141.

6 Сапун В. А. Указ. Соч. Там же; Решетов Ю. С. Механизм правореализации в условиях развитого социализма. Казань, 1980. С. 37 и др.

тезу правовых знаний, к созданию целостной картины правового регулирования»⁷. Как известно, МПР позволяет: «не только собрать вместе явления правовой действительности — нормы, правоотношения, юридические акты и др. и обрисовать их как целостность (это достигается также и при помощи понятия «правовая система»), но и представить их в «работающем», системно-динамическом виде, что характеризует результативность правового регулирования, его способность гарантировать с правовой стороны достижение поставленных законодательством целей»⁸.

В таком особом внимании к проблемам МПР в теории права нет ничего необычного, т.к. одна из главных задач юридической науки — это «создание необходимых предпосылок, гарантий и механизмов реализации прав индивида, преодоление кризиса... Именно на это должны быть направлены и силы науки и практики»⁹. И сегодня в теории государства и права достаточно широко используется такая правовая категория как «механизм». Например, выделяют «механизм государства», «механизм управления», «механизм правотворчества», «механизм государственно-правового регулирования»¹⁰ и др.

У «истоков» тематики МПР стоял Н.Г. Александров, который одним из пер-

вых в отечественной правовой науке начал детально изучать тематику форм правового воздействия на общественные отношения¹¹. Однако базовое, развернутое обоснование и, возможно, свой законченный вид концепция МПР приобрела в трудах С.С. Алексеева, в частности, в его в какой-то мере легендарной работе «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве», вышедшей в 1966 году. «Ее методологическая ценность в том, что автор рассматривает механизм правового регулирования как систему, охватывающую нормы права, правоотношения и акты их реализации. Такой подход позволяет показать диалектику процесса правового регулирования общественных отношений»¹². Именно после выхода в свет данной работы понятие МПР было подхвачено многими правоведами, положено в основу многих специальных правовых исследований и получило, таким образом, широкое распространение в юридической литературе. В дальнейшем соответствующая тема вошла в учебные программы и учебники по теории государства и права¹³.

С.С. Алексеев определял МПР как «взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения»¹⁴. При этом автор полагал,

7 Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 92.

8 Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. II. М., 1982. С. 10.

9 Матузов Н.И. Права человека. Пути их реализации. Материалы международной научно-практической конференции (8-10 октября 1998 г.). Ч. 1, Саратов, 1999. С. 74.

10 Бобылев А.И. Механизм правового воздействия на общественные отношения // Государство и право. 1999. № 5. С. 104. Здесь необходимо отметить, что категория «механизм» используется также и в отраслевых правовых исследованиях и не является прерогативой исключительно теории государства и права. См., например: Шульц О. Г. Место и роль института Верховного комиссара ООН по правам человека в международном механизме защиты прав человека // Государство и право. 2005. № 4; Кудрявцев В. Л. Проблемы установления истины через механизм доказывания в контексте деятельности государственного обвинителя в суде // Журнал российского права. 2006. № 2; Карлин А. Саморегулирование — существенно значимый элемент эффективного механизма несостоятельности // Российская юстиция. 2004. № 2 и др.

11 Александров Н.Г. Правовые отношения в социалистическом обществе. Лекция, прочитанная на юридическом факультете МГУ. М., 1959. С. 11.

12 Виноградов В.М. Обсуждение книги С.С. Алексеева «Механизм правового регулирования в социалистическом государстве» (Рецензия) // Правоведение. 1967. № 5. С. 170.

13 Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 91.

14 Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 30.

что рассматриваемая общетеоретическая правовая категория позволяет не только собрать вместе явления правовой действительности, связанные с решением жизненных ситуаций, и обрисовать их как целостность, но и представить их в работающем, системно воздействующем виде.¹⁵ В соответствии со стадиями правового регулирования (которыми, как известно, являются а)) регламентирование общественных отношений, нуждающихся в правовом опосредовании; б)) действие юридических норм, в результате которых возникают или изменяются правовые отношения; в)) реализация субъективных юридических прав и обязанностей, при котором правовое регулирование достигает своих целей — воплощается в поведении конкретных лиц. С.С. Алексеев выделял три основных элемента (звена) в механизме правового регулирования: 1) юридические нормы; 2) правовые отношения; 3) акты реализации прав и обязанностей. Факультативным элементом являются акты применения права¹⁶. В дальнейшем различные исследователи предлагали только добавить различные элементы в МПР¹⁷, без иного толкования его сути.

Как соотносятся широко употребляемые понятия «механизм правового регулирования», «механизм правового воздействия» и «правовой механизм»? Ведь на первый взгляд в основе этих понятий лежит термин «механизм», связанный с правовой сферой, и, следовательно, эти понятия очень схожи. Но в то же время некоторые исследователи отмечают, что при всей дискуссионности данной проблематики вполне очевидно, что

правоведы стремятся использовать ее для обозначения некой идеальной модели, в соответствии с которой развивается типичный акт (цикл) процесса правового регулирования, и понимание этого факта вполне достаточно для уяснения различий в понятиях «механизм правового регулирования» и «правовой механизм»¹⁸. Отмечается, что различна природа рассматриваемых механизмов, их структура, функциональная роль и др.¹⁹ Так, исследователь правовых процедур В.Н. Протасов считает, что: «понятие «механизм» незаменимо там, где есть совокупность (система) достаточно жестких динамических закономерностей. Это все механизмы действия права: социальный, психологический, механизм реализации права»²⁰. Кроме того, по его мнению, «все то, что в настоящее время пытаются охватить понятием «механизм правового регулирования», механизмом в собственном смысле слова не является. Задача правового регулирования поведения требует такого множества компонентов и связей между ними, что с их характеристикой может справиться лишь понятие «система», а не понятие «механизм»²¹. С позиции же С.С. Алексеева, понятие механизма охватывает две стороны правового регулирования. Во-первых, — это обеспечение при помощи совокупности правовых средств правового воздействия на общественные отношения и, следовательно, обеспечение эффективности правового воздействия. Во-вторых — это внутреннее строение механизма, его отдельные элементы (части), взятые в соотношении»²². В то же

15 Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 364.

16 Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 34-35.

17 Малько А. В. Механизм правового регулирования: Лекция // Правоведение. 1996. № 3. С. 60; см. также: Витрук Н. В. Акты применения права в механизме реализации прав и свобод личности // Правоведение. 1983. № 2. С. 3 – 10 и др.

18 Шундилов К.В. Правовые механизмы: основы теории // Государство и право. 2006. № 12. С. 18.

19 Там же. С. 18.

20 Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 98.

21 Протасов В.Н. Основы общеправовой процессуальной теории. М., 1991. С. 99.

22 Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. М., 1966. С. 30.

время, по мнению данного исследователя, в соответствии со сложившимися научными представлениями целесообразно термин «механизм» сохранить для характеристики совокупности средств, обеспечивающих правовое воздействие, а совокупность организационных сторон (форм) правового регулирования обозначать термином «структура»²³.

В правовой литературе справедливо отмечается, что понятие МПР уже понятия механизма правового воздействия. Так, М.Н. Марченко пишет, что понятие «воздействие» по объему более широкое, чем «регулирование», ибо воздействие включает как регулирование с помощью определенной правовой нормы, так и другие правовые средства и формы влияния на поведение людей²⁴.

На наш взгляд, понятие «правовой механизм» еще уже понятия МПР, а понятие механизма правового воздействия является родовым по отношению к понятиям МПР и «правовой механизм».

Попытки теоретического осмысления процессуальных проявлений в праве предпринимались еще дореволюционными правоведом²⁵. Однако с высокой степенью вероятности можно говорить о том, что теория юридического процесса именно как целостно оформленная научная концепция берет свое начало в 1976 г. в связи с выходом в свет коллективной монографии «Юридическая процессуальная форма: теория и практика» под редакцией П.Е. Недбайло²⁶ и В.М. Горшенева.

В своей коллективной монографии авторы обосновывали мысль²⁷ о том, что процессуальная форма имеет место быть не только в юрисдикционной (правоохранительной) сфере применения норм права, но и в других сферах позитивного правоприменения, что «любая отрасль материального права вызывает к жизни соответствующие процессуальные нормы, поскольку для реализации ее норм необходима определенная правоприменительная деятельность уполномоченных на то субъектов»²⁸. Под процессуальной формой (именно на этом понятии и его роли в системе права был сконцентрирован основной акцент исследования авторов монографии) авторами предлагалось понимать «совокупность однородных процедурных требований, предъявляемых к действиям участников процесса и направленных на достижение определенного материально-правового результата»²⁹. Предметом процессуального права, являющегося составной частью юридического процесса, авторы предлагали считать «организационные отношения», складывающиеся в процессе правотворчества и правоприменения³⁰. Понятие процессуальная форма получило свое развитие в трудах и некоторых современных исследователей³¹.

Авторы теории юридического процесса также связывали ее с МПР. Так, В.М. Горшенев отмечал, что: «юридический процесс как новая обобщенная категория в понятийном строе теории права появилась

23 Там же. С. 31-32.

24 Общая теория государства и права. Академический курс / под ред. М.Н. Марченко. Т. 2. М., 1998. С. 435.

25 Про развитие теории юридического процесса см.: Ахматов А.В. Юридический процесс: проблемы теории и практики. М., 2011. С. 61 – 91.

26 О творчестве П.Е. Недбайло см.: Витрук Н. В., Рабинович П. М. Петр Емельянович Недбайло (1907 – 1974 гг.) // Правоведение. 1987. № 3. С. 74 – 79.

27 Хотя отдельные базовые составляющие своей концепции данные исследователи высказывали еще раньше. См., например: Горшенев В. М. Разновидности процессуальных норм в советском праве // Правоведение. 1969. № 2. С. 23 – 31 и др.

28 Горшенев В.М., Недбайло П.Е. Юридическая процессуальная форма: теория и практика. М., 1976. С. 12.

29 Там же. С. 13.

30 Там же. С. 28.

31 Павликов С.Г., Свиринов Ю.А., Левина Ю.В. Исполнительная процессуальная форма (право): теоретико-правовые аспекты // Государство и право. 2012. № 5. С 5–11.

сравнительно недавно и была *результатом обнаружения объективной тенденции совершенствования МПР и повышения эффективности права...*³²

Как представляется, осмысление проблем взаимосвязи МПР, реализации права и теории юридического процесса должно начинаться прежде всего с вопросов регулирования *общественных отношений процессуальными нормами права*. В связи с этим представляется возможным придерживаться позиции В.О. Лучина, согласно которой процессуальные нормы призваны регулировать специфические общественные отношения (независимо от того, к какой отрасли они относятся), складывающиеся в процессе деятельности их субъектов по применению материальных норм. Если нормы материального права выражают содержание деятельности государственных органов и иных субъектов, определяя их правовое положение, компетенцию и т.д., то процессуальные нормы закрепляют порядок, способы, процедуру, методы осуществления этой деятельности путем установления конкретных организационно-правовых (процессуальных) форм реализации норм материального права³³.

Серьезный вклад, с методологической точки зрения, в развитие рассматриваемой проблемы внесла Р.В. Шагиева, взаимоувязав правореализацию и юридический процесс. По ее мнению, весь юридический процесс — непрерывная цепь возникающих, развивающихся и прекращающихся процессуальных действий и отношений в их взаимосвязи и взаимопроникновении³⁴. При этом **«юридический процесс как реализуемое процессуальное право** представляет собой сложный порядок

воплощения в урегулированных этим правом общественных отношениях известной государственной воли, при котором идеальные фазы их бытия чередуются, переплетаются с объективно-реальным (правомерным поведением). По своей сущности реализация процессуально-правовых норм представляет собой воплощение в регулируемых ими общественных отношениях согласованной воли народа, возведенной в процессуальный закон государством и в конечном счете обусловленной всеми социально-экономическими, политическими и культурными условиями жизни общества»³⁵.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, можно говорить о том, что правореализация как воплощение действия правовых норм в фактическом поведении субъектов права связана с процессуальными нормами (юридическим процессом) как элементами МПР.

Однако такая сложная общетеоретическая конструкция, направленная на осмысление и структуризацию процесса правореализации, нуждается в дополнительной конкретизации в качестве методологической базы для возможных конкретных разработок уже на уровне юридического позитивизма.

Если исходить из методологической предпосылки, согласно которой именно синтез знаний позволяет сделать следующий шаг в познании, перейти от статической картины явления к динамической³⁶ (хотя «соединение анализа и синтеза» является одним из элементов диалектического метода³⁷), а также в связи с тем, что сегодня потенциал многих правовых норм не востребован и не раскрыт в силу отсутствия процессуального механизма их реализации,

32 Горшенев В.М. О разновидностях юридического процесса // Актуальные проблемы юридического процесса в общественном государстве. Вып. 1. Под ред. В.М. Горшенева. Ярославль, 1979. С. 3.

33 Лучин В.О. Процессуальные нормы в советском государственном праве. М., 1976. С. 7.

34 Шагиева Р.В. Нормы процессуального права: теория и практика их реализации. М., 2014. С. 148.

35 Шагиева Р.В. Нормы процессуального права: теория и практика их реализации. М., 2014. С. 132.

36 Абдеев Р. Ф. Философия информационной цивилизации. М., 1994. С. 310.

37 Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 29. С. 202.

в качестве постановки проблемы представляется возможным введение в оборот новой научной теоретико-правовой категории — *механизм правового процессуального регулирования*.

Возьмем на себя смелость говорить о том, что **механизм правового процессуального регулирования** — это система взаимосвязанных и взаимодействующих между собой правовых средств, основным назначением которой является детальная процессуально-правовая регламентация осуществления правоприменительной деятельности при правовом регулировании общественных отношений в целях правильного воплощения правовых предписаний в жизнь. В такой синкретической правовой категории должны интегрироваться такие составляющие общей теории права, как правореализация, юридический процесс, механизм правового регулирования, теория правоприменительной деятельности и инструментальная теория права. Все они вместе взятые и каждая отдельно направлены на детальную процессуальную регламента-

цию правового регулирования общественных отношений³⁸.

Как представляется, по своей правовой природе механизм правового процессуального регулирования является подсистемой МПР, которая и процессуально, и процедурно должна адаптировать ту или иную систему законодательства под постоянно динамично изменяющиеся общественные отношения. Основной составляющей такого механизма являются процессуально-правовые нормы, реализация которых и должна обеспечивать «качество» соблюдения законности и правопорядка в том или ином обществе.

Механизм правового процессуального регулирования является новой и недостаточно исследованной правовой проблематикой общей теории права, раскрытие теоретико-методологической базы которой было осуществлено автором этих строк относительно недавно, и которой в будущем, хочется верить, обязательно будет посвящено множество правовых исследований.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Алексеев С. С. Право. Опыт комплексного исследования. М., 1999. С. 364.
2. Ахматов А.В. Юридический процесс: проблемы теории и практики. М., 2011.
3. Нестеров А.В. Классификация правовых актов // Государство и право. 2013. № 7.
4. Шагиева Р.В. Нормы процессуального права: теория и практика их реализации. М., 2014.

BIBLIOGRAPHY

1. Alekseev S. S. Law. The experience of integrated research. M., 1999. S. 364.
2. Akhmatov A. C. Legal process: problems of theory and practice. M., 2011.
3. Nesterov A. C. Classification of legal acts of the // State and law. 2013. No. 7.
4. Shagiev R. C. procedural law: theory and practice. M., 2014.

38 По раскрытию составляющих категории «механизм правового процессуального регулирования» см.: Ахматов А.В. Юридический процесс: проблемы теории и практики. М., 2011. С. 120 – 137.

В.Н. КАЗАКОВ

Правопорядок и политико-правовой режим

АННОТАЦИЯ. В статье формулируются ответы на следующие вопросы: какой качественной особенностью обладает тот порядок, что лежит в основе того или иного политического режима? является ли правовой порядок необходимым условием прогрессивного развития либо отражает процессы стагнации демократических преобразований в зависимости от политического режима в различных государствах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданское общество, правовое государство, демократия, порядок, политико-правовой режим.

КАЗАКОВ ВЛАДИМИР НИКОЛАЕВИЧ – профессор кафедры теории и истории права и государства РААН, профессор кафедры права Подольского института (филиала) МАМИ, доктор юридических наук, профессор.

V.N. KAZAKOV

Rule of law and political and legal regime

ANNOTATION. This article provides answers to the following questions: What is the qualitative feature has the rule of law, that is the basis of a political regime? Is the legal order necessary condition of the progressive development or stagnation reflects the processes of democratic transformation, depending on the political regime in the various states.

KEYWORDS: civil society, the rule of law, democracy, the rule of law, political and legal regime.

KAZAKOV V.N. – professor of department of the theory and history of the law and state of RAAN, professor of department of the law Podolsky Institute (branch) MAMI, doctor of jurisprudence, professor.

Опыт последних лет убедительно свидетельствует, что движение мирового сообщества по пути социального развития возможно лишь на общецивилизационной ценностной основе и, прежде всего, должно быть связано с утверждением господства права в общественной жизни. Поэтому особое значение приобретают вопросы, связанные с политической стабильностью, развитием институтов гражданского общества и правового государства, политико-правового режима. В этой связи одной из ключевых задач современной юридической науки становится исследование проблемы совершенствования порядка в государствах с различными политико-правовыми режимами. Это исследование должно осуществляться как в сфере теории государства, так и в сфере теории права, а также с привлечением социологических данных, философско-правовых

разработок в сфере правовой аксиологии, результатов политологических исследований. Все эти данные должны быть обобщены на теоретико-правовом уровне, что является наиболее адекватной формой теоретического изучения феномена порядка в контексте различных политико-правовых режимов. Именно как теоретико-правовое исследование изучение данной проблемы имеет особое значение.

Проблема порядка в юридической теории имеет достаточно богатую историю. В советской научной литературе феномен порядка рассматривался с позиций классовой теории, и его базовые сущностные и содержательные характеристики увязывались, прежде всего, с особенностями конкретной общественно-экономической формации. Однако такой анализ сегодня нельзя считать достаточным ввиду того, что

он не учитывает общесоциальную сущность государства и права и все то многообразие факторов, которые оказывают влияние на формирование правопорядка и на выбор способов и методов осуществления государственной власти. Освободившись от идеологической монополии марксистско-ленинского подхода к изучению социальных явлений, отечественная юридическая наука призвана воспользоваться категориальным аппаратом философии, политологии и социологии (как отечественной, так и зарубежной), который ранее был ей недоступен. Тем более что в контексте достаточно радикального изменения содержания основных политических и правовых ценностей и идеологической сферы среди ученых-теоретиков и юристов-практиков сложились довольно устойчивые представления по ряду проблем государственной и правовой жизни общества, которые существенно отличаются от представлений, характерных для советского периода.

В современной России произошла смена всей системы базовых политических, экономических, социальных и правовых отношений, что определило смену политико-правового режима. Среди наиболее сложных задач, которые приходится решать в таких условиях, выделяется необходимость теоретической разработки основ правовой политики государства, формирования (трансформации) правовой системы, адекватной современному характеру общественных отношений, с опорой на рациональное и избирательное использование международного опыта и достижений политико-правовой мысли.

Проблема соотношения правопорядка с политико-правовым режимом актуализирована не только в контексте уже имевших место социальных изменений, но и в контексте поиска новых стратегий для развития страны, выделения наиболее значимых и приоритетных задач ее развития, выбора альтернативных моделей государственно-правового строительства. Внимание общественно-

сти к этим проблемам сочетается с обсуждением этих проблем на фоне разрастающегося мирового экономического кризиса. Сегодня поднимаются вопросы, связанные с пониманием того, как далеко может и должно зайти государство в укреплении правопорядка; насколько качественным (легитимным и основанным на справедливости) сейчас является правопорядок в большинстве ведущих стран мирового сообщества; можно ли сегодня воспринимать ценности демократии как безусловные; способен ли вообще демократический режим помочь в преодолении глобальных проблем современности и эффективно защищать правовые ценности в экстремальных социальных условиях.

Следует особо подчеркнуть, что особую значимость проблема соотношения правопорядка и политико-правового режима имеет для современного российского общества, поскольку начавшиеся в 80-е годы прошлого века и продолжающиеся до сих пор реформы в правовой сфере, несмотря на ряд однозначно позитивных последствий, все же большинство вопросов совершенствования механизмов и средств правового регулирования, на наш взгляд, полностью не решили. Важным и, пожалуй, самым верным индикатором этого выступают те проблемы, с которыми российское общество сталкивается в сфере поддержания правопорядка демократическими средствами. В современной российской действительности в первую очередь необходимо сохранение стабильности, которая возможна только при устойчивости политико-правового режима, его высокой легитимности, а также при максимальной защищенности общественного правопорядка силами государства и гражданского общества. Стройный, рациональный, адекватный для современной России правовой порядок является условием и предпосылкой выживания самой российской государственности и общества в целом.

Тот или иной политико-правовой режим обладает существенным ресурсом для защи-

ты правопорядка, но в то же время сам нуждается в защите и, прежде всего, в наличии стабильного и прочного правопорядка. Это подсистемы, которые во взаимосвязи образуют макросистему, изучение структуры и закономерностей функционирования которой представляет собой важную задачу юридической науки. В этом плане представляется исключительно важным исследование правового порядка с точки зрения обусловленности его сложившимися в различных государствах (в том числе и в России) политико-правовыми режимами.

Политико-правовой режим является наиболее гибким, подвижным и социально значимым элементом формы государства, важным детерминантом, определяющим состояние и качественное содержание взаимодействия государства с гражданским обществом, сочетание силовых и несиловых методов осуществления государственной власти, отношение к правам и свободам граждан, готовность к сотрудничеству и социальным компромиссам и т.д.

Исходя из этого первостепенной задачей является поиск ответов на следующие вопросы: какой качественной особенностью обладает тот или иной правопорядок; что же лежит в основе того или иного политико-правового режима; в каком контексте правопорядок может рассматриваться как важное условие прогрессивного развития общества, а в каком — отражает процессы стагнации демократических преобразований. Полученные ответы, несомненно, позволят создать идейную основу для выбора правильной стратегии правового и социального развития Российской Федерации.

С учетом сказанного становится актуальным переосмысление и систематизация накопленных в юридической теории знаний с учетом новых достижений общественных наук и, в частности, теории государства и права.

В истории цивилизации, в истории каждой страны и каждого народа черты тоталитаризма и демократии зачастую переплетаются, так называемые «тоталитарные», «авторитарные» и «демократические» режимы в чистом виде встречаются редко. Тем не менее, отдавая отчет в том, что любые классификации, типологии политико-правовых режимов предполагают определенные обобщения, абстрагированные от частных, не всегда бесспорные, считаем выделение различных типов политико-правовых режимов очень важным для анализа государственных и правовых явлений на теоретическом уровне. В частности, как мы предполагаем, ставя проблему в ракурсе обозначенной темы исследования, вопрос правопорядка и его специфики, а также комплекс проблем с ним связанный, следует рассматривать не вообще, а в контексте различных политико-правовых режимов.

В плане сравнительного анализа проявлений правопорядка в государствах с различными политико-правовыми режимами принципиальным для нас является подход Р.З. Лившица, который отмечал, что смысл научного подхода состоит не в том, чтобы заклеить одни режимы, а другие вознести. Научный подход состоит в выявлении характерных черт различных типов политико-правовых режимов, чтобы, опираясь на эти черты, объяснить и спрогнозировать процессы общественного развития¹. Полностью разделяя точку зрения ученого, важно уточнить, что в контексте нашего исследования этот подход состоит в том, чтобы выявить роль и место правового порядка, его значимость в государствах с различными политико-правовыми режимами, при этом, не давая оценки этим режимам с позиций какой-либо системы ценностей, а лишь констатируя их специфику в отношении правопорядка.

Следует, в общем, согласиться с мнением О.Э. Лейста о том, что «теорией государства

1 Лившиц Р.З. Теория права: учебник. М., 1994. С. 42.

и политологией ныне признано, что отношение государства к праву характеризует не форму правления (т.е. государственное устройство), а форму политического режима². Несмотря на небесспорное отождествление формы правления с государственным устройством (эта дискуссионная проблема лежит вне сферы нашего исследования), важно то, что ученый акцентирует внимание на политико-правовом режиме, именно как на характеристике определяющей соотношение государства с правовой сферой и, в частности, с правопорядком.

Безусловно, политико-правовой режим во многом определяет содержание правопорядка в конкретном обществе. Однако не вызывает сомнения и тот факт, что правопорядок также способен влиять на политико-правовой режим. Соответственно весьма острым и актуальным представляется проблема определения взаимосвязи этих двух явлений и поиск наиболее типичных соответствий определенного типа правопорядка какому-либо конкретному типу политико-правового режима. Эта проблема интересна еще и тем, что в науке теории государства и права проблема типологии политико-правовых режимов достаточно разработана, а проблема типологии правопорядка малоисследованна. Полагаем, что, несмотря на взаимную обусловленность, детерминантом в данной «увязке» двух явлений является политико-правовой режим.

Политико-правовой режим представляет собой весьма многоплановое — комплексное явление. Эта комплексность проявляется в самых разнообразных факторах, определя-

ющих свойства конкретного политико-правового режима³. К таковым многие исследователи относят прежде всего социально-экономические и культурные социальные основы. Выделяется также и политический фактор (характеристика политико-правового режима исходя из особенностей его конституционного оформления, роли партийной системы, «политического поведения» и т.п.).

Любой политико-правовой режим является результатом тех или иных условий, существование которых обусловлено объективно сложившимися общественными отношениями самого широкого спектра, и предпочтение тому или иному виду режима общество отдает исходя из приоритета поставленных перед ним задач⁴. В частности, для многих демократических государств, переживающих критические моменты своего существования (войны, социальные потрясения и т.д.), характерен определенный «крен» в сторону авторитаризма или даже тоталитаризма (К. Шмитт, Т. Рузвельт)⁵.

Учитывая цели и задачи настоящей статьи, нас интересует правовой (юридический) фактор, лежащий в основе того или иного политико-правового режима. К нему следует отнести степень гарантированности прав и свобод человека и гражданина и, прежде всего, их защищенность и обеспеченность со стороны государства и его органов. Реальным показателем этого может служить состояние правового порядка, выступающего итоговым результатом государственно-правового регулирования. Люди, чтобы спокойно жить в государстве, должны быть уверены, что их существование сколько-нибудь прочно, что в

2 Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 43.

3 Ю.А. Кудрявцев, в частности, отмечает: «Политический режим складывается как результат многих составляющих факторов и обуславливается социально-экономическими и культурными основами общества» (См.: Кудрявцев Ю.А. Политические режимы: критерии классификации и основные виды // Правоведение. 2002. № 2. С. 202).

4 Назаренко П.А. Демократия и тоталитаризм как виды политических режимов и их историческая перспектива в России // Демократия и тоталитаризм: проблемы противостояния (политические режимы в современном мире): Материалы межвузовского научно-практического семинара. Санкт-Петербург, 15 ноября 1999 года / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 1999. С. 43-44.

5 См. об этом подробнее: Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005. С. 272-274.

их жизни есть некоторая урегулированность. Так Л. Фуллер, пытаясь дать определение праву и подчеркивая его ценность, пишет о том, что «право — это предприятие, направленное на подчинение поведения человека руководству правил»⁶. Об этом же пишет Б. Леони в своей работе «Свобода и закон», он подчеркивает важность существования стабильного правопорядка (основанием долговременности и стабильности он считает не закон, а правовую традицию) для общественных отношений, и в частности, для экономических отношений⁷. Здесь и открывается ценность правопорядка, который является, в конечном счете, выражением и реальным осуществлением правовых норм, принятых в конкретном обществе.

Политико-правовой режим как элемент формы государства исследовался как за рубежом, так и в отечественной науке. Но рассмотрение его как способа реализации властных полномочий «невольнo» делало политико-правовой режим объектом исследования в качестве политического феномена⁸. Не случайно в научной литературе часто используется синонимичное понятие «политический режим».

Как правовая категория он долгое время оставался «за кадром» юридических исследований. Изучение же политико-правового режима в том аспекте, который заявлен в настоящей статье, и вовсе имеет фрагментарный характер.

Пожалуй, в этом аспекте политико-правовой режим и правопорядок могут быть рассмотрены как взаимодействующие явления ценностного плана.

Каждый из политико-правовых режимов может иметь много оттенков в зависимости от исторических условий, особенностей воз-

никновения, характера внешнеполитических связей и окружения, экономических, сырьевых, демографических ресурсов государства. Однако общие сущностные его черты проявляются в его функциональной направленности. Политико-правовой режим обеспечивает: стабильность государственной власти; управляемость процессами общественного развития, приемлемую для власти, их динамику и направленность; достижение целей политики, реализацию партикулярных или национальных интересов.

Достижение стабильности государственной власти, а, следовательно, и самого политико-правового режима осуществляется прежде всего путем утверждения легитимности власти, а именно признания ее подавляющим большинством населения. При этом следует отметить, что, несмотря на различие между формами политико-правового режима, имеется еще одно важнейшее условие, существование которого необходимо для жизнедеятельности государств, независимо от того, какой совокупностью методов и способов осуществляется власть в данном государстве. Таким условием выступает наличие прочного и стабильного правового порядка.

Политико-правовой режим служит и показателем определенного воздействия государства на общество. Наиболее важным является то, что именно при помощи политико-правового режима или даже одной из его частей — государственного режима, государство осуществляет политическую (государственную) власть — руководство обществом. Только благодаря наличию того или иного режима государство способно управлять обществом. При этом если режим не эффективен, то неэффективным является и государственное управление, сама политическая власть.

6 Фуллер Л.Л. Мораль права. М., 2007. С. 129.

7 Леони Б. Свобода и закон. М., 2008.

8 Шарыгина Е.Е. Политический режим в условиях модернизации современного российского общества. М., 1994; Кравцов В.В. Политический режим современной России. М., 2001; Дибиров А.З. Легитимность власти и политический режим. М., 2002.

Политико-правовой режим сам по себе выступает как определенный порядок, совокупность правил и норм, обеспечивающих жизнедеятельность политически организованного общества. Такое видение политико-правового режима позволяет по-новому взглянуть на само его понятие. Определенный порядок предполагает следование определенным нормам.

Сущность политико-правового режима с правовой точки зрения достаточно точно, на наш взгляд, определил В.С. Нерсисянц (хотя мы и не можем согласиться с его отождествлением политико-правового режима с государственно-правовым режимом). В частности, он подчеркивает, что «государственный (политический) режим – это по сути своей всегда государственно-правовой режим, определенный правовой порядок функционирования государства, те или иные правовые формы, процедуры, приемы, способы и методы осуществления государственной власти». Здесь, на наш взгляд, понятие характеристику «государственно-правовой» следует понимать широко, не связывая ее лишь с конституционным (государственным) правом.

Проблема определения сущности политико-правового режима и его юридического обеспечения имеет не только теоретический,

но, прежде всего, практический характер. От этого зависят политическая стабильность в обществе, возможность консолидации его сил и средств для решения крупных общенациональных задач, требующих единства и сплоченности. Политико-правовой режим определяет своеобразный вектор общественного развития, в соответствии с которым действует государственная власть. Поэтому политико-правовой режим наиболее полно связан с механизмом реализации власти, достижения ею своих политических целей. Однако политические цели и средства их достижений могут вступать в существенные противоречия, причем это не всегда зависит от характера политико-правового режима. И здесь обнаруживается определенный конфликтный потенциал. Разумеется, этот потенциал с разной степенью эффективности идеологически вуалируется, поэтому так сложно оценить тот или иной политический режим как реально демократический.

В контексте нашего анализа политико-правовой режим можно определить как совокупность норм, методов и способов взаимодействия власти и общества, проявляющихся в реализации права, закона, в установлении стабильного правопорядка, характеризующих качественное состояние государства и общества на определенном этапе его развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Лившиц Р.З. Теория права: учебник. М., 1994.
2. Лейст О.Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2002. С. 43.
3. Кудрявцев Ю.А. Политические режимы: критерии классификации и основные виды // Правоведение. 2002. № 2.
4. Назаренко П.А. Демократия и тоталитаризм как виды политических режимов и их историческая перспектива в России // Демократия и тоталитаризм: проблемы противостояния (политические режимы в современном мире): Материалы межвузовского научно-практического семинара. Санкт-Петербург, 15 ноября 1999 года / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 1999.
5. Шмитт К. Диктатура. От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб., 2005.

BIBLIOGRAPHY

1. Livshits, R. H. Theory of law. The tutorial. M., 1994.
2. Lamellae O. E. the Essence of law. Problems of theory and philosophy of law. M., 2002. S. 43.
3. Kudryavtsev Y. A. Political regimes: classification criteria and basic" // Jurisprudence. 2002. No. 2.
4. Nazarenko, P. A. Democracy and totalitarianism as the types of political regimes and their historical perspective in Russia // Democracy and totalitarianism: the problem of the conflict (political regimes in the modern world: proceedings of the interuniversity scientific-practical seminar. St. Petersburg, November 15, 1999 / Under the General editorship of B. N. Salnikov. SPb., 1999.
5. Schmitt K. Dictatorship. From the beginnings of modern ideas of sovereignty to the proletarian class struggle. SPb., 2005.

В.Н. САФОНОВ

Политические идеи Платона

АННОТАЦИЯ. Политические идеи Платона актуальны и сегодня заслуживают пристального внимания. Наследие Платона имеет такую ценность, что ни одна из современных политических проблем не может быть адекватно понята без обращения к Платону. Автор рассматривает самые интересные и актуальные политические идеи Платона.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: демократический порядок выборов, роль закона, единство в государстве, монархия, демократия, аристократия, тимократия, эволюция форм правления, три сословия в государстве, пороки олигархии.

САФОНОВ ВИТАЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ – доцент кафедры «Политология, социология и связи с общественностью» Ульяновского государственного технического университета, кандидат философских наук, доцент (safonov@ulstu.ru).

V.N. SAFONOV

Plato's political ideas

ANNOTATION. This article is devoted to Plato's political ideas that deserve utmost-intent attention today. Plato's heritage is of such a value that none of contemporary political problems can be adequately understood without reference to Plato. The author considers the most interesting and relevant political ideas of Plato.

KEYWORDS: Plato, democratic election procedure, the role of law, unity in the state, monarchy, democracy, aristocracy, timocracy, oligarchy, evolution of forms of government, three classes in the state, vices of oligarchy.

SAFONOV V.N. – associate Professor of political Science, sociology and public relations, Ulyanovsk state technical University, candidate of philosophical Sciences, associate Professor (safonov@ulstu.ru).

Великий древнегреческий мыслитель Платон по праву считается титаном европейской цивилизации, одним из тех, кто заложил ее основы во многих областях, в том числе и в науке о политике. Рассмотрим некоторые из его политических идей с позиций XXI века.

В своей модели идеального государства Платон предлагает очень демократическую, даже по нынешним временам, процедуру выборов государственных должностных лиц. *Во-первых*, всех чиновников выбирали на один год, что весьма разумно, так как негодного и недостойного человека через год от властных рычагов удаляли и за один год он много вреда не смог бы причинить. Грамотного же, честного и болеющего за общие интересы народа и государства кандидата можно было еже-

годно переизбирать без ограничений, хоть двадцать раз подряд.

Во-вторых, выборы проходили в три (!) тура, то есть каждый кандидат проходил тройной фильтр, что, конечно же, снижало вероятность попадания во власть недостойных людей. В наше же время много примеров того как в России, так и в западных странах у власти оказываются, мягко говоря, не те люди. Кроме того, каждый тур голосования продолжался целый месяц, а не один день, как практикуется сегодня в большинстве стран. Ценность такого длинного тура голосования, очевидно, в том, что всем, кто найдет далеко от родины, можно за тридцать дней выбрать удобный для себя день голосования. Также за тридцать дней есть гораздо больше времени все тщательно обдумать и взвесить, чем за один единственный день.

В-третьих, голосование было не тайное, а поименное, то есть каждый гражданин возлагал на жертвенник бога в храме (а именно там происходило голосование) табличку из дерева (бумаги еще не было тогда в Европе). Эту табличку избиратель с одной стороны подписывал своим именем, а на другой стороне писал имя кандидата, за которого отдавал свой голос. Принимал же эти таблички и складывал их стопками по конкретным кандидатам жрец – служитель этого храма, то есть уже визуально было легко определить, какой из кандидатов набирал больше голосов.

В-четвертых, подведение итогов каждого тура голосования происходило публично, и подсчету голосов уделялся целый день. Происходило это следующим образом: все желающие, которые принимали участие в голосовании, собирались на площади перед храмом с самого утра и жрец храма объявлял всем собравшимся, кто и за кого голосовал – ведь голосование было поименное. Начинал он с кандидатов-победителей и называл, какой конкретно избиратель за какого кандидата отдал свой голос. Таким образом, фальсификация итогов и конечной победы кандидатов были абсолютно исключены, так как граждане-избиратели стояли здесь же на площади перед храмом и проверяли лично, правильно ли жрец говорил, за кого гражданин проголосовал. Этот момент поименного голосования и публичного подведения результатов показывает явное и очевидное превосходство древнегреческой афинской демократии над современной демократией, которая оставляет лазейку для искажения результатов выборов. От себя добавим, что эта лазейка прикрывается правом избирателей на тайное голосование, которое и открывает возможность для обмана электората, так как тайное голосование в совокупности с отсутствием публичности в подведении итогов лишает прозрачности процедуру подсчета голосов. Фальсифицировать результаты могут те, кто подсчитывает голоса, –

ведь голосование-то тайное. А если голосование тайное, то невозможно и поименное публичное оглашение его результатов. На наш взгляд, высшей формой волеизъявления личности в качестве избирателя является создание условий, при которых личность *не испытывает страха*, что кто-то узнает, за какого кандидата данный избиратель отдал свой голос.

И последнее, *в-пятых*, пока длился тур голосования (а он длится 30 дней), можно пойти в храм и переголосовать, если что-то узнал негативное про кандидата, за которого отдал голос. Такая практика в современном мире отсутствует. Можно сделать вывод: современная практика выборов, которая господствует сегодня в большинстве стран мира, не является совершенной и демократической, так как допускает возможность обмана граждан, поэтому нам есть чему поучиться у древних греков (см. 1, с. 226-227).

Любая власть должна действовать в рамках закона, иначе воцарится в большей или меньшей степени произвол со стороны чиновников. А кто эти законы должен предлагать и принимать, кто должен контролировать их исполнение? А какие отношения должны быть между должностными лицами в исполнительной ветви власти и теми, кто их принимает – законодательной ветвью власти – и контролирует исполнение законов. Платон в своих «Законах» отмечает: «...всякому ясно, что законодательство – это великое дело. И если хорошо устроенное государство поставит непригодную власть над хорошо установленными законами, то законы эти не принесут никакой пользы и положение создается весьма смешное; более того, это приведет к величайшему ущербу для государства и к его гибели» (1, с.224). Речь здесь идет о том, что мало принять хорошие законы, необходимо также создать механизм их реализации, благодаря которому законы и начинают работать, регулируя отношения между гражданами. Сам по себе любой закон – это лишь текст, напечатан-

ный на бумаге, пусть на хорошей бумаге и даже золотыми буквами. Слова этого текста сами по себе не смогут защитить интересы одних людей от покушений других. Это сделают только люди, вооруженные законом и получающие от общества моральное и материальное вознаграждение за то, что они контролируют соблюдение законов, и имеющие средства принудить тех, кто не хочет соблюдать законы.

Большое значение Платон придает единству, которое как цемент скрепляет структуры государства в единый монолит. И соответственно, отсутствие единства ведет к более или менее быстрой гибели государства: есть ли «...больше зло для государства, чем то, что ведет к потере его единства и распадения на множество частей? И может ли быть большее благо, чем то, что связует государство и способствует его единству?» (2, с.260). Возникает вопрос: какое конкретно единство надо беречь? Платон трактует единство, необходимое для государства, **тро-яко**. *Во-первых*, закон един для всех и ему все должны подчиняться. Это универсальный принцип для всех времен и народов, которые находятся на этапе государственной жизни. Как известно, до возникновения государства регулятором служили обычаи — или, как писали в Новое время, естественное право — и мораль. Увы, сегодня очень многие государства не соблюдают на практике этот важнейший принцип. В начале XX века в США ходила пословица: украдешь иголку — попадешь в тюрьму, а украдешь железную дорогу — попадешь в Конгресс. *Во-вторых*, отсутствие резких различий в материальном положении граждан, так как Платон считал, что государство, разделенное на бедных и богатых, чрезвычайно неустойчиво, и любая малейшая причина может нарушить в нем спокойное течение жизни. «Подобно тому, как для нарушения равновесия болезненного тела достаточно малейшего толчка извне, чтобы ему расхвораться, — а иной раз неурядица в нем бывает и без внешних причин, —

так и государство, находящееся в подобном состоянии, заболевает и воюет само с собой по малейшему поводу» (2, с.372). Разумеется, в любом обществе всегда кто-то будет богаче, а кто-то беднее, но не об этом речь. Речь о том, что нельзя допускать поляризации — то есть резкой, большой, контрастной разницы — в материальном уровне граждан. Как известно, социологи эту разницу подсчитывают следующим образом: доходы 10% самых богатых делят на доходы 10% самых бедных и полученный *децильный* коэффициент не должен быть больше шести. Хотя непонятно, откуда взято это число, ведь у самого Платона разница — не более трех. Отечественные социологи утверждают, что в данный момент в России разница приближается к 20 и продолжает увеличиваться. Это данные Института социологии РАН семилетней давности. Для сравнения в Западной Европе эта разница — в 6-8 раз и в США — в 10-12 раз. Напряжение в нашем обществе, как в электрических сетях, все больше нарастает (между фазой плюс и фазой минус), что чревато коротким замыканием, а как это называется в общественной жизни, догадается даже грамотный школьник. Новые русские ослеплены жадой обогащения и не осознают, что это может привести к социальному взрыву. А происходит это потому, что «бедные и неимущие добиваются доступа к общественным благам, рассчитывая урвать себе оттуда кусок, тогда не быть добру: власть становится чем-то таким, что можно оспаривать, и подобного рода домашняя внутренняя война губит участвующих в ней и остальных граждан» (2, с.329). Платон совершенно недвусмысленно осуждает большие богатства: «...стать же очень богатыми, оставаясь добродетельными, невозможно» или «одновременно быть и очень хорошим, и очень богатым невозможно» (1, с.217). Следовательно, и государство, которое состоит из лишенных добродетелей граждан, не может быть хорошим с точки зрения Платона. Поэтому он резко осуждает

алчность, страсть к накопительству, богатству, но не вообще, а лишь такие, которые превращаются в самоцель, поглощают всего человека, все его силы и время: «...из-за страсти к богатству, поглощающей весь досуг, люди не заботятся ни о чем, кроме своего собственного достатка. Душа всякого гражданина привязана к этому и больше уже ни о чем не заботится, кроме как о каждодневной выгоде. Всякий про себя полон готовности изучить те науки и те занятия, что ведут к этой цели; все же прочее у них подвергается осмеянию... Из ненасытной страсти к золоту и серебру всякий готов прибегнуть к любым уловкам и средствам, достойные они или нет, лишь бы разбогатеть. Благочестив ли поступок или нечестен, это его не трогает, лишь бы только обрести обильную пищу, питье и, словно зверь, предаваться всевозможному сладострастию... Да как же не назвать их совсем несчастными, если всю свою жизнь они обречены на душевную нищету и ненасытность» (1, с.313,314). Стало быть, стремление к богатству, которое для человека лишь средство улучшить свою жизнь, увеличить досуг, повысить уровень культуры, такое стремление, идущее на пользу человеку и государству, Платон не осуждает. В своих «Законах» Платон признает, что богатство среди всех благ стоит на последнем месте и будет благом, если оно «...не слепое, а зоркое, спутник разумности» (1, с.93). И *в-третьих*, не должно быть разногласий внутри сословия правителей. Тезис этот сегодня, кажется, опровергнут, так как во многих государствах, и в России в том числе, в основе государства лежит принцип разделения властей на три центра (или ветви), который предполагает противовес одной власти против другой, взаимный их контроль и сдерживание. Но этот факт не опровергает истину о том, что власть всегда монопольна. Иной она не бывает. Над тремя ветвями власти всегда есть субъект (явный или скрытый), которому они подчинены. Субъект управления, осуществляющий высшую власть,

часто бывает коллективным, и поэтому разногласий между его членами быть не должно. Именно это утверждал Платон и, разумеется, не признавал разделение власти. И был не совсем неправ, так как и в данный момент на земле число государств, которые обходятся без этого принципа, больше, чем первых. И не все такие государства находятся среди аутсайдеров, например, Китай сегодня развивается темпами, которые никто не может превзойти. То же самое было и в СССР в первые десятилетия. На наш взгляд, принцип разделения властей не может считаться универсальным и пригодным для всех народов и эпох, хотя в определенных условиях он, безусловно, играет позитивную роль.

Платон, как известно, лучшей формой правления считал монархию, демократию же резко критиковал. У Платона не было причин любить эту форму правления, так как сам он происходил из аристократического рода, и именно при демократической форме правления в Афинах был казнен его любимый учитель Сократ. Когда читаешь страницы, на которых Платон не жалеет отрицательных характеристик в адрес демократии, вдруг понимаешь, что он критикует то состояние общества, которое сегодня называется анархией, то есть состояние безвластия. Мы не думаем, что Платон не видел разницы между демократией и анархией, мы полагаем, что он нарочно их смешивал, чтобы свой идеал формы правления — монархию — превознести еще больше. Именно при монархии существует четкая иерархия, каждый знает свое место, все государство функционирует как отлаженный механизм и все предсказуемо. Это модель государства восточного типа, которая и сегодня существует во многих странах. Платон прав в другом: очень многие люди понимают демократию как вседозволенность: «...в государстве появится полная свобода и откровенность и возможность делать все, что хочешь... В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управле-

нии, даже если ты к этому способен, не обязательно и подчиняться, если ты не желаешь или воевать, когда другие воюют, или соблюдать подобно другим условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять-таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять, либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову» (2, с.372,373). Все это в полной мере жители России пережили в 90-е годы сразу после развала СССР. У Платона есть одно место, когда он критикует демократию, читая которое невольно начинаешь его подозревать в способности заглядывать в будущее: «Когда во главе государства, где демократический строй и жажда свободы, доведется стать **дурным виночерпием** (выделено нами. — В.С.), государство это сверх должного опьяняется свободой в неразбавленном виде, а своих должностных лиц карает, если те недостаточно снисходительны и не предоставляют всем полной свободы... Граждан, послушных властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих добровольных рабов, зато правители, похожие на подвластных, и подвластные, похожие на правителей, там восхваляются и уважаются как в частном, так и в общественном обиходе» (2, с.379-380). Но при всем своем негативном отношении к демократии Платон отмечает, что элементы демократии должны обязательно присутствовать в любом государственном устройстве, которое претендует на звание правильного: «Есть два как бы материнских вида государственного устройства, от которых, можно сказать по праву, родились остальные. Было бы правильно указать на монархию как на первый из них и на демократию, как второй. Монархия достигла высшего развития у персов, демократия — у нас. Почти все остальные виды государственного устройства, как я сказал, представляют собой пестрые соединения этих двух. Чтобы существовала свобода и дружба в соединении с разумностью, неизбежно надо быть причастным и к тому, и к другому виду. Этого

требует наше рассуждение, утверждающее, что государство, непричастное к ним, не может иметь хорошего строя» (1.с.164). Эту мысль, что наилучший строй есть смешение разных форм правления, позже очень подробно развил ученик Платона — Аристотель. Кроме монархии Платон считал еще и аристократию вполне нормальной формой правления. Аристократия — это правление лучших в соответствии с законом на благо государства и граждан, в нем проживающих. В разные времена и в разных странах аристократия может принимать множество форм и выглядеть по-разному. Например, когда молодая буржуазия взяла политическую власть в свои руки в Новое время в Западной Европе, она, без всякого сомнения, была истинной аристократией, так как проводила прогрессивные преобразования, которые шли на пользу не только ей самой, но и всему обществу. То же самое можно сказать и про отцов-основателей США. Множество примеров можно привести из политической практики XX века. Во многих национально-освободительных революциях взявшие власть военные (например, в Египте во главе с Гамаль Абдель Насером или в Ливии во главе с Муаммаром Каддафи и т.д.) выполняли функцию аристократов. Правление большевиков в СССР в первые десятилетия тоже было правлением аристократов, так как они были в тот момент самыми лучшими. Достижения СССР той эпохи есть тому доказательство. Противоположная аристократии форма правления — олигархия, при которой власть принадлежит группе богачей, управляющих лишь для собственной выгоды. «А государство, управляемое немногими, будет носить название аристократии или же олигархии» (3, с.56). Аристократия может трансформироваться в олигархию. Если при аристократии закон превыше всего, то при олигархии деньги превыше всего, деньги — это главный закон и, чем больше денег, тем больше прав и возможностей у их обладателя. Законы же принимаются выгодные для

олигархии. Самое интересное, что алгоритм превращения аристократии в олигархию, описанный Платоном, работает и в наше время. И мы – жители России, бывшего СССР – были свидетелями этого процесса: «...Такого рода люди будут жадны до денег, как это водится при олигархическом строе; в омрачении, они как дикари, почитают золото и серебро, у них заведены кладовые и домашние хранилища, чтобы все это спрятать, свои жилища они окружают оградой и там, прямо-таки как в собственном логове, они тратятся не считаясь с расходами, на женщин и на кого угодно других... Они бережливы, так как деньги у них в чести; свое состояние они скрывают и не прочь пожить за чужой счет. Удовольствиям они предаются втайне, убегая от закона, как дети от строгого отца» (2, с. 360-361). Сегодня вместо кладовых богачи свои накопления прячут в банках. Платон имеет в виду здесь тот момент, что аристократия деградирует в олигархию не сразу, а через промежуточную форму правления, которую он называет тимократией, при которой жажда наживы и стремление к богатству еще осуждаются. Тимократия – это власть честолюбцев (от греч. «честь», «ценз», «плата»). Такое наблюдалось в СССР в 70-80 годы, когда правящая элита уже утратила веру в идеалы социализма и тайно стала обогащаться. Примеров тому тысячи: смотри газеты времен перестройки. При тимократии для правителя личное становится важнее государственного, но это тщательно скрывается им, так как преследуется законом. Приведем один пример из тех времен: когда сотрудники КГБ производили обыск на даче бывшего секретаря Верховного Совета СССР Георгадзе, обвиненного во взяточестве, они обнаружили полкилограмма драгоценных камней, около 20 кг. золота и платины и, что их больше всего поразило, унитаза из чистого золота. Затем наступает момент, когда маски сбрасываются, и богатство объявляется высшей ценностью, законы меняются, и наступает

время олигархии. Именно это и произошло после краха СССР. Платон дает емкое определение олигархии: «Олигархия – это строй, основывающийся на имущественном цензе: у власти там стоят богатые, а бедняки не участвуют в правлении» (2, с.363). Поэтому Платон в своем идеальном государстве, чтобы не было у правителей соблазна обогащения, категорически рекомендовал принять закон о запрете двум высшим сословиям – правителям и воинам – владеть любой частной собственностью. А чтобы эти два сословия не испытывали ни в чем нужды, их всем необходимым обеспечивает государство. Нам не известно, знал ли про эту рекомендацию Платона И.В. Сталин (скорее всего, знал), но именно такую систему он создал в годы своего правления. Квартиры, дачи, автомобили, мебель, даже посуда и постельное белье, которым пользовались высокие руководители, – все это принадлежало не им, а государству, имело инвентарные номера и подлежало возврату в случае переезда на новое место службы номенклатурного лица или снятия его с работы. Детям большого начальника после его смерти по наследству ничего не доставалось. Этот факт служит еще одним доказательством неувядаемости платоновской идеи.

У олигархии как формы правления Платон насчитывает шесть пороков, которые очень вредны для государства. **Первый:** должности в государстве занимаются не по способностям, а по толщине кошелька: «...если кормчих на кораблях назначать согласно имущественному цензу, а бедняка, будь он и больше способен к управлению кораблем, не допускать...никуда бы не годилось такое кораблевождение!» (2, с. 365). В 90-е годы прошлого века мы видели, как ряд олигархов крупного калибра (Березовский, Потанин и др.) побывали на верхах государственной власти и с удовольствием “порулили” в сторону своего кармана. К счастью, сегодня иные времена, и про олигархов можно сказать: иных уж нет, а те далече. **Второй:** государство раскалывается

на две противоборствующие стороны, что неизбежно ведет к ослаблению такого государства: «...подобного рода государство неизбежно не будет единым, а в нем как бы будут два государства: одно государство бедняков, другое — богачей. Хотя они и будут населять одну и ту же местность, однако станут вечно злоумышлять друг против друга» (см. там же). Выше уже было сказано о вреде такого положения в обществе. **Третий:** олигархическое государство не способно вести войну. Позорно проигранная первая чеченская кампания этому пороку олигархии весомое подтверждение: вся Россия ныне знает, что эта война началась из-за денег и закончилась благодаря деньгам. Последние события на Украине, где к власти пришли олигархи, тоже подтверждают это. **Четвертый:** при олигархии смешиваются функции граждан, что, по мнению Платона, является большим недостатком, так как все граждане должны заниматься своими делами и не вмешиваться в чужие. И только при таком условии будет порядок в государстве и все будут процветать. «Ведь мы уже и раньше не одобрили, что при таком государственном строе одни и те же лица будут и землю обрабатывать, и деньги наживать, и нести военную службу, то есть заниматься всем сразу» (2, с.365). В качестве примера взять 90-е годы российской жизни,

когда миллионы граждан вынуждены были заниматься не своим делом. Кто занялся торговлей, другие, не получая месяцами зарплаты, выживали за счет садов и огородов, многим пришлось поменять профессию, так как их предприятия закрылись, а на юге России люди взялись за оружие, защищаясь от набегов бандитов. **Пятый:** происходит падение нравов среди молодежи (и не только), так как олигархам это приносит огромные барыши. Проституция, наркомания, пьянство, порнография, казино — вот далеко не полный перечень того, откуда течет прибыль в карманы богачей: «...при олигархии правители, стоящие у власти, будучи богатыми, не захотят ограничивать законом распущенность молодых людей и запрещать им расточать и губить свое состояние» (2, с.370). И наконец, **шестой:** резко возрастает уровень преступности, так как многие порядочные и благородные люди разоряются и становятся бедняками, поэтому, чтобы добыть средства к существованию, встают на путь криминала (см. там же).

Таковы идеи — разумеется, лишь некоторые — великого Платона, которого можно читать, перечитывать и черпать неустаревающие знания для усвоения политической науки и для совершенствования политического управления.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Платон. Законы // Соч. в 3-х томах. Т. 3. Часть 2. М.: Мысль, 1972. С. 83-478.
2. Платон. Государство // Соч. в 3-х томах. Т.3. Часть 1. М.: Мысль, 1971. С. 89-454.
3. Платон. Политик // Соч. в 3-х томах. Т. 3. Часть 2. М.: Мысль, 1972. С. 9-82.

BIBLIOGRAPHY

1. Plato. Laws // Works in 3 Volumes. Part 2. M.: Mysl, 1972. Pp. 83-478.
2. Plato. The Republic // Works in 3 Volumes. Part 1. M.: Mysl, 1971. Pp. 9-454.
3. Plato. The Politician // Works in 3 Volumes. Part 2. M.: Mysl, 1972. Pp. 9-82.

А.Ю. ЧУПРОВА

Проблемы использования электронных медицинских карт: уголовно-правовые аспекты

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены проблемы применения уголовного законодательства в связи с развитием новых направлений в медицине, в частности, применения электронной медицинской карты.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: телемедицина, служебный подлог, уголовная ответственность, официальный документ, дистанционный мониторинг здоровья, электронная медицинская карта.

ЧУПРОВА АНТОНИНА ЮРЬЕВНА – профессор кафедры уголовного права и криминологии РПА Минюста России, кандидат юридических наук, доцент.

A. U. CHUPROVA

The problems of using of electronic medical records: the criminal-legal aspects

ANNOTATION: The problems of application of criminal law in connection with the development of new directions in medicine, in particular use of electronic medical records are analyzed in the article.

KEYWORDS: telemedicine, forgery, criminal responsibility, official document, remote health monitoring, medical records.

CHUPROVA ANTONINA UREVNA – professor of the department of Criminal Law and Criminology of Russian Academy of Justice of the Ministry of Justice of Russia, candidate of jurisprudence, associate professor.

Телемедицина как одно из направлений современного здравоохранения предполагает широкое использование методов дистанционной диагностики.

Все данные о здоровье конкретного человека, полученные с использованием диагностических приборов, необходимо концентрировать в каком-либо документе, представленном либо на бумажном носителе, либо в электронной форме. В медицинской среде пока ведутся дискуссии, как этот документ будет называться – электронная история болезни (рекомендовано ГОСТом Р 52636-2006 «Электронная история болезни. Общие положения»), или электронной медицинской картой (ЭМК), или интегрированной электронной медицинской картой (ИЭМК), или персональной электронной медицин-

ской картой (ПЭМК). Различие между типами медицинских карт достаточно существенные: во-первых, место хранения, во-вторых, доступ пациента к содержащейся на карте информации, в-третьих, порядок установления уровня конфиденциальности.

ЭМК – это совокупность электронных персональных медицинских записей, относящихся к одному человеку, собираемых, хранящихся и используемых в рамках одной медицинской организации. ИЭМК представляет собой совокупность электронных персональных медицинских записей, относящихся к одному человеку, собираемых и используемых несколькими медицинскими организациями. Указанный документ может храниться как централизованно, так и децентрализованно, в различных медицинских организациях.

В последнем случае доступ к медицинским записям производится с помощью централизованного индекса, определенного организациями, создающими ИЭМК, и содержащего информацию о месте хранения каждой отдельной записи. ПЭМК можно охарактеризовать как совокупность электронных персональных медицинских записей, поступивших из различных источников и относящихся к одному человеку, который производит их сбор и управление ими. Хранение ПЭМК осуществляется либо ее владельцем, либо в специализированных хранилищах, доступ к которым предоставляется посредством сети Интернет провайдером на основе заключенного с владельцем карты договора.

Правила сбора, хранения и использования электронных карт, а также права доступа к ней устанавливаются для ЭМК медицинской организацией на основе национального стандарта ГОСТ Р 52636-2006 «Электронная история болезни. Общие положения», а также в соответствии с требованиями законодательства и нормативными документами Министерства здравоохранения РФ, для ИЭМК – организациями, ее создавшими на основе национального стандарта, который пока отсутствует, но разработка которого ведется, для ПЭМК – специализированным провайдером. Доступ пациента к ЭМК, как правило, не предполагается, ИЭМК и ПЭМК для доступа пациенту открыты.¹

Поскольку электронная медицинская карта в любом ее варианте будет внедрена в медицинскую практику, помимо обеспечения конфиденциальности содержащихся в них данных, возникает проблема определения статуса такой медицинской карты. В настоящее время медицинская карта стационарного больного (форма № 003/у, история болезни) или медицинская карта амбулаторного больного (форма № 25/у–87) муниципальных или

государственных лечебных учреждений рассматриваются как медицинский документ, понятие которого дано в приказе Минздрава России от 22.12.2001 №12 «О введении в действие отраслевого стандарта «Термины и определения системы стандартизации в здравоохранении». Следует отметить, что перечень медицинской документации охватывает первичные (учетные) документы, отчеты, документы для правового обеспечения лечебно-диагностического процесса. С правовой точки зрения наиболее важна первичная медицинская документация (истории болезни и медицинские карты), большинство форм которой утверждено приказом Минздрава СССР от 04.10.1980 № 1030 «Об утверждении форм первичной медицинской документации учреждений здравоохранения», отмененным приказом Минздрава СССР от 05.10.1988 № 750. Правомочность такого использования была подтверждена письмом Минздравсоцразвития России от 30.10.2009 № 14-6/242888, в котором дается ссылка на соответствующую рекомендацию Минздрава России. Указанные документы удостоверяют определенные факты и события и ведутся во всех учреждениях, осуществляющих амбулаторный прием, общих и специализированных, городских и сельских, включая фельдшерско-акушерские пункты, а также в стационарах в соответствии с установленными Минздравом РФ требованиями.

Современная судебная практика относит медицинские карты в их бумажном варианте к официальным документам,² хотя встречаются и исключения. Муравленский городской суд ЯНАО не усмотрел в действиях К. и В., занимающих должности в муниципальном учреждении здравоохранения, признаков преступления, предусмотренного ст. 292 УК РФ, поскольку не признал медицинские карты стационарных больных, в которые были внесены

1 Н. Шкловский, Б. Зингерман, Карт-бланш для пациента // Медицинский вестник. – 2010. – № 18.

2 Когалымский городской суд, дело № 1-11/2013; Унечский районный суд Брянской области, дело 1-27/12; Определение Верховного Суда РФ от 25.04.2002 № 83-О02-13.

не соответствующие действительности данные, официальным документом. Суд апелляционной инстанции оправдательный приговор отменил, указав, что вышеуказанные медицинские документы обладали признаками официальных документов и являлись предметом служебного подлога, поскольку порядок их составления строго регламентирован государственными органами власти (приказ Министерства здравоохранения РФ № 413 от 30.12.02г., письмо Минздравсоцразвития РФ № 14-6/242888 от 30.11.09 г.) и они удостоверяли факт нахождения пациента на стационарном лечении, что, в свою очередь, является основанием для перечисления медицинскому учреждению соответствующей оплаты из Фонда обязательного медицинского страхования.

Судебная практика, в том числе и практика Верховного Суда, свидетельствует, что для признания документа официальным основное значение имеет его содержание, прежде всего удостоверение событий и фактов, имеющих юридическое значение или влекущих правовые последствия. В теории уголовного права это обстоятельство также признавалось главным, хотя и связывалось с особенностями тех лиц (представители государственных или муниципальных организаций и учреждений), которые этот документ выдавали.³ Верховный Суд РФ отошел от обязательности такой взаимосвязи, признав в ряде дел, что официальные документы могут быть выданы и негосударственными структурами.⁴

Позиция Верховного Суда представляется вполне обоснованной в ситуациях, когда документ свидетельствует о событиях, явлениях и фактах, имеющих юридическое значение; эти обстоятельства подлежат обязательному учету при принятии решений, связанных

с предоставлением определенных прав или освобождения от обязанностей лица, которому такой документ выдается; порядок выдачи таких документов определяется законом или иным нормативным актом.

Исходя из этого медицинские карты можно признать официальным документом, независимо от того, ведется она государственной, муниципальной или коммерческой организацией, тем более что в настоящее время медицинские организации, независимо от их организационно-правовой формы, могут принимать участие в системе обязательного медицинского страхования, что в какой-то степени выравнивает статус частных клиник и государственных лечебных учреждений.

Внедрение информационных технологий в медицину, существенно расширивших возможности передачи данных диагностических приборов на расстояние, заставляет обратить внимание еще на один вопрос: можно ли признать электронные медицинские карты официальными документами с учетом их особой формы как в случаях, когда записи выполняются медицинским работником и удостоверены его электронной подписью, так и в ситуациях, когда такая подпись отсутствует либо данные передаются непосредственно с диагностического устройства. Пока диагностические устройства отличались относительной простотой, презюмировалось, что соответствующие записи в электронную медицинскую карту могли вноситься только уполномоченным на то лицом – медицинским работником. В настоящее время такие записи могут производиться без участия человека специальной программой диагностического прибора или компьютером общего назначения. В зарубежной медицинской практике

3 Бриллиантов А.В. О содержании понятия «официальный документ» // Журн. рос. права. 2003. № 2; Борков В. Актуальные вопросы применения нормы о служебном подлоге // Уголовное право. 2008. № 5; Клепичкий И.А. Документ как предмет подлога в уголовном праве // Государство и право. 1998. № 5. С. 69; Рапог А., Букалерева Л. Совершенствование уголовно-правовой охраны недокументированной официальной информации от незаконных действий лиц, использующих должностное или служебное положение // Уголовное право. 2004. С. 46.

4 Определение Верховного Суда РФ от 27.10.2006 № 44-о06-111; Определение № 48-002-117 по делу Борисова и др.: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за третий квартал 2002 г. // БВС РФ; 2003. № Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 31.03.2010 № 369-П09ПР.

появился такой термин, как Healthcare Agent (агент медицинского учреждения), которым охватывается как человек, так и устройства, вносящие записи в электронную медицинскую карту.

В этом случае представляется правильной позиция Конституционного Суда РФ, который указал: «сложившаяся правоприменительная практика наступление ответственности за подделку официальных документов связывает не с формой, а с содержанием соответствующего документа, именно с тем, что документ предоставляет права или освобождает от обязанностей, т.е. с установлением юридически значимых фактов, имеющих непосредственное отношение к обстоятельствам конкретного дела». ⁵ Таким образом, исходя из того, что содержание документа имеет более важное значение, нежели форма его представления, можно сделать вывод, что медицинская карта в электронной форме может рассматриваться как официальный документ как в случаях, когда запись сделана медицинским работником, так и в ситуации, когда она внесена непосредственно с диагностического прибора без участия человека.

В связи с этим возникает вопрос, как следует оценивать действия лица, внесшего недо-

верные изменения в результаты исследования, перенесенные затем в электронную медицинскую карту. Как представляется, такие действия содержат совокупность подлога официального документа – электронной карты (ч.1 ст.327 УК РФ) и неправомерного доступа к охраняемой компьютерной информации – программе диагностического прибора (ч.1 ст.272 УК РФ), поскольку субъект своим поведением нарушил несколько объектов, охраняемых самостоятельными статьями уголовного закона, – установленный подзаконными актами порядок внесения данных в официальные документы и установленный порядок доступа к компьютерной информации. В тех случаях, когда подобные манипуляции создали угрозу для жизни или здоровья пациента, но это не являлось целью субъекта, содеянное следует квалифицировать по ч. 4 ст.272, по признаку создания угрозы или наступления тяжких последствий. Если подобные действия были выполнены с целью причинить вред здоровью или жизни пациента в результате неправильного лечения или его прекращения, деяние следует оценить как совокупность посягательства на личность, подлог официального документа и неправомерный доступ к компьютерной информации.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Рарог А., Букалерова Л. Совершенствование уголовно-правовой охраны недокументированной официальной информации от незаконных деяний лиц, использующих должностное или служебное положение // Уголовное право. 2004. С. 46.
2. Шкловский Н., Зингерман Б., Карт-бланш для пациента // Медицинский вестник. – 2010. – № 18.
3. Когалымский городской суд, дело № 1-11/2013.

BIBLIOGRAFY

1. Rarog A., Butlerova L. The improvement of the criminal-legal protection of undocumented official information from unlawful acts of individuals using official or official position // Criminal law. 2004. P. 46.
2. Shklovsky N., Singerman B., Carte Blanche for the patient /Medical Bulletin. – 2010. – No. 18.
3. Kogalym city court, case No. 1-11/2013.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 19 мая 2009 г. N 575-О-О 206 отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Морозовского Владимира Евгеньевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 327 Уголовного кодекса Российской Федерации».

Б.А. НАЗАРЕНКО

Налоговая ответственность: проблемы определения понятия и стадии возникновения

АННОТАЦИЯ. В статье исследуются понятие и стадия возникновения налоговой ответственности, а также предлагаются авторские определение налоговой ответственности и подход к исчислению момента возникновения налоговой ответственности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: налоговая ответственность, налоговые правонарушения, стадии налоговой ответственности, обязанности фискальнообязанных лиц.

НАЗАРЕНКО БОГДАН АНАТОЛЬЕВИЧ – заместитель заведующего кафедрой «Налоговое право» по НИР ФГБОУ ВПО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», кандидат юридических наук, (b-nazarenko@yandex.ru).

B.A. NAZARENKO

Tax liability: problems of definition and stage of occurrence

ANNOTATION: In the article the concept and occurrence of tax liability is researched. The author puts forward the definition of tax liability, and the approach to the determination of the moment when tax liability arises.

KEYWORDS: tax liability, tax crime, stages of tax liability, duties of taxpayers.

NAZARENKO B.A. – Financial University under the Government of the Russian Federation, associate professor of department of Tax law, candidate of jurisprudence (b-nazarenko@yandex.ru).

Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) не содержит определение понятия «налоговая ответственность». Законодатель использует термин «ответственность за совершение налоговых правонарушений» (ст. 107 НК РФ). В науке налогового права под налоговой ответственностью понимают «...обязанность лица, виновного в совершении налогового правонарушения, претерпевать меры государственного принуждения, предусмотренные санкциями НК РФ, состоящие в возложении дополнительных юридических обязанностей

имущественного характера и применяемые компетентными органами в установленном процессуальном порядке»¹.

В первую очередь обращает на себя внимание тот факт, что при анализе налоговой ответственности как разновидности юридической ответственности выделяют обязанности правонарушителя². Если рассматривать налоговую ответственность только как применение к правонарушителю компетентным органом в установленном законом порядке на основании решения о привлечении к налоговой ответственности налоговой санк-

1 Налоговое право: учебник / отв. ред. Ю.А. Крохина. 4-е изд., испр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. С. 551 (Автор главы – Ю.А. Крохина).

2 Тютин Д.В. Налоговый контроль, ответственность и защита прав налогоплательщиков: Монография. М.: Контракт, 2014. С. 51.

ции (штрафа), то данный подход в целом не вызывает возражений.

Однако, если рассматривать налоговую ответственность как процесс привлечения к ответственности за совершение налогового правонарушения и выделять стадии возникновения, конкретизации и реализации налоговой ответственности³, то определение налоговой ответственности, приведенное выше, нельзя признать приемлемым.

Во-первых, в процессе привлечения лица, совершившего, по мнению налогового органа, налоговое правонарушение, юридические обязанности по доказыванию факта нарушения законодательства о налогах и сборах и степени виновности⁴ организации или физического лица возлагаются на компетентный орган. Налоговое законодательство предусматривает презумпцию невиновности налогоплательщика (плательщика сбора, налогового агента): лицо считается невиновным в совершении налогового правонарушения, пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке; лицо, привлекаемое к ответственности, не обязано доказывать свою невиновность в совершении налогового правонарушения; неустранимые сомнения в виновности лица, привлекаемого к ответственности, толкуются в пользу этого лица (п. 6 ст. 108 НК РФ).

Кроме того, фискальнообязанное лицо на всех стадиях привлечения к налоговой ответственности вправе как совершать, так и отказываться от совершения определенных действий. Так, например, согласно п. 6 ст. 100 НК РФ налогоплательщик, не согласный со сведениями, отраженными в акте налоговой проверки, вправе в течение одного

месяца со дня его получения представить в налоговый орган письменные возражения по указанному акту в целом или по его отдельным положениям, а также приложить к возражениям документы (их заверенные копии), подтверждающие обоснованность своих возражений. Налогоплательщик также вправе участвовать как лично, так и через своего представителя в процессе рассмотрения материалов налоговой проверки, а налоговый орган обязан известить лицо, привлекаемое к налоговой ответственности, о времени и месте рассмотрения материалов налоговой проверки (п. 2 ст. 101 НК РФ). В случае несоблюдения налоговым органом данного требования решение о привлечении лица к налоговой ответственности (решение об отказе в привлечении лица к налоговой ответственности) должно быть признано вышестоящим налоговым органом или судом неправомерным в связи с нарушением существенных условий процедуры рассмотрения материалов налоговой проверки (абз. 2 п. 14 ст. 101 НК РФ). «Нарушения процесса привлечения к ответственности всегда актуальны, поскольку государство может лишиться возможности взыскания с налогоплательщиков недоимок по налогам, начисление которых с точки зрения налогового законодательства обоснованно»⁵.

Следовательно, в рамках привлечения налогоплательщика (налогового агента, плательщика сбора и т.д.) к налоговой ответственности (рассмотрения дела о налоговом правонарушении, производства по делу о предусмотренных НК РФ налоговых правонарушениях) лицо, привлекаемое к налоговой ответственности, не только не обязано претерпевать меры государственно-

3 Налоговое право: учебник / отв. ред. Ю.А. Крохина. С. 559 – 566 (Автор главы – Ю.А. Крохина).

4 Стоит сказать о том, что в судебной практике, в отличие от науки налогового права, используется понятие «степень вины налогоплательщика» (см., например: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П "По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции»" // «Российская газета», № 247, 26.12.1996).

5 Панов А.Б. Соблюдение налоговым органом процедуры вынесения решения по результатам налоговой проверки // Налоговые споры: опыт России и других стран: по материалам V Междунар. науч.-практ. конф. 26 – 27 октября 2011 г., Москва: сборник / сост. М.В. Завязочникова; под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Статут, 2012. С. 39.

властного принуждения, предусмотренные санкциями НК РФ, но и *вправе* осуществлять действия в целях защиты своих прав и законных интересов, которые гарантирует российское законодательство о налогах и сборах. Очевидно, что выделять стадии налоговой ответственности, не принимая в расчет содержание определения понятия «налоговая ответственность», неправильно.

Во-вторых, в случае если организация или физическое лицо будут признаны решением налогового органа виновными в совершении налогового правонарушения, то юридической обязанности (в значении этого понятия как меры должного поведения) у указанных лиц не возникает: субъект налогового правонарушения может проигнорировать необходимость уплаты суммы недоимки, штрафа и пеней. Санкции за воздержание правонарушителя от активных действий по перечислению денежных средств в бюджетную систему РФ со своего счета на соответствующие счета Федерального казначейства РФ законодательством о налогах и сборах не предусмотрены. Как известно, в случае отказа налогоплательщика (налогового агента) — организации или индивидуального предпринимателя — от уплаты суммы недоимки, штрафа и пеней, налоговый орган вправе обратиться за взысканием на денежные средства, находящиеся на счетах налогоплательщика (налогового агента) и его электронные денежные средства, а также на иное имущество (ст. 46, 47 НК РФ), принадлежащее им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления⁶. Обращение взыскания на имущество должника можно рассматривать как

меру государственно-властного принуждения (претерпевание субъектом налогового правонарушения неблагоприятных последствий имущественного характера), но не в качестве санкции (за неисполнение обязанности по уплате сумм доначисленных налогов, а также штрафа и пеней). Юридической ответственности в сфере публичного правового регулирования свойственна карательная функция, как справедливо отмечает М.Б. Разгильдиева, ее выполняет налоговая ответственность в форме санкций, предусмотренных главами 16, 18 Налогового кодекса. Восстановительная функция реализуется посредством иной меры принуждения — погашения налоговой задолженности путем взыскания недоимки и пени в порядке, установленном Налоговым кодексом⁷.

Налоговая ответственность, по мнению Ю.А. Крохиной, возникает с момента нарушений предписаний законодательства о налогах и сборах и до их выявления сотрудниками компетентного органа⁸. Этот подход к моменту определения возникновения налоговой ответственности, несомненно, может быть использован, если учесть, что российское налоговое законодательство устанавливает, что лицо не может быть привлечено к ответственности за совершение налогового правонарушения, если со дня его совершения либо со следующего дня после окончания налогового периода, в течение которого было совершено это правонарушение, и до момента вынесения решения о привлечении к ответственности истекли три года (срок давности) (п. 1 ст. 113 НК РФ). Однако этот подход при рассмотрении

6 Согласно п. 1 ст. 75 НК РФ пеня — это денежная сумма, которую налогоплательщик должен выплатить в случае уплаты причитающихся сумм налогов или сборов, в том числе налогов, уплачиваемых в связи с перемещением товаров через таможенную границу Таможенного союза, в более поздние по сравнению с установленными законодательством о налогах и сборах сроки. Пеня носит компенсационный характер и является праввосстановительной мерой государственного принуждения (см.: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П, Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 16.05.2006 № 16058/05). Следовательно, пеня, которая в рассмотренном случае взыскивается с фискальнообязанного лица наряду с суммами недоимки и штрафа, — это не санкция.

7 Разгильдиева М.Б. Проблемы теории налогово-правовой ответственности // Очерки налогово-правовой науки современности: монография / под общ. ред. Е.Ю. Грачевой и Н.П. Кучерявенко. Москва-Харьков: Право, 2013. С. 537.

8 Налоговое право: учебник / отв. ред. Ю.А. Крохина. С. (Автор главы — Ю.А. Крохина). С. 560.

возможной жизненной ситуации обнаруживает свою несостоятельность. К примеру, в результате проведения выездной налоговой проверки выявлены не все нарушения норм законодательства о налогах и сборах, и налогоплательщик привлечен к налоговой ответственности лишь по некоторым эпизодам. В итоге, лицо подлежит ответственности как за те противоправные деяния, которые установлены решением о привлечении к налоговой ответственности, так и за латентные (не выявленные) правонарушения (ведь момент возникновения налоговой ответственности согласно рассматриваемой позиции — это сам факт нарушения налогового законодательства). Следовательно, возможно говорить о налоговой ответственности в двух смыслах — о налоговой ответственности,

к которой привлечено виновное лицо, так и о латентной налоговой ответственности. Думается, что налоговая ответственность возникает исключительно с момента выявления налоговым органом факта нарушения законодательства о налогах и сборах.

Налоговая ответственность, как представляется, это — мера государственно-властного принуждения, и процесс сбора доказательств, свидетельствующих о виновности лица, совершившего противоправное деяние, который заканчивается вынесением по установленной процедуре решения о привлечении к налоговой ответственности с учетом обстоятельств, смягчающих и отягчающих вину за совершение налогового правонарушения, и применением на его основании налоговой санкции (штрафа).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Налоговое право: учебник / отв. ред. Ю.А. Крохина. 4-е изд., испр. М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. (Автор главы — Ю.А. Крохина).
2. Тютин Д.В. Налоговый контроль, ответственность и защита прав налогоплательщиков: монография. М.: Контракт, 2014.
3. По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции»: Постановление Конституционного Суда РФ от 17.12.1996 № 20-П // Российская газета. 1996, 26.12.
4. Панов А.Б. Соблюдение налоговым органом процедуры вынесения решения по результатам налоговой проверки // Налоговые споры: опыт России и других стран: по материалам V Междунар. науч.-практ. конф. 26–27 октября 2011 г., Москва: сборник / сост. М.В. Завязочникова; под ред. С.Г. Пепеляева. М.: Статут, 2012.
5. Разгильдиева М.Б. Проблемы теории налогового правовой ответственности // Очерки налогового-правовой науки современности: монография / под общ. ред. Е.Ю. Грачевой и Н.П. Кучерявенко. Москва-Харьков: Право, 2013.

BIBLIOGRAFY

- 1 Tax right: textbook / editor-in-chief Yu.A. Krokhin. 4 prod., corr. M.: Norm: INFRA-M, 2011. (Author of chapter — Yu.A. Krokhin).
- 2 Tyutin D. V. Tax control, responsibility and protection of the rights of taxpayers: monograph. M.: Contract, 2014.
- 3 On the case of check of constitutionality of points 2 and 3 of part one of article 11 of the Law of the Russian Federation of June 24, 1993 "About federal bodies of tax police": Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 17.12.1996 No. 20-P//Russian newspaper. 1996, 26.12.
- 4 Sirs of A.B. Observance by tax authority of procedure of pronouncement of the decision on results of tax audit// Tax disputes: experience of Russia and other countries: on materials V Mezhdunar. науч. - практ. конф. 26–27 October 2011, Moscow: collection / author M. V. Zavyazochnikova; under the editorship of S.G. Pepelyaev. M.: Statute, 2012.
- 5 Razgildiyeva M. B. Problems of the theory of tax and legal responsibility//Sketches of tax and legal science of the present: the monograph / under a general edition of E.Yu. Gracheva and N. P. Kucheryavenko. Moscow-Kharkov: Right, 2013.

Р.А. СОРОЧКИН

О возможной рецепции положений зарубежного законодательства о субъектах коррупционных преступлений

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются теоретические и практические уголовно-правовые проблемы, связанные с вопросами определения круга субъектов коррупционного преступления и его признаков в зарубежном уголовном праве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: противодействие коррупции, субъект коррупционного преступления, зарубежное уголовное право.

СОРОЧКИН РОМАН АЛЕКСАНДРОВИЧ – кандидат юридических наук, Российский университет дружбы народов (roman4789@rambler.ru).

R.A. SOROCHKIN

On possible reception of subjects of corruption-related crimes in foreign law

ANNOTATION. The article deals with theoretical and practical criminal law problems, connected with terms of subjects of corruption-related crime in foreign criminal law

KEYWORDS: Anti-Corruption Enforcement, subject of corruption-related crime, foreign criminal law.

SOROCHKIN ROMAN ALEKSANDROVICH – candidate of jurisprudence, Peoples' Friendship University of Russia (roman4789@rambler.ru).

Необходимость выполнения задач государственной экономической и социальной политики в условиях глобализации мировой экономики оказывает значительное влияние и на отечественное уголовное законодательство.¹ Российская Федерация, находясь между Востоком и Западом, объективно вынуждена взаимодействовать с различными правовыми системами иностранных государств. Подобное взаимодействие должно быть успешным для защиты прав и законных интересов граждан и субъектов предпринимательской деятельности, в том числе для защиты от коррупционных преступлений.

Как следствие – такое взаимодействие требует унификации уголовно-правовых подходов и в связи с этим – возможной рецепции зарубежного опыта.

В связи с этим важно сделать правильный выбор методологических принципов, по которым следует формировать в будущем уголовное законодательство о противодействии коррупции. Ввиду этого предмет нашего исследования – сравнительный анализ соответствующих методологических принципов, применяемых в зарубежном уголовном законодательстве, и возможно применимых в российских реалиях в целях

1 Примером подобного влияния глобализации экономики является появление норм об уголовной ответственности иностранных должностных лиц, об уголовной ответственности за торговлю людьми и ряда других.

их возможной рецепции в отечественное уголовное законодательство.

Так, для англо-саксонской правовой системы (в качестве объектов анализа в данном случае использовано уголовное законодательство и значимые для его толкования бланкетные нормы Великобритании², Канады³ и Соединенных Штатов Америки)⁴ характерен следующий принцип, вполне применимый в российской практике.

1. В качестве самостоятельного класса субъектов коррупционных преступлений, помимо государственных и муниципальных служащих, выделяются физические лица, реализующие правосубъектность тех юридических лиц, которые осуществляют хозяйственную деятельность в наиболее стратегически важных отраслях экономики (имеющих значение для обеспечения обороноспособности, безопасности государства, обеспечения деятельности систем социального обеспечения, здравоохранения и т.п.).

Здесь основание классификации — не факт наличия государственной или муниципальной имущественной доли в акционерном (уставном) капитале каких-либо конкретных компаний (например, хозяйственных обществ), а сам факт осуществления юридическим лицом, даже принадлежащим на 100% частному собственнику, хозяйственной деятельности в определенной общественно важной сфере экономики. В случаях, когда в процессе подобной деятельности сотрудником такой компании совершается коррупционное преступление (например, дача взятки за получение государственного контракта), данное лицо будет относиться к вышеуказанному самостоятельному классу

субъектов коррупционных преступлений. Так, согласно уголовному законодательству Великобритании предусмотрена уголовная ответственность за коррупцию «членов, служащих и должностных лиц корпораций, комиссий и иных публичных органов, действующих в национализированных областях промышленности».⁵ Ссылка на действие корпорации «в национализированных отраслях промышленности» и является способом отнесения виновного лица к вышеуказанному классу субъектов коррупционных преступлений.

С помощью такого приема юридической техники можно оперативно реагировать на повышение уровня коррупции в той или иной отрасли экономики путем ужесточения уголовно-правовой репрессии применительно к лицам, виновным в коррупционных преступлениях, связанных с предприятиями такой отрасли. Например, отнесение к таким «антикоррупционно значимым» отраслям экономики, осуществляемое через принятие бланкетных правовых норм, сферы жилищно-коммунального хозяйства может привести к признанию большинства преступных посягательств на имущество в этой сфере коррупционными деяниями, влекущими более строгое наказание в сравнении с наказанием за преступления против собственности. Одновременно факт такого отнесения влияет положительным образом на профилактику умышленных корыстных преступлений в сфере жилищно-коммунального хозяйства. С помощью подобного метода осуществляется актуальная в конкретный момент времени профилактика коррупции; при этом она может производиться с помо-

2 Закон о коррупции в государственных органах 1889 г.; Закон о предотвращении коррупции 1906 г.; Закон об анти-терроризме, преступлениях и безопасности 2001 г. и др.

3 См. напр.: Уголовный кодекс Канады; Закон о национальной обороне и др.

4 См., напр.: глава 11 раздела 18 Свода законов США «Взяточничество, подкуп, злоупотребление служебными полномочиями»; глава 93 Свода законов США «Государственные чиновники и служащие»; Федеральный закон «О борьбе с коррупцированными и находящимися под рэкетирским влиянием организациями» (Racketeer Influenced and Corrupt Organizations Act, или Rico Act) 1970 г.; Закон «О регистрации иностранных агентов» (закон FARA) 1938 г.; Закон «О подкупе иностранных должностных лиц» (FCPA) 1977 г.; Закон «О патриотизме» и др.

5 См.: Закон Великобритании о коррупции в государственных органах 1889 г.

стью подзаконных нормативно-правовых актов, период принятия которых в разы меньше, чем период принятия новых законов в уголовно-правовой сфере.

В романо-германской правовой системе (в качестве объектов анализа использовано уголовное законодательство и значимые для его толкования бланкетные нормы Германии,⁶ Франции,⁷ Италии⁸ и ряда других государств) также есть ряд принципов, актуальных для отечественных социальных реалий.

2. Так, национальное уголовное законодательство относит к должностному лицу как субъекту коррупционного (или, к примеру, должностного) преступления руководителей принадлежащих государству предприятий. Уточним – речь идет о юридических лицах, собственником – единственным участником которых является государство: в Российской Федерации такие предприятия существуют в организационно-правовых формах унитарных предприятий и казенных учреждений.

Пример применения подобного принципа приводит Меньших А.А.: «Уголовный кодекс Франции в §4 ч.3 предусматривает ответственность «за посягательство на свободу доступа и на равноправие кандидатов на рынках товаров и услуг для государственных организаций». Ученый показывает, что данные деяния имеют место в том числе тогда, когда лицо, являясь служащим публично-правового учреждения, не имеющего промышленного или коммерческого характера, обеспечивает или пытается обеспечить другому лицу необоснованное преимуще-

ство путем какого-либо акта, противоречащего положениям законов или подзаконных актов, призванных обеспечить свободу доступа и равноправие кандидатов на рынках сделок, заключаемых государством и вышеупомянутыми организациями.⁹

На наш взгляд, введение такого принципа в национальное уголовное законодательство вполне обоснованно. Ведь та же тенденция глобализации экономики объективно приводит к тому, что важнейшие в социальном плане отрасли могут стать убыточными, несмотря на то, что предприятия этих отраслей обслуживают первоочередные интересы населения; предприятия, принадлежащие государству, выполняют самые актуальные задачи, решение которых требуется для обеспечения обороноспособности и безопасности страны в целом, и др. Коррупционные преступления, совершенные руководителями таких предприятий в связи с исполнением должностных обязанностей, связанные с преступным посягательством на государственное имущество, имеют высокую степень общественной опасности.

Было бы разумным, по нашему мнению, рассмотреть вопрос о более полной реализации данного методологического принципа в отечественном уголовном законодательстве с учетом весьма значимой экономической роли государственных предприятий и учреждений. К примеру, все предприятия отечественного РосАтома, расположенные в т.н. ЗАТО и являющиеся для них градообразующими, неразрывно связанные с проживающими в этих ЗАТО сотнями тысяч людей,

6 См., напр.: глава 26 «Преступления против конкуренции», глава 30 «Должностные преступления» УК ФРГ; Закон ФРГ о борьбе с коррупцией от 13.08.1997; Закон ФРГ о борьбе с подкупом иностранных должностных лиц от 10.09.1998.

7 См., напр.: УК Франции; Закон №83-634 от 13.07.1983 «О правах и обязанностях государственных служащих»; Закон №88-227 от 11.03.1988 «О финансовой прозрачности политической жизни»; Закон №93-122 от 29.01.1993 «О предупреждении коррупции, транспарентности экономической жизни и государственной деятельности»; Закон №2007-1598 от 13.11.2005 «О борьбе с коррупцией»

8 См., напр.: УК Италии; Закон №86 от 26.04.1990 «О внесении изменений и дополнений в главу 1 «О преступлениях должностных лиц» раздела 2 «О преступлениях против публичной власти» Уголовного кодекса Итальянской республики».

9 Уголовное законодательство зарубежных государств в борьбе с коррупцией / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. Под ред. И.С. Власова. М.2009. С.142.

функционируют в организационно-правовой форме федеральных государственных унитарных предприятий.

3. В качестве самостоятельного класса субъектов коррупционных преступлений выделяются физические лица, реализующие правосубъектность: тех юридических лиц, в уставном капитале которых имеется доля государства; и тех юридических лиц, которые участвуют в распределении государственных (муниципальных) финансовых средств.

Так, УК Франции предусматривает ответственность таких субъектов коррупционных преступлений, как сотрудники компаний смешанного типа, в которых государству или государственным органам принадлежит непосредственно или косвенно определенная доля капитала (ст.432-13). Также признаются коррупционными «действия любого лица, которое, будучи публичным должностным лицом, представителем или служащим государственного учреждения, в силу своих обязанностей должно было обеспечивать наблюдение или контроль за полугосударственными предприятиями, либо заключать с ними контракты, либо высказывать свое мнение об операциях, осуществляемых частным предприятием, соглашается принять участие в форме работы, консультаций или капиталов в одном из этих предприятий в период пребывания на посту должностного лица и вплоть до истечения пятилетнего срока после оставления этого поста».¹⁰

Подобный принцип представляется в целом обоснованным. Совершенные с использованием своего служебного положения коррупционные преступления этой категории лиц нельзя относить к категории экономических преступлений. Закономерно, что принадлежащие полностью или в части государству компании имеют практически неограниченный доступ к бюджетному финансированию и

находятся в привилегированном положении в сравнении с частными компаниями. Как правило, в хозяйственной практике именно такие компании являются главными получателями и последующими распорядителями государственных финансов по последующим участникам производственной цепочки. Топ-менеджеры этих предприятий, совершая преступления, тем самым посягают прежде всего не на государственную собственность, а на общепринятый справедливый установленный порядок распределения публичных финансовых средств в экономике. В связи с этим нельзя говорить в данном случае о повышенной уголовно-правовой охране государственной собственности в сравнении с частной.

4. В качестве самостоятельного класса субъектов коррупционных преступлений выделяются физические лица, реализующие функции правосудия за пределами государственной судебной власти (например, третейские судьи).

Так, в ФРГ предусмотрена уголовная ответственность за коррупцию третейских судей; во Франции — лица, наделенного судебной властью или административной юрисдикцией, полномочиями примирителя или посредника, а также арбитра, выполняющего свои обязанности на основании национального арбитражного права (ст.434-9).

Полагаем, что описанный выше принцип имеет право на существование и в российском уголовном законодательстве. Не только в экономически развитых странах Западной Европы, но уже и в Российской Федерации негосударственное правосудие получило достаточно широкое применение. К примеру, крупнейшая российская государственная корпорация «Ростех» в своих типовых договорах на аренду недвижимости указывает на третейский суд, существующий при этой корпорации, как на орган, в котором сторо-

¹⁰ Там же. С.140.

ны договора должны разрешать свои споры и разногласия, вытекающие из правоотношений по данному договору.

Таким образом, можно говорить, что с развитием указанной системы негосударственного правосудия выделяется и новая сфера коррупции, в которой должна существовать адекватная уголовно-правовая профилактика.

Есть методологические принципы, которые могут стать объектом рецепции для отечественного законодателя, и в мусульманской правовой системе (в качестве объектов анализа использовано уголовное законодательство и значимые для его толкования бланкетные нормы Ирана,¹¹ Брунея,¹² Нигерии,¹³ Пакистана,¹⁴ Турции,¹⁵ и ряда других государств¹⁶).

5. Национальное уголовное законодательство относит к должностному лицу как субъекту коррупционного (или должностного) преступления руководителей принадлежащих государству предприятий (юридических лиц), собственником (единственным участником или акционером) которых является государство).

Так, в Иране предусмотрена уголовная ответственность за недонесение руководящим работником государственного учреждения или организации о фактах взяточничества и иных коррупционных преступлений.

6. В качестве самостоятельного класса субъектов коррупционных преступлений выделяются физические лица, являющиеся

сотрудниками юридических лиц, в уставном или акционерном капитале которых имеется доля государства.

Например, в соответствии с содержащим уголовно-правовые нормы законом Ирана 1959 г. «О запрете участия министров, депутатов парламента и государственных служащих в коммерческих сделках» субъектами коррупционных преступлений являются служащие любых организаций, компаний, банков и иных структур, большая часть уставного капитала или акций которых принадлежат государству либо которые управляются или контролируются государством.¹⁷

По нашему мнению, все приведенные принципы обусловлены конкретными объективными факторами, в первую очередь экономическими: глобализацией экономики; также пониманием экономической, социальной и политической роли крупных национальных и транснациональных корпораций, в том числе с государственным участием; переоценкой (в сторону увеличения значимости) ценности государственных финансовых средств как инструмента экономической политики и соответственно — необходимостью повышения качества их правовой охраны. Все эти факторы характерны в настоящее время для Российской Федерации, и закономерно, что рецепция зарубежного уголовно-правового опыта (вызванного к жизни аналогичными факторами) может стать эффективным инструментом противодействия коррупции в современных российских условиях.

11 См., напр.: Закон об исламских наказаниях 1991 г.; Закон «О запрете участия министров, депутатов парламента и государственных служащих в коммерческих сделках» 1959 г.

12 См., напр.: Закон о предотвращении коррупции 1998 г.

13 См., напр.: Закон о коррупционных действиях и иных связанных с ними преступлениях» 2000 г.

14 См., напр.: Уголовный кодекс Пакистана.

15 См., напр.: Уголовный кодекс Турции 2005 г.

16 См., напр.: УК Азербайджана 1999 г.; УК Таджикистана 1998 г., Закон Таджикистана о борьбе с коррупцией 2005 г.; УК Кыргызстана 1997 г., Закон Кыргызстана о борьбе с коррупцией 2003 г., Указа Президента Кыргызстана от 21.10.2005 «О безотлагательных мерах по борьбе с коррупцией»; Закон Казахстана о борьбе с коррупцией 1998 г., УК Казахстана.

17 Уголовное законодательство зарубежных государств в борьбе с коррупцией / Институт законодательства и сравнительного правоведения при правительстве Российской Федерации. Под ред. И.С. Власова. С.183.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы обеспечения законности и противодействия коррупции в системе Министерства внутренних дел Российской Федерации. Т. 3 / Костенников М.В., Куракин А.В., Овчинников Н.А. – М.: Маросейка, 2012.
2. Актуальные проблемы борьбы с экстремизмом, терроризмом и коррупцией: материалы межвузовской научно-практической конференции, 12 мая 2011 г., г. Астрахань / Отв. ред.: Бичехов А.Ф., Петрашова О.И., Пушкин А.И. – Астрахань: Сорокин Роман Васильевич, 2011.
3. Актуальные проблемы борьбы с коррупцией в странах СНГ / Карпович О.Г., Николаев А.Т., Спиринов М.С. – М., 2010.
4. Актуальные проблемы противодействия коррупции: материалы международной научно-практической конференции, 14 октября 2010 г. / Отв. ред.: Амельчаков И.Ф. – Белгород: ООНИ и РИД БелЮИ МВД России, 2010.
5. Антикоррупционная политика России. Криминологические аспекты: В. В. Астанин – Санкт-Петербург, Юнити-Дана, Закон и право, 2009 г.
6. Билинская М.Н. Современная коррупция: отечественная специфика и зарубежный опыт противодействия / М.Н. Билинская, В.В. Моисеев, В.Ф. Ницевич; Орловская региональная академия гос. службы. -Орел, 2011.
7. Борьба с коррупцией: новые подходы и векторы современного развития: материалы Всероссийской научно-практической конференции, Россия, Волгоград, 15-25 ноября 2010 г. / Отв. ред.: Чуриков В.В. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2011.
8. Букалерева Л.А., Гаврюшкин Ю.Б. К вопросу о введении института уголовно-правового воздействия в отношении юридических лиц // Пробелы в российском законодательстве. 2012. № 4. С. 169.
9. Букалерева Л.А., Копылов М.Н. К вопросу о понятии «коррупционные преступления» // Общество и право. 2012. № 1. С. 105-109.
10. Взаимодействие институтов гражданского общества и органов местного самоуправления в сфере противодействия коррупции: материалы Всероссийского межвузовского круглого стола, г. Нижнекамск, 23 декабря 2011 г. / Отв. ред.: Агапов О.Д., Кабанов П.А. – Казань: Познание, 2012.
11. Вовлеченность институтов гражданского общества в антикоррупционную деятельность органов публичной власти Республики Татарстан: аналитический доклад / Рук. авт. коллектива П.А. Кабанов; под науч. ред. П.А. Кабанова и И.И. Бикеева. – Казань, 2011. – 27 с. (публикация доступна на личном блоге П.А.Кабанова <http://crimpravo.ru/blog/1064.html>).
12. Волженкин, Б. В. Коррупция. – СПб.: СПбЮИ, 1998.

BIBLIOGRAPHY

1. Actual problems of law enforcement and counteraction of corruption in system of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Т. 3 / Kostennikov M. V., Kurakin A.V., Ovchinnikov N. A. – M.: Maroseyka, 2012.
2. Actual problems of fight against extremism, terrorism and corruption: materials of interuniversity scientific and practical conference, on May 12, 2011, Astrakhan / Otv. edition: Bichexov A.F., Petrashov O. I., Pushkin A.I. – Astrakhan: Sorokin Roman Vasilyevich, 2011.
3. Actual problems of fight against corruption in CIS countries / Karpovich O. G., Nikolaev A.T., Spirin M. S. – M., 2010.
4. Actual problems of counteraction of corruption: materials of the international scientific and practical conference, on October 14, 2010 / Otv. edition: Amelchakov I.F. – Belgorod: OONI and RID of BELYul of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010.
5. Anti-corruption policy of Russia. Criminological aspects: V. V. Astanin – St. Petersburg, Unity Dana, the Law and the right, 2009.
6. Bilinskaya M. N. Modern corruption: domestic specifics and foreign experience of counteraction / M. N. Bilinskaya, V. V. Moiseyev, V. F. Nitsevich; Oryol regional academy state. services. – the Eagle, 2011.
7. Fight against corruption: new approaches and vectors of modern development: materials of the All-Russian scientific and practical conference, Russia, Volgograd, on November 15-25, 2010 / Otv. edition: Churikov V. V. – Volgograd: Publishing house VOLGA, 2011.
8. Bukalereva L.A., Gavryushkin Yu.B. To a question of introduction of institute of criminal and legal influence concerning legal entities//Gaps in the Russian legislation. 2012. No. 4. Page 169.
9. Bukalereva L.A., Kopylov M. N. To a question of the concept "corruption crimes" Society and the right. 2012. No. 1. Page 105-109.
10. Interaction of institutes of civil society and local governments in the sphere of counteraction of corruption: materials of the All-Russian interuniversity round table, Nizhnekamsk, on December 23, 2011 / Otv. edition: Agapov O. D., P. A. Boars – Kazan: Knowledge, 2012.
11. Involvement of institutes of civil society into anti-corruption activity of bodies public authorities of the republic Tatarstan: analytical report / Hands. bus of collective P. A. Kabanov; under науч. edition of P. A. Kabanov and I.I. Bikeev. – Kazan, 2011. – 27 pages (the publication is available on the personal blog P.A.Kabanova to <http://crimpravo.ru/blog/1064.html>).
12. Volzhenkin, B. V. Corruption. – SPb.: SPbLI, 1998.

А.А. ВЛАСОВ, В.Н. КОВАЛЕНКО

Гражданско-правовая ответственность: некоторые пробелы и противоречия в ГК РФ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена вопросам гражданско-правовой ответственности, которая имеет предупредительно-воспитательное значение для укрепления договорной дисциплины. В целях защиты прав и законных интересов участников гражданско-правового оборота, сформулированы некоторые предложения о целесообразности дополнения ГК РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданско-правовая ответственность, гражданско-правовой оборот, предпринимательство, договорная дисциплина, реальный ущерб.

ВЛАСОВ АНАТОЛИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – проректор Российской академии адвокатуры и нотариата по научной работе, доктор юридических наук, профессор (prof.vlasov@mail.ru).

КОВАЛЕНКО ВАДИМ НИКОЛАЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского права и процесса Волгоградского кооперативного института (филиала) Российского университета кооперации (volgoopo@mail.ru).

A.A. VLASOV, V.N. KOVALENKO

Civil-legal amenability: gaps in the Civil Code of the Russian Federation

ANNOTATION. The article is devoted to definition of civil-legal amenability. The author substantiates that civil-legal amenability has preventive and educative meaning for strengthening contract discipline. From this point of view some suggestions about supplementation to the Civil Code are formulated.

KEYWORDS: civil-legal amenability, civil-legal turn, enterprising, contract relations, real damage.

VLASOV ANATOLIY – the vice rector of the Russian academy of law and notariate for scientific work, the doctor of jurisprudence, professor (prof.vlasov@mail.ru).

KOVALENKO VADIM – doctor of jurisprudence, professor of department of civil law and process, Volgograd Cooperative Institute (Branch) of Russia's University (volgoopo@mail.ru).

Юридическая наука жива научными спорами, но, к сожалению, иногда бывает так, что результатом дискуссий в конечном итоге становится общее мнение или хотя бы мнение большинства. Отсутствие единства во взглядах ученых-цивилистов относительно многих правовых институтов, в том числе и понятия гражданско-правовой ответственности в современном российском законодательстве, служит не только подтверждением сложности и неоднозначности проблем, но и доказательством того,

что истина не всегда бывает достигнута в споре.

В юридической литературе вопрос о понятии гражданско-правовой ответственности имеет дискуссионный характер. Так, Т.И. Илларионова полагает, что гражданско-правовой вид ответственности — это гарантированные силой государства юридические формы реакции потерпевшего лица на совершение субъектом правонарушения, выражающегося в возложении на права нарушителя мер воздействия имущественного характера¹.

1 Гражданское право. Ч. 1. / Под общ. ред. Т. И. Илларионовой и др. М., 2001. С. 421–422.

А.Н. Гуев считает, что гражданско-правовая ответственность представляет собой совокупность неблагоприятных правовых последствий, выражающихся в возложении на нарушителя условий договора (требований законов, иных правовых актов, а при их отсутствии — обычаев делового оборота), мер имущественных воздействий либо в лишении его определенных гражданских прав, либо в понуждении совершить определенные действия².

В. И. Кофман юридическую ответственность в гражданском праве определяет как лишение права без всякой компенсации³. Другой ученый-цивилист О.С. Иоффе под гражданско-правовой ответственностью понимает санкцию за правонарушение, вызывающую для нарушителя отрицательные последствия в виде лишения субъективных гражданских прав либо возложения новых или дополнительных гражданско-правовых обязанностей⁴. Принципиально важно, что ряд цивилистов связывают гражданско-правовую ответственность именно с определенными санкциями, то есть невыгодными последствиями для лица⁵, а принуждение признают ее важнейшим признаком⁶.

В. П. Грибанов считает, что гражданская ответственность есть одна из форм государственного принуждения, связанная с применением санкций имущественного характера, направленных на восстановление нарушенных прав и стимулирование нормальных экономических отношений юридически равноправных участников гражданского оборота⁷.

Необходимо отметить, что в гражданском праве юридическая ответственность не всегда, как, например, в уголовном праве, связана с наказанием, так как многие правовые конфликты могут быть разрешены путем переговоров, направления претензий и т. д.

С. К. Шишкин под гражданско-правовой ответственностью понимает обязанность представить суду доказательства, исключающие ответственность владельца источника повышенной опасности (умысел потерпевшего, непреодолимая сила, крайняя необходимость и др.)⁸. Таким образом, автор отождествляет материально-правовые отношения с процессуально-правовыми.

Мы полагаем, что ответственность в нынешнем виде не оказывает заметного влияния на состояние гражданских дел в коммерческом обороте и других сферах предпринимательства. Одной из причин служит ошибочное толкование относительно юридической ответственности в виде моральной или «позитивной» (перспективной) ответственности, не связанных с государственным воздействием на нарушителя договорной дисциплины в гражданско-правовом обороте⁹.

Следует заметить, что общая теория права также подменяет реальные проблемы ответственности надуманным и псевдопроблемами моральной или «позитивной» ответственности.

Между тем категория гражданско-правовой ответственности очень точно выражает сущность самого права, отражает его функции и социальную значимость. Эта категория тесно связана с наиболее фундаменталь-

2 Гуев А. Н. Гражданское право: Учебник. В 3-х т. Т. 1. М.: Инфра-М., 2003. С. 382.

3 Кофман В. И. Советское гражданское право. Т. 1. М.: Высшая школа, 1968. С. 48.

4 Иоффе О. С. Обязательное право. М.: Юрид. лит., 1975. С. 97.

5 Шевченко Я. Н. Понятие и механизм гражданско-правовой ответственности // Повышение роли гражданско-правовой ответственности в охране прав и интересов граждан и организаций. — Киев, 1988. С. 22–23.

6 Васькин В. В., Овчинников Н. И., Рогович Л. Н. Гражданско-правовая ответственность. Владивосток, 1988. С. 8.

7 Гражданское право: Учебник. Т. 1. Под ред. Е. А. Суханова. — М., 1993. С. 171.

8 Шишкин С. К. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. М., 2004. С. 103.

9 Гражданское право: Учебник. Т. 1. / Под ред. З. И. Цибуленко. — М.: Юрист, 2000. С. 103–105.

ными правовыми понятиями: нормой права, правами и обязанностями субъектов права, правонарушением, мерами государственного принуждения и др. Применение гражданско-правовой ответственности на практике всегда затрагивает наиболее чувствительные аспекты как общественных отношений, так и индивидуальных интересов.

Будучи одной из ключевых категорий права, гражданско-правовая ответственность, тем не менее, не имеет пока легального или хотя бы общепризнанного научного определения. Специфика имущественных отношений, регулируемых в основном нормами гражданского права (глава 25 Гражданского кодекса РФ), заключается в имущественном их характере, в возможности определения количественно-стоимостных параметров потерь (убытка) у потерпевшей стороны.

Отношения в торгово-предпринимательской сфере носят имущественный характер, что, в свою очередь, предполагает, что за нарушение установленной обязанности будут применены имущественные меры воздействия. Указанная ответственность состоит в претерпевании субъектом (нарушителем) неблагоприятных имущественных последствий в связи с допущенным неисполнением обязательства, нарушением прав и законных интересов другого лица. Необходимым признаком гражданско-правовой ответственности является возможность опоры на механизм государственного принуждения при ее применении.

По нашему мнению, гражданско-правовая ответственность носит имущественный характер и представляет собой совокупность неблагоприятных имущественных санкций и последствий в связи с неисполнением обязательств и нарушением прав и интересов другого лица.

Поскольку в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) нет определения гражданско-правовой ответственности, что вызывает трудности в раскрытии содержания этого правового института, хотя это и имеет

предупредительно-воспитательное значение для укрепления договорной дисциплины, мы предлагаем ввести в ГК РФ ст. 15-1 «Гражданско-правовая ответственность» следующего содержания: «Граждане (физические лица) и юридические лица, чьими действиями причинен ущерб (убытки) другим лицам, обязаны восстановить положение, существовавшее до причинения такого ущерба (убытков). Законом или договором такая обязанность может быть возложена на граждан (физических лиц) или юридических лиц, непосредственно не причинивших последствия, указанные в пункте первом настоящей статьи».

Основанием для привлечения к такой ответственности является совершение определенного гражданского правонарушения, предусмотренного в ГК РФ и иных нормативных правовых актах, регулирующих соответствующие гражданско-правовые отношения.

Надо учесть еще и то, что подразумевается под условиями такой ответственности. Под ними обычно понимают те обстоятельства, от наличия или отсутствия которых зависит наступление или ненаступление гражданской ответственности. Условие – обстоятельство, которое может наступить или не наступить, поэтому следует выяснить, создавались ли условия, при которых наступает ответственность.

Условия ответственности нередко отождествляют с основаниями ответственности, хотя они неравнозначны. Если основания ответственности разрешают ответить на вопрос о том, за что, за какие именно правонарушения установлена законом ответственность, то условия ответственности позволяют выяснить вопрос: последует ли гражданская ответственность при наличии указанных в законе обстоятельств?

Условия гражданско-правовой ответственности следует понимать как определенные законодателем предпосылки наступления такой ответственности. При этом ее основа-

ниями являются предусмотренные в законе конкретные гражданско-правовые деликты, за которые устанавливаются те или иные меры ответственности.

Проведенный анализ юридической литературы позволяет сделать вывод о том, что в гражданско-правовом обороте существуют большие возможности субъектов договорных взаимоотношений по регулированию гражданско-правовой ответственности, поскольку только по усмотрению сторон определяется соотношение неустойки (штраф, пеня) и убытков (ст. 394 ГК РФ), если это соотношение особо не оговорено законом.

Вместе с тем, наряду со взысканием убытков, мерой ответственности можно считать и виндикацию имущества, включая иск к добросовестному приобретателю; то же можно сказать о реституции, основанной на предшествующем правонарушении; при определенных условиях к восстановленным мерам можно отнести и обязанность возратить необоснованное обогащение и ряд других санкций.

С учетом сказанного, именно возмещение убытков, на наш взгляд, заслуживает всеобщего внимания, поскольку помимо универсальности, всеобщности действия и других свойств обладает еще одним важным внутренним качеством – средством адекватным природе гражданско-правовых отношений.

Важно обратить внимание на проблему доказывания убытков при реализации товара ненадлежащего качества, так как судебная практика свидетельствует о том, что дела об их взыскании в предпринимательской сфере относятся к одной из самых трудных категорий.

Об определении убытков говорится в ст. 15 ГК РФ, где под убытками понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для

восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества (реальный ущерб), а также неполученные доходы, которые лицо, чье право нарушено, получило бы при обычных условиях гражданского оборота, если бы его право не было нарушено (упущенная выгода).

Согласно п. 1 ст. 393 ГК РФ должник обязан возместить кредитору убытки, причиненные неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. К ненадлежащему исполнению обязательства, связанному с передачей товара, можно отнести также передачу товара, качество которого не соответствует обязательным стандартам и условиям договора. Под товаром ненадлежащего качества понимается товар, не соответствующий требованиям ГОСТа, ТУ, иным заявленным в технической документации на товар параметрам, а также товар, в котором обнаружены недостатки, возникшие не по вине потребителя в период действия гарантии на товар.

В этой связи мы разделяем мнение А.Е. Сметанникова, который указывает на то, что достаточно низкий процент удовлетворения исков о возмещении убытков связан со сложностью их доказывания¹⁰.

Важно иметь в виду, что в статьях 475, 518 ГК РФ перечислены последствия передачи (поставки) товара ненадлежащего качества, в числе которых отсутствует указание на обязанность продавца (поставщика) возместить покупателю убытки, связанные с ненадлежащим качеством товара.

Одновременно в соответствии с п. 1 ст. 475 ГК РФ, если недостатки товара не были оговорены продавцом, покупатель, которому передан товар ненадлежащего качества, вправе по своему выбору потребовать от продавца возмещения своих расходов на устранение недостатков товара. Такие расходы, согласно ст. 15 ГК РФ, являются частью

¹⁰ Сметанников А. Е. Проблема доказывания убытков при передаче товара ненадлежащего качества // Российская юстиция. 2007. № 5. С. 8–9.

реального ущерба покупателя, возникшего вследствие поставки товара ненадлежащего качества, и направлены исключительно на устранение недостатков товара.

Таким образом, мы видим, что при выставлении требований о взыскании убытков, связанных с передачей товара ненадлежащего качества, необходимо наряду со специальными нормами руководствоваться также общими нормами о возмещении убытков (ст. 15, 393, 394 ГК РФ).

В этой связи рассмотрим перечисленный перечень видов ущерба более подробно. Отметим, что расходы могут возникнуть при устранении неисправностей товара потребителям самостоятельно; это предусмотрено п. 1 ст. 475 ГК РФ, где для подтверждения данных расходов потребителю необходимо весь ход проведения работ закрепить документально. К материальным затратам, связанным с устранением недостатков, можно отнести любые фактически понесенные расходы потребителя на устранение недостатков.

Заметим, что под расходами на возмещение затрат, понесенных потребителем в связи с приобретением товаров, изготовленных с использованием изделий со скрытыми недостатками, понимаются все расходы, которые потребитель понес в связи с получением некачественного товара. Здесь речь идет как о расходах, направленных на восстановление потребительских свойств товара (расходы на замену некачественного товара, устранение неисправностей), так и о других потерях, связанных с устранением последствий изготовления некачественного товара.

Транспортными расходами, вызванными заменой товара, являются затраты потребителя на оплату услуг перевозчика, который осуществил возврат неисправного товара продавцу и транспортировал уже замененный товар.

Между тем к санкциям относятся различные виды штрафов, пеней, выплаченных потребителем получателю вследствие поставки товара ненадлежащего качества. Например, потребитель перепродает приобретенный у продавца товар другому лицу, в договоре между потребителем и получателем имеется условие, по которому потребитель при выходе товара из строя не по вине получателя уплачивает последнему неустойку в размере 0,1 % от стоимости товара за каждый день простоя. При подтверждении факта выхода товара из строя по вине получателя потребитель вынужден уплатить получателю договорную неустойку (которую он затем в порядке регресса вправе предъявить продавцу, с которым у него был заключен договор на приобретение данного товара) как сумму реального ущерба, понесенного в связи с нарушением продавцом своих обязательств по договору.

Это означает, что когда потребителю причинен ущерб (убытки) нескольких видов, то ущерб (убытки) каждого вида рассчитывают отдельно, а полученные результаты суммируются¹¹.

Во всех случаях доказывание реального ущерба при поставке товара ненадлежащего качества главным является не только документальное подтверждение реальных расходов потребителя, но и причинно-следственная связь передачи товара с недостатками и произведенными потребителем расходами. Для этого необходимо, на наш взгляд, документально обосновать факт выполнения работ по устранению недостатков и их объем, что можно успешно подтвердить дефектными ведомостями, договорами, транспортными накладными и др.

Осуществляя доказывание фактических расходов, потребитель может предоставить платежные поручения, подтверждающие оплату третьим лицам, квитанции об оплате и другие документы. Для подтверждения причинной связи между нарушением обяза-

11 Дегтярев С.Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе. – М., 2003. С. 34.

тельства и возникшим ущербом потребитель должен доказать, что произведенные им расходы были направлены исключительно на устранение неисправности товара.

Поэтому представляется закономерным при доказывании причинно-следственной связи подтвердить необходимость и обоснованность перечисленных расходов. В противном случае возможны злоупотребления со стороны потребителей, например, наряду с устранением недостатков можно провести и дополнительные работы по усовершенствованию, реконструкции товара и потребовать от продавца возмещения всех этих затрат под видом устранения неисправностей. Нередко именно факт не подтверждения причинно-следственной связи является

основанием для отказа в удовлетворении исковых требований о возмещении убытков.

По нашему мнению, разрешение в будущем существующих правовых проблем, связанных с гражданско-правовой ответственностью и освобождением от нее, возможно лишь при значительных совместных усилиях ученых-цивилистов, законодателей и правоприменителей.

Бесспорно одно: преодоление существующих проблем позволит участникам гражданско-правовых отношений более четко реализовывать свои права и обязанности и в целом будет способствовать совершенствованию и оптимизации в России подлинно рыночных, основанных на законе правоотношений.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Гражданское право. Ч. 1. / под общ. ред. Т. И. Илларионовой и др. М., 2001.
2. Гуев А. Н. Гражданское право: учебник. В 3-х т. Том 1. М.: Инфра-М., 2003.
3. Кофман В. И. Советское гражданское право. Т. 1. М.: Высшая школа, 1968.
4. Иоффе О. С. Обязательное право. М.: Юрид. лит., 1975.
5. Шевченко Я. Н. Понятие и механизм гражданско-правовой ответственности // Повышение роли гражданско-правовой ответственности в охране прав и интересов граждан и организаций. – Киев, 1988.
6. Васькин В. В., Овчинников Н. И., Рогович Л. Н. Гражданско-правовая ответственность. Владивосток, 1988.
7. Гражданское право: учебник. Т. 1 / под ред. Е. А. Суханова. М., 1993.
8. Шишкин С. К. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. – М., 2004.
9. Гражданское право: учебник. Т. 1 / Под ред. З. И. Цибуленко. М.: Юрист, 2000.
10. Сметанников А. Е. Проблема доказывания убытков при передаче товара ненадлежащего качества // Российская юстиция. 2007. № 5.
11. Дегтярев С. Л. Возмещение убытков в гражданском и арбитражном процессе. М., 2003.

BIBLIOGRAPHY

1. Civil law. P.1. / Under a general edition of T. I. Illarionova, etc. M., 2001.
2. Guyev A. N. Civil law. Textbook. In 3 t. Volume 1. M.: Infra-m, 2003.
3. Coffman V. I. Soviet civil law. T. 1. M.: The higher school, 1968.
4. Ioffe O. S. Obligatory right. M.: Yurid. litas., 1975.
5. Shevchenko of Ya. N. Ponyatiye and the mechanism of civil responsibility//Increase of a role of civil responsibility in protection of the rights and interests of citizens and the organizations. – Kiev, 1988.
6. Vaskin V. V., Ovchinnikov N. I., Rogovich L. N. Civil responsibility. Vladivostok, 1988.
7. Civil law: Textbook. T. 1. / Under the editorship of E. A. Sukhanov. M, 1993.
8. Shishkin S. K. Indemnification, caused by a source of the increased danger. – M, 2004.
9. Civil law: Textbook. T. 1. / Under the editorship of Z. I. Tsibulenko. M.: Lawyer, 2000.
10. Smetannikov of A. E. Problem of proof of losses by transfer of goods of inadequate quality//the Russian justice. 2007. No. 5.
11. Degtyarev S. L. Indemnification in civil and arbitration process. M, 2003.

В.В. КУЛАКОВ

О координационных и субординационных гражданско-правовых договорах

АННОТАЦИЯ. В статье утверждается, что термин «система договоров» предполагает систему соответствующих норм, то есть систему законодательства, а не сделок. Система договоров как юридических фактов, объединенных общей целью, возможна в определенных сферах: договоры в сфере обязательного медицинского страхования, основной и обеспечительный договоры. Автор предлагает классифицировать договоры на две группы: координационные и субординационные. В координационных договорах их участники договора объединяют усилия для достижения общей цели: получения общего блага, упорядочения пользования этим благом. В субординационных договорах цели сторон противоположные, в них происходит обмен благами. Предлагается выделение родового типа договора о совместной деятельности, включающие простое товарищество, корпоративные договоры, договоры между сособственниками, соавторами и т.п. Координационные договоры порождают обязательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: договор, система договоров, корпоративные отношения, обязательства.

КУЛАКОВ В.В. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Российской академии правосудия (faust-ul2004@ya.ru).

V.V. KULAKOV

About coordination and subordinate civil law contracts

ANNOTATION. This article argues that the term "contract system" implies a system of relevant rules, ie the system of legislation, not transactions. System of contracts as legal facts, united by a common purpose, it is possible in certain areas: contracts in the field of compulsory health insurance, basic and a security agreements. The author proposes to classify contracts into two groups: coordination and subordination. In coordination agreements their contractors join forces to achieve a common goal: obtain the common good, ordering the use of this blessing. In subordinate agreements of the parties opposing goals, they are exchanged goods. Invited to the selection of generic type agreement on joint activities, including partnerships, corporate contracts, agreements between the co-owners, co-workers, etc. Coordination agreements generate obligations.

KEYWORDS: Contract system of contracts, corporate relations, obligations.

KULAKOV V.V. – doctor of jurisprudence, professor, head of the department of civil law of the Russian academy of justice (faust-ul2004@ya.ru).

Принято говорить о системе законодательства, системе права, наконец, о системе договоров. Например, Ю.В. Романец полагает, что система гражданских договоров – это система определенной группы правоотношений, четкие представления об объективно существующей правовой системе позволяют совер-

шенствовать законодательство и, в частности, кодифицировать его в нужном направлении, избегая ошибок¹.

В свою очередь полагаем, что, очевидно, ученый, говоря о системе договоров, все-таки предполагает систему норм, регулирующих определенные группы отношений, т.е. говорит

1 Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России. М.: Юрист, 2001.

о системе законодательства. Вряд ли можно представлять в качестве системы совокупность всех закрепленных в законодательстве договоров в их законодательном понимании (юридические факты), поскольку они представляют собой частные акты, в которых проявляется воля отдельных индивидуумов, и которые никак между собой не связаны. Однако образуют систему договоры, если их участники преследуют достижение некой общей цели. Таковыми будут договоры, заключаемые в лизинговой сфере; при оказании медицинской помощи в рамках обязательного медицинского страхования; основные и обеспечительные договоры и т.д.

Нам известна многозначность термина «договор». О нем говорят как о сделке, правоотношении, документе². Вместе с тем, существует подход, согласно которому договор является самостоятельным регулятором общественных отношений, наряду с законом, обычаем и др. В свое время в литературе была выдвинута концепция о сходстве возможностей договора и закона в организации и регулировании хозяйственной деятельности³. Нечто подобное закреплено в Французском гражданском кодексе: «Законно заключенные соглашения занимают место закона для тех, кто их заключил» (ст. 1143). О договоре как о регуляторе общественных отношений пишет Ю.А. Тихомиров⁴. В.А. Хохлов справедливо утверждает, что договоры порождают нормы саморегуляции⁵. Ученый, кроме того, примерные, типовые договоры называет разновидностью нормативных правовых актов⁶. М.В. Батянов справедливо определяет договор как индивидуальный акт, под которым применительно к договору понимается результат

направленных на установление договорного обязательства юридических действий субъектов права, выраженный в соглашении, отражающем интерес субъектов договора и определяющий модель их поведения⁷.

Безусловно, договор порождает некую модель обязательного поведения, пусть и обязательную, только для его участников. Соответственно нельзя отказывать ему в роли регулятора, точнее индивидуального регулятора общественных отношений. Заметим, что в ГК РФ упоминается «сила договора» примерно в том же смысле, что и в отношении закона (п. 1 ст. 425, 617, 895, 1038).

Следовательно, по аналогии с системой законодательства можно говорить о системе договоров, понимаемых как источник (форма) права.

Говоря о договоре как о регуляторе, необходимо помнить, что общественные отношения могут иметь разноотраслевую юридическую природу. Так, допуск в оборот объектов и требования к лицам, необходимые для участия в тех или иных отношениях, устанавливаются нормами публичного права, однако отношения эти, отношения по поводу самого оборота носят исключительно гражданско-правовой характер, поскольку целью их является удовлетворения частного интереса кредитора (в товаре, работе, услуге и др.). Соподчиненность – вовсе не признак исключительно публично-правовых отношений. Закон предусматривает в ряде случаев обязанность заключить договор (ст. 445 ГК РФ); должник в обязательстве связан долгом, т.е., по сути, подчинен кредитору. Для гражданско-правового регулирования целого ряда отношений применяется преимущественно

2 См.: Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. первая. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001. С.13-20.

3 Пугинский Б.И., Сайфуллин Д.Н. Правовая экономика: проблемы становления. М., 1991. С. 145.

4 Тихомиров Ю.А. Договор как регулятор общественных отношений // Правоведение. 1990. № 5. С. 35.

5 Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: автореф. дисс. докт. юрид. наук. Саратов, 1998. С. 17.

6 Хохлов В.А. Ответственность за нарушения договора по гражданскому праву. Тольятти, 1997. С. 59 – 62.

7 Батянов М.В. Срок действия гражданско-правового договора. Самара: СГА, 2013. С.44, 48 – 49.

императивный метод, в первую очередь для защиты «слабой» стороны, например, потребителя.

Любая норма права является императивной, потому она и является обязательным правилом поведения. Следует иметь в виду условность термина «диспозитивная норма». Нужно помнить, что договор выполняет две функции: во-первых, связывает стороны (например, обязательством), во-вторых, определяет модель их дальнейшего поведения (либо привязывает стороны к модели, закрепленной в императивной норме, либо отсылает к варианту поведения, определенного в диспозитивной норме, либо создает другую модель, не предусмотренную в законе). Свобода договора при этом ограничена императивными требованиями закона (ст. 421, 425 ГК РФ). Соответственно верным является замечание В.В. Витрянского о том, что условие, определенное диспозитивной нормой, следует рассматривать как условие договора⁸. Иначе говоря, диспозитивная норма – это возможное условие договора.

Итак, есть смысл говорить о системе договоров как регуляторов общественных отношений.

Договор – это не просто соглашение, это – объединение субъектов. Цели, подтолкнувшие их к объединению, могут быть разными, но следует иметь в виду, что такие цели могут быть направлены как на удовлетворение общего интереса договаривающихся, так и индивидуального. В зависимости от того, какие цели они преследуют, договоры можно поделить на две большие группы: координационные и субординационные. В первых участники договора стремятся скоординировать усилия для достижения общей цели, получения блага, плоды которого они будут и пожинать в дальнейшем сообща. В субординационных договорах – цели сторон противоположные, в них происходит обмен

благами. Так или иначе, участники любого договора вынуждены объединяться, составляя тем самым некое множество, систему.

В ГК РФ предусмотрено много случаев множественности субъектов, так или иначе объединенных (например, общей целью, общим имуществом) и предстающих по отношению к остальным субъектам в виде некоего единого сложного единства (квази-лица, квази-субъекта):

1) в отношениях собственности (статички) – это сосособственники (как долевые, так и совместные) – глава 16 ГК РФ;

2) в отношениях по поводу интеллектуальной собственности – соавторство (п. 4 ст. 1228 и др. ГК РФ);

3) в обязательствах – множественность (долевая и солидарная) – ст. 321-326 ГК РФ.

Как видим, множественность наблюдается во всех группах отношений, образующих предмет гражданского права. Вместе с тем, эти «коллективы» не выступают в качестве самостоятельного субъекта гражданских прав. Пока в качестве таковых признаны только корпоративные юридические лица. Вместе с тем в основе всех этих объединений лежат общие законы, требующие теоретического объяснения, и учет которых будет способствовать формированию эффективного законодательства.

Итак, множественные субъекты возникают при объединении лиц, обладающих одной вещью, при активной или пассивной множественности в обязательстве, при соавторстве. Эти отношения, на первый взгляд, разные по природе, однако общее, что их объединяет – это необходимость совместной деятельности. На это либо прямо указывает законодатель, либо это очевидно следует из существа отношений. Так, согласно норме п. 2 ст. 52 ГК РФ, утратившей силу с 1 сентября 2014 г., в учредительном договоре юридического лица должен быть определен порядок совместной деятель-

8 Витрянский В.В. Существенные условия договора в отечественной цивилистике и правоприменительной практике // Вестник ВАС РФ. 2002. № 7. С. 139.

ности учредителей по созданию своей организации. В действующей редакции ГК РФ — в п.3 ст. 50.1 указывается лишь, что в решении об учреждении юридического лица указываются сведения об учреждении юридического лица, утверждении его устава, о порядке, размере, способах и сроках образования имущества юридического лица, об избрании (назначении) органов юридического лица. В любом случае, очевидно, что суть решения об учреждении юридического лица (которое вполне подпадает под определение договора ст. 420 ГК РФ) не изменилась — участники должны скоординировать свои действия. Корпоративное соглашение предполагает такую координацию участников юридического лица и в дальнейшем. В отношениях общей собственности владение и пользование имуществом осуществляется по соглашению всех ее участников (ст.247 ГК РФ), что также предполагает совместную деятельность (хотя бы по достижению этого соглашения). Требуется координация их деятельности и при распределении доходов и несении расходов (248, 249 ГК РФ). В совместной собственности такое согласие предполагается, но опять-таки вытекает из брака (которое является соглашением, хоть и семейно-правовым). Соавторство также предполагает осуществление совместной деятельности по созданию произведения — совместного творческого труда (п.1 ст. 1258 ГК РФ). Даже солидарность ответственности лиц, совместно причинивших вред, следует из их пусть и незаконного, но соглашения, целью которого была та или иная деятельность, приведшая к причинению вреда. Поэтому долевой является ответственность лиц, деятельность которых в совокупности стала причиной вреда, хотя и не будучи совместной (например, последовательные ошибки, совершенные разными врачами).

Очевидно, что в результате объединения разных субъектов вокруг некоего объекта

(например, имущества; будущего произведения) возникает их система, подчиняющаяся соответствующим законам развития систем: им характерна координация, необходимость сохранения системы (пусть на более или менее длительный срок), а также диссоциация, которая следует из индивидуальных социально-экономических целей лиц, объединенных в эту систему.

Если исключить нематериальную составляющую в соавторстве (которая, собственно говоря, и не регулируется нормами гражданского права), то все упомянутые выше договоры соответствует модели договора о совместной деятельности, который предполагает внесение вкладов. Так, вполне возможна предварительная оценка соавторами своих нематериальных вкладов в создание произведения с соблюдением правил ст. 161 ГК РФ о форме сделки.

Однако совместная деятельность может осуществляться и по поводу уже существующего имущества (в т.ч. исключительного права). Если договор «с вкладами» нашел отражение в ГК РФ, то «безвкладные» договоры не имеют типовой модели. Очевидно, что здесь принцип свободы договора будет позволять заключать их, что невозможно в отношении обязательственных договоров.

Сказанное позволяет сделать вывод о возможности выделения модели некоего общего договора о совместной деятельности с более широким содержанием, чем предусмотрено в отношении договора о совместной деятельности (глава 55 ГК РФ). Такая модель будет охватывать все названные выше виды договоров по поводу совместной деятельности, поскольку их стороны имеют не противоположные как в обязательствах, а скоординированные цели⁹.

Координационным договорам противопоставляются договоры субординационные.

Субординационными являются договоры,

9 Поэтому придание договору простого товарищества «вида» обязательственного некорректно, противоречит его природе. Изменения, предполагаемые в ст. 307 ГК РФ, в части обязательства внести вклад, не имеют под собой достаточных теоретических оснований.

из которых возникают те или иные обязательства. Природа отношений, лежащих в их основе, совершенно иная — совершить акт товарного (экономического) обмена. Если корпоративные договоры направлены на создание более-менее устойчивого сообщества, бесконечно существующих обязательств принципиально быть не может, что объясняется необходимостью совершения акта экономического обмена.

Таким образом, можно выделить две группы гражданско-правовых отношений — координационные и субординационные. Соответственно им делятся гражданско-правовые договоры. Практическое значение такой классификации заключается в правильной квалификации договорных отношений, что требует применения строго определенных правил. Так, видится невозможным обязательство (соответственно обязательственный договор) по поводу совместной деятельности, в том числе по внесению вкладов, поскольку отношения эти координационные, а не субординационные. Поэтому неудачной является попытка авторов Концепции развития гражданского законодательства изменить ст. 307 ГК РФ,

включив в легальное определение обязательства обязанность «внести вклад в совместную деятельность»¹⁰. К сожалению, в действующем законодательстве мы видим примеры уже принятых подобного рода норм. Это, в частности, неудачно сформулированная конструкция акционерного соглашения, предусмотренного ст. 32.1 Федерального закона «Об акционерных обществах». Хотя законодатель попытался в легальном определении придать этому соглашению вид «обязательственного»¹¹, обязательства из него не возникнет, поскольку не представляется возможным определить лиц, которые будут на стороне кредитора или должника. Существование таких соглашений крайне сомнительно, если учитывать общий запрет на сделки, ограничивающие право— и дееспособность граждан (ст. 22 ГК РФ), хоть и допускающий такие ограничения по закону. Однако нельзя придавать договорам, предназначенным для регулирования отношений одной группы, черты другой, и подобные нормы противоречат сути гражданско-правового регулирования.

Надеюсь, представленная на суд читателей статья будет полезна и вызовет добрую критику.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Батянов М.В. Срок действия гражданско-правового договора. Самара: СГА, 2013.
2. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Кн. первая. Общие положения. 3-е изд., стереотип. М.: Статут, 2001.
3. Проект Федерального закона N 47538-6 "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // Консультант Плюс.
4. Хохлов В.А. Гражданско-правовая ответственность за нарушение договора: автореф. дисс. докт. юрид. наук. Саратов, 1998.
5. Хохлов В.А. Ответственность за нарушения договора по гражданскому праву. Тольятти, 1997.

BIBLIOGRAPHY

1. Batanov M. C. validity of a civil contract. Samara: MUH, 2013.
2. Braginsky, M. I., Vitrianskii Century Century Contract law. KN. first. General provisions. 3rd ed., the stereotype. M.: Statut, 2001.
3. The draft Federal law N 47538-6 "On amending part one, second, third and fourth Civil code of the Russian Federation and certain legislative acts of the Russian Federation" (edition adopted by the state Duma in the first reading on 27.04.2012) // Consultant Plus.
4. Khokhlov, C. A. Civil liability for breach of contract: author. Diss. Prof. jorid Sciences. Saratov, 1998.
5. Khokhlov, C. A. Liability for breach of contract in civil law. Togliatti, 1997.

10 Проект Федерального закона N 47538-6 "О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации" (ред., принятая ГД ФС РФ в I чтении 27.04.2012) // Консультант Плюс.

11 По акционерному соглашению его стороны обязуются осуществлять определенным образом права, удостоверенные акциями, и (или) права на акции и (или) воздерживаться от осуществления указанных прав.

Д.Г. КОРОВЯКОВСКИЙ, С.С. ИЛЮХИНА

Альтернативные способы разрешения споров во внешнеэкономической деятельности в свете вступления России в ВТО

АННОТАЦИЯ. Авторы статьи предпринимают попытку рассмотрения некоторых видов альтернативных способов разрешения споров во внешнеэкономической деятельности на основе зарубежного опыта. Анализируется действующее законодательство в этом вопросе. Рассматриваются основные альтернативные способы разрешения споров в России в настоящее время.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. ADR, ВТО, АРС, ВЭД, альтернативные способы разрешения споров, медиация, третейский суд, финансовый омбудсмен, урегулирование споров, конфликт, урегулирование конфликта.

КОРОВЯКОВСКИЙ ДЕНИС ГЕННАДЬЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой «Таможенное право и организация таможенного дела» Юридического института Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ).

ИЛЮХИНА СВЕТЛАНА СЕРГЕЕВНА – кандидат технических наук, доцент кафедры «Таможенное право и организация таможенного дела» Юридического института Московского государственного университета путей сообщения (МИИТ).

D. G. KOROVYAKOVSKY, S. S. ILYUKHINA

Alternative ways of settlement of disputes in foreign economic activity in the light of Russia's accession to the World Trade Organization

ANNOTATION. Authors of article make an attempt of consideration of some types of alternative ways of settlement of disputes in foreign economic activity on the basis of foreign experience. The current legislation in this question is analyzed. Osonovny alternative ways of settlement of disputes in Russia are considered now.

KEYWORDS. ADR, WTO, ARS, foreign trade activities, alternative ways of settlement of disputes, mediation, arbitration court, financial ombudsman, settlement of disputes, conflict, conflict settlement.

KOROVYAKOVSKY DENIS GENNADEVICH – candidate of jurisprudence, associate professor, head of the department "The customs right and the organization of customs affairs" Legal institute of Moscow State University of means of communication (MIIT).

ILYUKHINA SVETLANA SERGEYEVNA – candidate of technical sciences, associate professor of the department "The customs right and the organization of customs affairs" Legal institute of Moscow State University of means of communication (MIIT).

Наиболее традиционным является деление альтернативных форм разрешения правовых конфликтов на основные и комбинированные.

К основным альтернативным формам относятся:

– переговоры, представляющие собой уре-

гулирование спора непосредственно сторонами без участия иных лиц;

– посредничество, означающее урегулирование спора с помощью независимого, нейтрального посредника, который содействует сторонам в достижении соглашения;

– третейский суд – разрешение спора с помощью независимого, нейтрального лица – арбитра (или группы арбитров), который уполномочен вынести обязательное для сторон решение.

Переговоры почти всегда имеют место в любой другой альтернативной форме, а посредничество часто используется как предварительная процедура до начала судебного разбирательства, в т.ч. при внешнеэкономических спорах.

Альтернативных способов урегулирования споров насчитывается более 20¹. К ним относятся: консультации, переговоры, переговоры с помощью современных средств связи, мини-судебное разбирательство, посредничество, посредничество-арбитраж, третейский суд, частный судебный арбитраж, ускоренный арбитраж, примирительные процедуры, согласительные процедуры, добрые услуги, омбудсмен, экспертиза или заключение эксперта, независимая оценка вопросов права или фактов, предварительная независимая оценка обстоятельств дела, судебные конференции, инспекция или регулятивный орган, упрощенный суд присяжных, суды мелких исков, досудебные совещания по урегулированию споров и другие.

В основном внесудебная практика разрешения коммерческих споров за рубежом осуществляется в трех формах: прямые переговоры сторон конфликта, медиация (посредничество с участием профессионального посредника – «медиатора»), третейские процедуры.

Одно из приоритетных направлений – это альтернативные способы разрешения споров во внешнеэкономической деятельности. Данное направление в современной российской литературе исследовано мало².

Для того чтобы рассмотреть альтернативные способы разрешения споров во внешнеэкономической деятельности, необходимо остановиться на тех документах, по поводу которых могут возникать такие споры. Такие документы называются внешнеэкономическими документами. Роль этих документов во внешнеэкономической деятельности преуменьшать нельзя. Существует два понятия:

Внешнеторговая документация – это документация, используемая во внешнеэкономической деятельности в целях заключения, оформления и исполнения внешнеэкономической сделки.

Внешнеторговые документы – это документы, оформляемые на всех этапах товародвижения, с помощью которых осуществляются международные расчеты и платежи по контракту, свидетельствующие об оказании страховых, транспортных, экспедиторских (посреднических) услуг и предоставляемые на заключительном этапе сделки официальным органам для контроля правил вывоза, ввоза и транзита.

Основным внешнеэкономическим документом является договор купли-продажи, получивший в международной практике название внешнеэкономического контракта. Каждый контракт имеет свою индивидуальность. Содержание контракта находится в прямой зависимости от характера совершаемой операции (экспорт, импорт, транзит), поставляемого товара, страны-контрагента, базисных условий поставки, форс-мажорных обстоятельств и разрешения спорных вопросов. Кроме того, важной частью успешной реализации международной коммерческой сделки является квалифицированное, правильное, корректное составление и оформление внешнеэкономических документов на всех этапах движения товара от продавца к покупателю.

1 Носырева ЕМ. Классификация альтернативных форм разрешения правовых конфликтов: теория и практика США. / Развитие альтернативных форм разрешения правовых конфликтов: Учебно-методическое пособие. Саратов. – С.49-55.

2 Коровяковский Д.Г. Применение процедуры медиации во внешнеэкономической деятельности // Таможенное дело. 2011. № 3. С. 33 – 38.

В соответствии с международной классификацией категории внешнеторговых документов можно распределить на несколько групп: документы коммерческих сделок, документы по платежам, документы по перевозке и связанные с ними услуги, а также официальный контроль правил вывоза, ввоза и транзита. Данные группы соответствуют этапам прохождения груза от продавца к покупателю. На каждом этапе оформляются различные документы, которые выполняют определенные функции.

В процессе осуществления различного рода деятельности в сфере международного коммерческого оборота индивиды вступают между собой в различные общественные отношения.

В отличие от стран Запада, в России наиболее распространенным способом защиты нарушенных прав при внешнеэкономических спорах остается судебная форма защиты, хотя Конституция Российской Федерации предоставляет возможность гражданам самостоятельно защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом³. В то же время государственный суд зачастую не является оптимальным для сторон спора способом разрешения их конфликта и часто приводит к высоким судебным издержкам, волоките, наносит вред деловым отношениям сторон и придает порой нежелательную огласку обстоятельствам спора. В государственном масштабе это также влечет серьезную перегрузку судебных органов, сказывающуюся на эффективности их работы. В Рекомендации № R (86)12 Комитета министров государствам – членам Совета Европы от 16.09.1986 относительно мер по недопущению и сокращению чрезмерной рабочей нагрузки на

суды предлагается содействовать примирению сторон как вне судебной системы, так и до или в ходе судебного разбирательства. На VII Всероссийском съезде судей в 2009 г. Председатель Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации А.А. Иванов отметил, что активное развитие досудебного урегулирования споров и примирительных процедур поможет заметно снизить нагрузку судей, а в ответ получить ощутимое повышение качества их работы⁴.

Проблема выбора средства для разрешения спора в большинстве случаев является обязательным этапом переговоров при обсуждении условий любой внешнеэкономической сделки. Существуют различные средства разрешения споров, и в их числе и медиация. Если же стороны сделки выбирают международный арбитраж в качестве такого средства, то в последующем проблемы правового регулирования процесса исполнения арбитражного решения в Российской Федерации не возникает. Это объясняется тем, что Россия является участницей Конвенции ООН о признании и приведении в исполнение иностранных арбитражных решений, известной как Нью-Йоркская конвенция 1958 г., членами которой являются еще 125 государств⁵. Более того, на основе этой Конвенции был принят Закон РФ от 07.07.1993 № 5338-1 «О международном коммерческом арбитраже»⁶. Закон был опубликован в «Российской газете» 14 августа 1993 г. № 156, в соответствии с п. 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 07.07.1993 № 5339-1 «О введении в действие Закона Российской Федерации «О международном коммерческом арбитраже» Арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации был переименован в

3 Ч. 2. Ст. 45 Конституции Российской Федерации.

4 Пальцев Ю.Е. Некоторые проблемы закона о медиации в России // Российская юстиция. 2011. N 1. С. 72 – 73.

5 Антонов И.В., Ружицкая Н.В. Механизм разрешения международных коммерческих споров // Закон. 2008. N 1. С. 28 – 38.

6 РГ. 1993. 14 августа.

Международный коммерческий арбитражный суд при Торгово-промышленной палате Российской Федерации⁷. По мнению ряда ученых, положения этих документов закрепляют основания для приведения в исполнение иностранного арбитражного решения в судах РФ⁸. История накопившего обширную судебную практику и самого известного и авторитетного на сегодняшний день российского арбитражного института (третейского суда), каковым по общему признанию, как в России, так и за рубежом является МКАС при ТПП РФ, началась с события, значение которого для развития отечественного третейского суда в современных условиях трудно переоценить. Это связано с учреждением в 1932 г. Внешнеторговой арбитражной комиссии при Всесоюзной торговой палате (ВТАК) в результате принятия союзного законодательного акта⁹. Значение данного события для развития отечественной правовой системы ничуть не умаляется тем, что решалась вполне конкретная задача, которая состояла в необходимости обеспечить возможность для осуществления на территории СССР арбитражного рассмотрения споров, которые могли возникать между советскими внешнеторговыми объединениями и их зарубежными партнерами в ходе экспортно-импортных операций¹⁰.

В европейских странах процедура медиации и других способов альтернативного разрешения споров при внешнеэкономических сделках установлена Соглашением о регламенте ЮНСИТРАЛ, добровольным

примирительным регламентом¹¹ и правилами альтернативного разрешения споров¹². Некоторые страны позаимствовали у стран Европы порядок проведения этих процедур.

Совет Европы подготовил несколько документов, касающихся способов альтернативного разрешения споров. Как следует из Рекомендации № R (81) 7 Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию, принятой 14 мая 1981 года, несмотря на «право на доступ к правосудию и справедливому разбирательству судом, гарантированное статьей 6 Европейской конвенции по правам человека... судопроизводство нередко носит настолько сложный, длительный и дорогостоящий характер, что частные лица, особенно находящиеся в экономически неблагоприятном положении, испытывают трудности в осуществлении своих прав в государствах-членах». Во избежание указанной ситуации государствам-членам рекомендуется принять все необходимые меры для того, чтобы информировать граждан о средствах защиты своих прав в суде, а также упростить, ускорить и удешевить судебное разбирательство, в том числе по гражданским и торговым делам. Государствам-членам следует, где это уместно, принимать меры по облегчению или поощрению примирения сторон или дружественного урегулирования спора до принятия его к производству или же в ходе разбирательства¹³. Необходимо не забывать про правоохранительную деятельность в РФ¹⁴, которая

7 Информационное письмо Высшего Арбитражного Суда РФ от 25.08.1993 № С-13/ОСЗ-268.

8 Субочева Е.В. Некоторые проблемы признания и приведения в исполнение иностранных судебных решений на территории Российской Федерации // www.law.edu.ru.

9 Антонов И.В., Ружицкая Н.В. Механизм разрешения международных коммерческих споров // Закон. 2008. N 1. С. 28 – 38.

10 Комаров А.С. Три четверти в ногу со временем: к 75-летию деятельности МКАС // Международный коммерческий арбитраж: современные проблемы и решения. М., 2007. С. 3.

11 Приняты Международной Торговой Палатой и вступили в силу с 1 января 1988 года.

12 Приняты Международной Торговой Палатой и вступили в силу с 1 июля 2001 года.

13 Рекомендация Комитета министров Совета Европы государствам-членам относительно путей облегчения доступа к правосудию от 14 мая 1981 года № R (81) 7 // Российская юстиция. – 1997 – № 6 – С. 4.

14 Шагиева Р.В., Шагиев Б.В. Правоохранительная деятельность как разновидность юридической деятельности: проблемы теоретического обоснования // Евразийский юридический журнал. 2014. № 2 (69). С. 166-171.

также учитывается при современных альтернативных способах разрешения споров¹⁵.

Среди задач судопроизводства в арбитражных судах ст. 2 АПК РФ называет содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, формирование обычаев и этики делового оборота. Глава 15 АПК РФ впервые на законодательном уровне закрепляет возможность для участников арбитражного процесса не только заключить мировое соглашение, но и урегулировать спор, используя другие примирительные процедуры, если это не противоречит федеральному закону (ст. 138 АПК РФ).

Таким образом, следует отметить, что законодатель допускает возможность в рамках как гражданского, так и арбитражного процесса, но в различном объеме применение примирительных процедур¹⁶. Если в гражданском процессе законом установлена обязанность судьи оказывать содействие в примирении сторон, то в арбитражном процессе законодатель сформулировал эту задачу более расширительно, указав, что арбитражный суд принимает меры для примирения сторон, содействует им в урегулировании спора¹⁷.

Проанализировав множество источников, можно сделать вывод о том, что медиация — это признанный и востребованный метод разрешения конфликтов во всем мире. Результатом постоянного расширения сферы применения медиации стал выход за границы разрешения межличностных конфликтов. В ближайшем будущем медиация будет успешно применяться во всех сферах жизнедеятельности человека при разрешении в

т.ч. международных споров, а вот вопросы подготовки профессиональных медиаторов выходят на одно из первых мест в России и странах СНГ¹⁸.

В этой сфере существует несколько проблем:

— проблема ответственности подготовки специалиста по альтернативным способам разрешения споров во внешнеэкономической деятельности со стороны учебного заведения за действия перед участниками конфликта и перед государством;

— моральная проблема, т.е. добросовестность такого специалиста при содействии в разрешении конфликта;

— проблема взаимоотношений подобного рода специалиста и участников конфликта¹⁹.

Для разрешения правовых конфликтов необходимым элементом юридической практики становится поиск компромисса, что требует участия в разрешении и управлении правовыми конфликтами уже не только юристов, но и психологов, социологов, философов, конфликтологов, экономистов и других специалистов. Юристы должны обладать специальными познаниями в области психологии, конфликтологии, социологии и других наук в целях применения не только судебных, но и внесудебных процедур разрешения споров, особенно при внешнеэкономических спорах.

Постепенно в Российской Федерации формируется внесудебный и досудебный институт урегулирования правовых конфликтов, обозначенный в российской правовой теории термином «альтернативное разрешение споров (АРС)». Наблюдается большая заинтере-

15 Шагиева Р.В., Шагиев Б.В. Правоохранительная деятельность: проблемы теоретического обоснования // Административное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 538-549.

16 Карпенюк О.С. Дисс. на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

17 Кузбагаров Л., Зайганова С. Об использовании примирительных процедур при осуществлении правосудия по спорам частноправового характера // Арбитражный и гражданский процесс. — 2006. — № 2. — С. 26.

18 Королев С.В., Коровяковский Д.Г. Образовательные модели подготовки медиаторов в сфере внешнеэкономической деятельности в России и зарубежных странах // Таможенное дело. 2012. N 3. С. 30 – 33.

19 Коровяковский Д.Г. О подготовке специалистов по альтернативным способам разрешения споров во внешнеэкономической деятельности в России // Таможенное дело. 2014. N 2. С. 27 – 29.

сованность предприятий и индивидуальных предпринимателей в альтернативном разрешении споров²⁰. «Сегодня, предприниматели в России, так же как и в других странах, имеют возможность выбора форм и методов разрешения споров и иных конфликтов, возникающих в связи с осуществлением ими предпринимательской деятельности, и все лица прибегают для этой цели к использованию альтернативных методов, без привлечения государственных органов судебной власти»²¹.

Во всех случаях разрешения внешнеэкономических споров должно быть развито активное взаимодействие между всеми

участниками спора (и частно-правовая сторона, и публично-правовая сторона), в т.ч. информационное взаимодействие между таможней и бизнесом²².

В настоящее время в России проводятся различные семинары по альтернативным способам разрешения споров, и в этих семинарах особое внимание уделяется разрешению таких споров во внешнеэкономической деятельности. Но этого недостаточно. Лишь небольшой процент споров рассматривается с помощью АДР. Необходимо дальнейшее проведение научных исследований в этой сфере, в т.ч. применение международного опыта.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Дорощенко Г.И. Экономические и информационные аспекты взаимодействия таможни и бизнеса на современном этапе // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2014. № 42. С. 33–39.
2. Королев С.В., Коровяковский Д.Г. Образовательные модели подготовки медиаторов в сфере внешнеэкономической деятельности в России и зарубежных странах // Таможенное дело. 2012. № 3. С. 30–33.
3. Коровяковский Д.Г. О подготовке специалистов по альтернативным способам разрешения споров во внешнеэкономической деятельности в России // Таможенное дело. 2014. № 2. С. 27–29.
4. Коровяковский Д.Г. Применение процедуры медиации во внешнеэкономической деятельности // Таможенное дело. 2011. № 3. С. 33–38.
5. Пальцев Ю.Е. Некоторые проблемы закона о медиации в России // Российская юстиция. 2011. № 1. С. 72–73.
6. Российская газета, № 156, 14.08.1993.
7. Шагиева Р.В., Шагиев Б.В. Правоохранительная деятельность как разновидность юридической деятельности: проблемы теоретического обоснования // Евразийский юридический журнал. 2014. № 2 (69). С. 166-171.
8. Шагиева Р.В., Шагиев Б.В. Правоохранительная деятельность: проблемы теоретического обоснования // Административное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 538-549.

BIBLIOGRAPHY

1. Doroshchenko G. I. Economic and information aspects of interaction of customs and business at the present stage// Economy and modern management: theory and practice. 2014. No. 42. Page 33–39.
2. Queens S.V., Korovyakovsky D. G. Educational models of preparation of mediators in the sphere of foreign economic activity in Russia and foreign countries//Customs affairs. 2012. N 3. Page 30–33.
3. Korovyakovsky D. G. O to training of specialists on alternative ways of settlement of disputes in foreign economic activity in Russia//Customs affairs. 2014. N 2. Page 27–29.
4. Korovyakovsky D. G. Application of procedure of mediation in foreign economic activity//Customs affairs. 2011. No. 3. Page 33–38.
5. Paltsev YU.E. Some problems of the law on mediation in Russia//the Russian justice. 2011. N 1. Page 72 – 73.
6. "The Russian newspaper", No. 156, 14.08.1993.
7. Shagiyeva R. V., Shagiyev B. V. Law-enforcement activity as kind of legal activity: problems of theoretical justification//Euroasian legal magazine. 2014. No. 2 (69). Page 166-171.
8. Shagiyeva R. V., Shagiyev B. V. Law-enforcement activity: problems of theoretical justification//Administrative and municipal law. 2014. No. 6. Page 538-549б.

20 Иоффе М. Е. Центр разрешения правовых конфликтов // Медиация. Информационный бюллетень. Саранск, 2003.- №1.-С. 18-22.

21 Андреева Т.К. Некоторые комментарии к Федеральному Закону «О третейских судах в РФ» // Хозяйство и право. – 2003 – № 1. – С. 21.

22 Дорощенко Г.И. Экономические и информационные аспекты взаимодействия таможни и бизнеса на современном этапе // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2014. № 42. С. 33-39.

Ю. А. СВИРИН

Принципы гражданского процессуального права в свете реформы процессуального законодательства России

АННОТАЦИЯ. В настоящей статье автором исследуются и раскрываются такие принципы процессуального права, как: принцип относительной истины, принцип превенции, принцип состязательности, принцип правовой определенности. В свете реформы процессуального законодательства и права автором предлагается закрепить нормативно-текстуально в процессуальном кодексе указанные выше принципы права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: принцип относительной истины, принцип превенции, принцип состязательности, принцип правовой определенности.

СВИРИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ – доктор юридических наук, профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина, действительный член Академии естественных наук, академик Академии фундаментальных наук (usvirin@mail.ru).

Y.A. SVIRIN

The principles of civil procedural law in the light of the reform of procedural law of Russia

ANNOTATION. In this paper the author investigated and disclosed to such principles of procedural law as the principle of relative truth, the principle of prevention, the adversarial principle, the principle of legal certainty. In light of the reform of procedural law and the rights of the author proposes to consolidate the regulatory textually in procedural code of the above principles of law.

KEYWORDS: principle of relative truth, the principle of prevention, the adversarial principle, the principle of legal certainty.

SVIRIN Y.A. – doctor of jurisprudence, professor of the department of civil and administrative proceedings, Moscow state juridical University O.E. Kutafina, Full member of the Russian academy of natural sciences, academician of the Academy of fundamental sciences (usvirin@mail.ru).

До настоящего времени остается актуальной проблемой процессуального права система принципов, определяющих не только построение самого процесса, но и гарантирующих вынесение законных и обоснованных решений. Юридические дефиниции «принцип права» и «система принципов» существуют в каждой отрасли права, являясь основополагающими категориями материи права. Принципы каждой отрасли

права составляют квинтэссенцию отрасли права, раскрывают ее суть, являются критерием, индивидуализирующим отрасль внутри системы права. Значение принципов столь велико, что некоторыми исследователями права принципы рассматриваются в качестве источника права.¹

Принципам права большое значение уделяется также в теории государства и права и которым придается науковедческий аспект.

1 Фархтдинов Я.Ф. Источники гражданского процессуального права Российской Федерации: дисс. ...докт. юрид. наук. Казань. 2002.

Именно исследователи в области теории права первыми стали изучать и выделять принципы права. В последующем правоведы в области отраслевых наук выявили и обосновали принципы каждой отрасли права. Г.Ф. Шершеневич еще в 1909 году писал: «Под именем юридического принципа понимается общая мысль, направление, вложенное законодателем сознательно или бессознательно в целый ряд созданных им правовых норм».² Далее автор совершенно справедливо указывает, что, к сожалению, законодатель ограничивается установлением отдельных норм и весьма редко дает общие начала. Поэтому задача обобщения лежит всецело на теоретической и практической юриспруденции.³

Значение принципов трудно переоценить. Правильно закрепленная в законе система принципов выступает гарантией законного, обоснованного и справедливого вынесения решений.

Большинство процессуалистов полагает, что гражданские процессуальные принципы есть нормативно установленные основополагающие начала отрасли права, определяющие построение процесса, его природу и методы по осуществлению правосудия по гражданским делам. В принципах права концентрируются взгляды законодателя на характер и содержание современного судопроизводства. Они пронизывают все гражданские процессуальные институты и определяют такое построение гражданского процесса, который обеспечивает вынесение законных и обоснованных решений.

Возникнув на основе новых взглядов на роль и значение судебной власти, принципы становятся важными предпосылками дальнейшего развития и совершенствования гражданского процессуального законодательства. Принципы любой отрасли права

тесно взаимосвязаны и образуют одну логико-правовую систему. Только взятые вместе в качестве системы, они характеризуют гражданское процессуальное право как самостоятельную отрасль права. Нарушение одного принципа, например «непосредственности исследования доказательств» приводит к нарушению другого принципа «законности». Таким образом, одни принципы следует рассматривать как гарантию для других принципов.

Принципы являются элементом структурирования, группировки правовых норм по институтам и отраслям права. Принцип любой отрасли права — понятие многоаспектное. Именно в научном осмыслении принципов отрасли права формируется представление об идеальной модели каждой отрасли права. С другой стороны, сам принцип как бы является «рабочим инструментом» формирования и развития самой отрасли права. Эти два свойства принципов и обуславливают его важное теоретическое значение.

На то, что «системность» принципов может быть положена в основу индивидуализации отраслей права, указывал еще С. Н. Братусь: «...Определению отрасли права способствует ее ведущий принцип и определение специфики корреспондирующего понятийного аппарата».⁴

Гражданское процессуальное право имеет свой состав принципов. Принципы гражданского процессуального права придают ему некоторую конструктивную завершенность, в них сконцентрированы взгляды законодателя на характер и содержание правового регулирования судопроизводства по гражданским делам, они как бы представляют собой структурную основу отрасли права. Наличие презумпции идентичности (*presumption similitudinis*) принципов наряду с предметом и методом говорит об искус-

2 Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Изд. бр.Башмаковых. 1910.

3 Там же.

4 Братусь С. Н. О предмете советского гражданского права // Сов. гос-во и право. 1940. № 1. С. 38.

ственном разделении гражданского процессуального и арбитражного процессуального права.

Г.Л. Осокина справедливо полагает, что принцип является одновременно той идеей, которая сформировалась в результате научного, профессионального и массового (обыденного) представления об идеальной модели отрасли права, сравнивая принцип с «рабочим инструментом» регулирования общественных отношений.⁵

В науке гражданского процессуального права принято делить принципы на две группы: организационно-функциональные и функциональные. Первая группа принципов определяет устройство судов и процесса одновременно. Вторая группа определяет только процессуальную деятельность суда и других участников процесса. Эти две группы принципов находятся во взаимосвязи, причем нередко один и тот же принцип выступает и как организационно-функциональный и функциональный, вследствие чего можно констатировать, что подобное деление весьма условно.

В познавательных и учебных целях в юридической науке принято выделять состав и систему принципов. Термин «состав» в философском смысле употребляется для обозначения перечня, набора предметов и явлений. Подобное содержание вкладывается и в состав принципов, понимая под составом принципов перечень существующих принципов в той или иной отрасли права.

Система принципов есть более сложное правовое явление, это классификация принципов, деление их состава на отдельные группы по какому-либо признаку. Не раскрывая содержание каждого отдельного принципа, остановимся на некоторых принципах, которые не имеют прямого текстуального закрепления в законе, тем не менее, с нашей точки зрения, роль и значение их в процессе велики.

Принцип относительной истины. Многие десятилетия в гражданском процессе действовал принцип «объективной истины». В философии под истиной понимается содержание знания, тождественное его предмету. Так можно выделить следующие виды истин: отнологическую, объективную, логическую, абсолютную, относительную, формальную. Как указывается в литературе, объективная истина заключается в постижении сущностных характеристик предмета. Однако истина, имея объективное содержание, тем не менее субъективна по форме. В различных странах существуют гетерогенные подходы к истине, которая должна быть установлена в суде. В странах общего права суд устанавливает относительную истину. В законодательстве стран романо-германской системы права закрепляется, что суд должен устанавливать объективную истину. В Израиле и во многих арабских странах судья должен обязательно достичь истины по делу, даже если стороны не представили достаточных доказательств. А если истина не достигнута, то решение не соответствует религиозным установлениям.

Принцип законности в гражданском процессе России означает, что при рассмотрении и разрешении судом дел суд должен прежде чем применить ту или иную норму права установить истину по делу. Но какую истину?

Процесс познания включает в себя как установление фактов, с которыми стороны связывают возникновение, изменение или прекращение их права, так и правовую оценку установленных судом фактов. Спор сторон в исковом производстве чаще всего сводится к установлению или отрицанию фактов, имеющих правовое значение по делу. Если по конкретному делу суд не установил полно и верно фактических обстоятельств по делу, прав и обязанностей сторон, т.е. истины, то, следовательно,

5 Осокина Г. Л. Гражданский процесс. Общая часть. М.: Юрист. 2006. С. 107.

исходя из действующего позитивного права, нельзя признать решение законным. В процессуальной доктрине права презюмируется, что истинным называется суждение, в котором верно отражается объективная реальность. Таким образом, под истиной в гражданском процессе понимается верное суждение судьей о действительно фактических обстоятельствах по делу в их правовой оценке, установление фактов предшествует акту применения нормы права.

Законодательство о гражданском судопроизводстве предусматривает перечень доказательств, с помощью которых устанавливаются фактические обстоятельства, порядок их представления и истребования, правила оценки доказательств. В интересах достижения истины в качестве ее гарантии установлена обязанность суда осуществлять руководство гражданским процессом.

Однако в суде разрешается спор, и истина рождается в споре. Да и сам вопрос об истине является достаточно спорным. Еще индийский мыслитель Шри Ауробиндо говорил: «Мнение не бывает ни истинным, ни ложным, а лишь полезным в жизни или бесполезным». Участники процесса во время судебного разбирательства не стремятся к познанию истины. Их устремления направлены на убеждение судьи в своих доводах и возражениях как истинных. Таким образом, в судебном процессе устанавливается квази-истина.

Методом достижения истины в гражданском процессе выступает состязание сторон в условиях равноправия. Стороны равноправны в представлении доказательств, убеждающих судью в квази-истине. Следовательно, в суде постигается не объективная истина, но решение все равно нужно принимать. В связи с чем Т.М. Яблочков еще в 1909 году

указывал, что в судах устанавливается не материальная, а формальная истина. «Ergate humanum est» — судьи тоже люди.⁶ Судьи основывают свое решение только на доказательствах, предоставленными тяжущимися сторонами. Суд не вправе собирать доказательства в пользу какой-либо стороны. Следовательно, истина, постигаемая судом, является не объективной, а относительной (относительно тех доказательств, которые представили стороны).

Вообще проблема истины в настоящее время является дискуссионной. Традиционно принцип объективной истины противопоставлялся принципу формальной истины. Принцип объективной истины определял советский гражданский процесс. К сожалению, данный принцип имеет место в процессе и сегодня. По этому поводу А.Ф. Клейнман еще в 1961 году писал, что данный принцип является выражением ленинской теории познания в процессе осуществления социалистического правосудия.⁷ К.С. Юдельсон также отмечал, что достижение объективной истины в гражданском процессе обусловлено руководящей ролью диктатуры рабочего класса, союзом рабочего класса с крестьянством, отсутствием антагонистических классов и классовой борьбы.⁸ Сегодня, оставаясь на позициях принципа объективной истины, законодатель отошел от варианта «истина во что бы то ни стало». Но принцип относительной истины так и не нашел своего закрепления в нормах позитивного права. Среди процессуалистов также до настоящего времени превалирует мнение о наличии принципа объективной истины в процессе, определяя его даже как цель гражданского процесса.

Принцип превенции. Впервые на данный принцип обратил внимание

6 Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль: Книгоиз-во И.К.Гасанова. 1910. С. 112.

7 Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права. М.: МГУ. 1967. С. 37.

8 Юдельсон К.С. Проблемы доказывания в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат. 1951. С.118.

9 Гамбаров Ю.С. Гражданский процесс: курс лекций. М.: Городец. 2005. С.37.

Ю.С. Гамбаров.⁹ Этим принципом определяется роль истца и ответчика в суде. Тот, кто первый делает выпад, т.е. кто первым займет позицию истца, тот и становится ищущим защиты лицом. Таким образом положение истца и ответчика определяется чисто формально. Истец вовсе не обладает правом, а на ответчике может не лежать обязанность. Суть принципа превенции можно выразить изречением римских юристов *Qui facit est temporole potior est jure* (лат. кто раньше по времени, тот прежде всего). Принцип превенции также не нашел своего закрепления в нормах позитивного права.

Принцип состязательности. Принцип состязательности был закреплен еще в ГПК 1964 года. Однако, действие указанного принципа было ограничено. В советский период нашей истории данный принцип скорее можно было бы назвать не принципом состязательности, а принципом активной роли суда. Следует отметить, что в Древнерусском государстве процесс также строился на принципе состязательности. Например, по Русской Правде или Псковской судной грамоте 1467г., главная роль в процессе принадлежала сторонам. В связи с чем В.О. Ключевский писал следующее: «Суд представляется безучастным зрителем или пассивным председателем, чем руководителем дела».¹⁰ Позднее, в Судебнике 1497 года, процесс уже сочетал в себе как принцип состязательности, так и следственный принцип. Однако в результате судебной реформы 1864 года в российском гражданском процессе был вновь закреплен принцип состязательности, а следственность отвергнута.

Если принцип диспозитивности определяет возможности сторон и других лиц, участвующих в деле, по распоряжению объектом спора и движением процесса, то принцип состязательности определяет их возможности и обязанности по доказыванию заявленных требований и возражений,

по отстаиванию своей правовой позиции. Принцип состязательности теснейшим образом связан с принципом законности, диспозитивности. Условием реализации принципа состязательности выступает процессуальное равноправие сторон, поскольку состязаться в отстаивании своих субъективных прав и охраняемых законом интересов стороны могут лишь в одинаковых правовых условиях с использованием равных процессуальных средств.

Принцип состязательности в современных условиях имеет конституционное закрепление. В ч. 3 ст. 123 Конституции РФ закрепляется: «Судопроизводство осуществляется на основе состязательности и равноправия сторон». Данное конституционное положение впоследствии было экстрапализовано в ГПК РФ (ст. 12).

Яркой иллюстрацией принципа состязательности является установленное правило доказывания, в соответствии с которым каждое лицо, участвующее в деле, должно доказать те обстоятельства, на которые оно ссылается как на основание своих требований и возражений, если иное не предусмотрено федеральным законом (ч. 1 ст. 56 ГПК РФ). Доказательства представляются сторонами и другими лицами, участвующими в деле (ч. 1 ст. 57 ГПК).

Всесторонность рассмотрения дела, принятие судом законного и обоснованного решения обеспечиваются обширными возможностями сторон проявлять в процессе свою инициативу и активность, приводить доводы в обоснование своей позиции, отвергать доказательства и аргументы противоположной стороны. Однако по действовавшему законодательству принцип состязательности как бы нейтрализуется принципом объективной истины, суд в некоторых случаях вмешивается в процесс доказывания, не ограничиваясь представленными сторонами доказательствами. При этом суд руководствуется

10 Ключевский В.О. Курс русской истории. 1904 // URL: www.kulichki.com.

положением о том, он обязан принимать все предусмотренные законом меры к установлению действительных обстоятельств дела, и в некоторых случаях собирает доказательства по своей инициативе, иногда вопреки мнению истца и ответчика.

В гражданском процессе при реализации принципа состязательности сегодня отводится суду активная роль в интересах обеспечения законности. Хотя его полномочия гораздо сужены по сравнению с ГПК РСФСР 1964 года. «Чистой» состязательности, при которой суд играл бы в процессе пассивную роль, а процесс сводился бы к «свободной игре спорящих сторон», в настоящее время в гражданском судопроизводстве нет.

Суд определяет, какие обстоятельства имеют значение для дела, какой из сторон они подлежат доказыванию. Он вправе предложить лицам, участвующим в деле, представить дополнительные доказательства, проверяет относимость представляемых доказательств к рассматриваемому делу, окончательно устанавливает содержание вопросов, по которым требуется получить заключение экспертов, может назначить по своей инициативе экспертизу, если без заключения экспертов невозможно правильно разрешить дело.

Установленный в позапрошлом веке в доктрине германского права принцип состязательности основывался не на самостоятельных постулатах процесса, а на характерном свойстве гражданского права, свободы распоряжаться своими материальными правами.

По мнению некоторых исследователей (например, Д.Я. Малешин), сегодня в ГПК России установлено своеобразное сочетание инициативности сторон и активности суда. Поэтому как бы действует принцип ограниченной состязательности.¹¹ Тем не менее в науке имеют место различные точки зрения. Одни ученые настаивают на необходимости

усиления роли судьи в собирании доказательств. Другие, наоборот, ратуют за чистый принцип состязательности. В странах европейского сообщества также по-разному разрешается этот вопрос. Например, во Франции суд является активным участником гражданского процесса и может по своей инициативе назначить судебную экспертизу. В соответствии с ГПК Франции, Германии суд может по своей инициативе затребовать то или иное доказательство.

Что касается стран общего права, то тут ситуация представляется совершенно обратной. Так, в соответствии с Модельным кодексом поведения судей США судья не должен самостоятельно истребовать факты дела, а должен рассматривать только представленные доказательства. Тем не менее многие американские процессуалисты предлагают также усилить активность суда. Однако система гражданского производства в США, действующая с середины 30-х годов прошлого века, пока не предполагает активной роли суда в сборе доказательств. Помощь одной из сторон со стороны суда рассматривается в американском процессе как предвзятость и несправедливость, поскольку такие действия могут быть основанием для отвода судьи по мотивам пристрастия. В связи с чем в российской процессуальной доктрине отмечается, что подобная пассивность суда снижает роль суда как государственного органа власти, превращая его в подобие третейского суда. Однако, как представляется, роль суда заключается только в отправлении правосудия. Судья не должен собой подменять активность или пассивность сторон. Выигрыш в процессе должен зависеть от проявленной активности истца или ответчика. Чистый принцип состязательности позволит сократить время рассмотрения дела, будет способствовать снижению уровня коррупции в судебной системе, где судья обязан будет принимать решение

11 Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М.: Статут. 2011.

только в пользу наиболее активной стороны, которая представила наиболее убедительные доказательства.

Принцип правовой определенности. Роль и значение каждого принципа достаточно подробно исследована в научной литературе и представлена в учебниках по гражданскому процессу. Однако процессуалисты долгое время не придавали значения в своих работах принципу правовой определенности, который, по нашему мнению, незаслуженно остается за границами научных исследований в доктрине права. Между тем совершенно очевидно, что данный принцип присущ всем процессуальным отраслям права, в силу чего является межотраслевым. Содержание вышеуказанного принципа высвечивается через статью 391-9 п.3 ГПК РФ, в которой он нашел свое имплицитное закрепление. О важности данного принципа отмечается также и в Постановлении Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.11.2012 г. № 2013/12. В частности, ВАС РФ отмечает, что признание приюдициального значения судебного решения, будучи направленным на обеспечение стабильности и общеобязательности судебного решения, исключение возможного конфликта судебных актов, предполагает, что факты, установленные судом при рассмотрении одного дела, впредь до их опровержения принимаются другим судом по другому делу, если они имеют значение для разрешения данного дела. Тем самым преюдициальность служит средством поддержания непротиворечивости судебных актов и обеспечивает действие принципа правовой определенности.¹²

Принцип правовой определенности также означает, что решение должно соответствовать и не противоречить единообразию судебной практики, которая формируется в

постановлениях высших судебных инстанций. Так, в постановлениях Пленумов Верховного Суда РФ излагаются правовые позиции ВС РФ, восполняющие пробелы в праве, а также содержатся комментарии по практике применения той или иной нормы позитивного права. Например, Верховный Суд РФ в своем Постановлении № 8 от 31 октября 1995 г. в редакции от 6 февраля 2007 года в п. 4 подчеркивает, что при рассмотрении дел судами надлежит учитывать, что если подлежащий применению закон либо иной нормативный акт субъекта РФ противоречит федеральному закону, принятому по вопросам, находящимся в ведении РФ, либо совместном ведении РФ и субъекта, то исходя из положений ч. 5 ст. 76 Конституции суд должен принять решение в соответствии с федеральным законом. А если имеются противоречия между актом субъекта и РФ, принятым по вопросам, относящимся к ведению субъекта, подлежит применению акт субъекта РФ.¹³

Указанная правовая позиция Верховного Суда РФ по-иному, чем в общей теории государства и права, трактует правило о юридической силе нормативных актов. В теории государства и права содержится общее правило, согласно которому суды при постановлении решения должны всегда применять закон, имеющий большую юридическую силу (данная базовая дефиниция относилась ко всем отраслям права). Однако нормой судебного установления в гражданском процессе было выработано иное правило, которое суды в силу принципа правовой определенности обязаны соблюдать.

Принцип правовой определенности имеет весьма обширный, содержательный аспект. И здесь мы не можем согласиться с некоторыми процессуалистами, которые

12 См.: Постановлении Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.11.2012г. № 2013/12 // КонсультантПлюс.

13 См.: Постановление Верховного Суда РФ № 8 от 31 октября 1995г. (в редакции 6 февраля 2007года) // КонсультантПлюс.

определяют содержание принципа правовой определенности только через позиции Европейского суда по правам человека.¹⁴ Данная точка зрения противоречит правовой позиции как Верховного Суда РФ, так и самого ЕСПЧ. В Постановлении Пленума ВС РФ от 27 июля 2013 года № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» подчеркивается, что если решение суда было исполнено на момент, когда стало окончательным Постановлением Европейского суда, в котором установлено, что при принятии этого решения были нарушены положения Конвенции или Протоколов к ней, то отмена такого решения по новому обстоятельству в связи с указанным Постановлением Европейского Суда превалирует над принципом правовой определенности. Из приведенного контекста видно, что правовые позиции ЕСПЧ не входят в содержание принципа правовой определенности. Как нам представляется принцип правовой определенности следу-

ет рассматривать только во взаимосвязи с правовыми позициями высших судебных инстанций России и с правовыми позициями Конституционного Суда России.

Вместе с тем в процессуальной теории совершенно верно отмечается, что одним из основополагающих аспектов верховенства права является принцип правовой определенности, который среди прочего требует, чтобы в случаях вынесения судами окончательного решения по делу это решение не ставилось бы под сомнение.¹⁵

На принцип правовой определенности в гражданском процессе долгие годы не обращали внимание только потому, что судебный прецедент не признавался источником права. В последнее десятилетие взгляды правоведов на роль и значение судебного прецедента начинают меняться. Сама судебная практика заставляет по-иному посмотреть на доктрину принципов гражданского процесса, как на основополагающее начало закрепленное и в нормах права, и в нормах судебного установления, объективировав принцип правовой определенности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Братусь С. Н. О предмете советского гражданского права // Сов. гос-во и право. 1940. № 1.
2. Гамбаров Ю.С. Гражданский процесс: курс лекций. М.: Городец. 2005.
3. Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Решения Конституционного Суда РФ в практике судов общей юрисдикции. М.: Проспект. 2013.
4. Малешин Д.Я. Гражданская процессуальная система России. М.: Статут. 2011.
5. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М.: Изд. бр. Башмаковых. 1910.
6. Юдельсон К.С. Проблемы доказывания в советском гражданском процессе. М.: Госюриздат. 1951.
11. Яблочков Т.М. Учебник русского гражданского судопроизводства. Ярославль: Книгоиз-во И.К. Гасанова. 1910.
12. Постановлении Высшего Арбитражного Суда РФ от 20.11.2012г. № 2013/12 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

BIBLIOGRAPHY

1. Bratus, S. N. On the subject of Soviet civil law // the Owl. the state and the right. 1940. No. 1.
2. Gambarov Y. C. Civil process: a course of lectures. M: Gorodets. 2005.
3. Egorova O. A., Bepalov Y. F. decisions of the constitutional Court of the Russian Federation in the practice of courts of General jurisdiction. M.: Prospekt. 2013.
4. Maleshin D. J. Civil procedure system of Russia. M: The Statute. 2011.
5. Shershekevitch, F. General theory of law. M.: Izd. br.Bashmakova. 1910.
6. Udelson K. S. Problems of proof in the Soviet civil procedure. M: Goursat. 1951.
11. Yablochkov T. M. textbook of the Russian civil proceedings. Yaroslavl: Knygos in I. K. Hasanov. 1910.
12. The resolution of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of 20.11.2012, no 2013/12 // Access legal reference system "consultant plus".

14 Егорова О.А., Беспалов Ю.Ф. Решения Конституционного Суда РФ в практике судов общей юрисдикции. М.: Проспект, 2013. С.88.

15 Там же.

Г.И. ДОРОЩЕНКО

**Экономические и правовые аспекты
вступления России в ВТО
(на примере банковского сектора)**

АННОТАЦИЯ. Автор рассматривает банковские аспекты последствий вступления России в ВТО, как экономических, так и правовых. Автор анализирует историю становления ВТО, а также нормативно-правовую базу РФ после вступления ВТО. Автор также рассматривает основные задачи ЕврАзЭС при вступлении РФ в ВТО и уделяет внимание проблеме создания в России Международного финансового центра.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. ВТО, ЕврАзЭС, таможенное дело, экономическая эффективность, Всемирная таможенная организация, взаимная торговля, импортозамещение, банки, банковский сектор, расчеты пластиковыми картами.

ДОРОЩЕНКО ГАЛИНА ИВАНОВНА – кандидат социологических наук, доцент кафедры «Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности и таможенного дела» Российского нового университета (dgi1960@inbox.ru).

G. I. DOROTSHENKO

**Economic and legal aspects
of Russia's accession to the WTO
(on the example of the banking sector)**

ANNOTATION. The author examines the banking aspects of the consequences of Russia's accession to the WTO, both economic and legal. The author analyzes the history of the formation of the WTO, as well as normative-legal base of the Russian Federation after joining the WTO. The author also discusses some of the major tasks of the EurAsEC at the accession of Russia into the WTO and pays attention to the challenge of building in Russia of an International financial centre.

KEYWORDS. WTO, EurAsEC, customs, economic efficiency, world customs organization, trade, import substitution, banks, banking, settlements plastikowymi cards.

DOROSHENKO GALINA IVANOVNA – candidate of sociological sciences, associate professor of the department of Legal regulation of foreign economic activity and customs" of the Russian new universitete (dgi1960@inbox.ru).

Правительство Российской Федерации подало заявление о присоединении к Генеральному соглашению по тарифам и торговле (ГАТТ-47) в июне 1993 года. 16-17 июня 1993 года на заседании Совета представителей ГАТТ была учреждена Рабочая группа для рассмотрения заявления Правительства Российской Федерации о присоединении к ГАТТ-47, поданной в соответствии со статьей XXXIII Генерального Соглашения. После всту-

пления в силу Соглашения ВТО 1 января 1995 года и в соответствии с решением, принятым Генеральным советом ВТО 31 января 1995 года, Рабочая группа по присоединению к ГАТТ-47 была преобразована в Рабочую группу по присоединению к ВТО в соответствии со статьей XII Марракешского соглашения об учреждении ВТО. Мандат и состав Рабочей группы представлены в документе WT/ACC/RUS/1/Rev.30.

16 декабря 2011 года в Женеве подписан Протокол¹ о присоединении к Марракешскому соглашению о создании Всемирной торговой организации от 15.04.1994.

22 августа 2012 г. Российская Федерация официально стала 156-м государством-участником ВТО. До этого дня РФ оставалась последней крупной мировой экономикой, не входящей в ВТО. Требования ВТО учтены в законах РФ о специальных защитных антидемпинговых и компенсационных мерах, о валютном, техническом регулировании, а также в законе «О государственном регулировании внешнеторговой деятельности РФ» и в Таможенном кодексе ТС. Российское законодательство сегодня практически соответствует всем требованиям Всемирной Торговой Организации.

Целью России являлось не вступление в ВТО любой ценой, а достижение путем переговоров наиболее выгодных условий, включающих:

- непосредственное участие в разработке норм, регулирующих международные торговые связи;
- исключение ущемления прав России в сфере международной торговли, обеспечение достаточной степени защищенности отечественных производителей в условиях разумно открытой экономики на основе применения норм и правил ВТО;
- обеспечение реального улучшения доступа на мировые рынки товаров и услуг, т.е. получение лучших и недискриминационных условий доступа для российских товаров и услуг на зарубежные рынки, особенно высокоэффективных видов изделий обрабатывающей промышленности;

– улучшение торгово-политического режима по сравнению с нынешней ситуацией с учетом баланса прав и обязательств нашей страны в ВТО, содействие развитию экспортных возможностей страны и «облагораживанию» структуры российского экспорта.

Россия присоединяется к Всемирной торговой организации только на выгодных ей (России) условиях. У России нет никаких стимулов экономического характера для вступления в ВТО. Мы имеем благоприятные условия для осуществления внешней торговли.

Участие России в ВТО оказывает серьезное влияние на государственную политику в сфере внешнеторговой/внешнеэкономической деятельности, прежде всего на национальное право. Вступление России в ВТО затрагивает различные сферы, в том числе:

- осуществление торговой политики;
- новые требования для осуществления операций по импорту;
- торговые аспекты прав интеллектуальной собственности;
- налоговую систему;
- банковский сектор;
- и др.

Серьезное воздействие на российское публичное и частное право в сфере внешнеэкономической, включая торговую, деятельности оказывает международное экономическое право в целом. Воздействие осуществляется через универсальные международные экономические организации (МВФ, Международный банк реконструкции и развития (МБРР), Международная финансовая корпорация (МФК) и др.) и торговые организации².

После вступления России в ВТО в банковском секторе произошли серьезные изме-

1 СЗ РФ, 10.09.2012, № 37, ст. 4986 (Протокол), СЗ РФ, 10.09.2012, № 37 (ч. 1) (прил. к Протоколу – начало), СЗ РФ, 10.09.2012, № 37 (ч. 2) (прил. к Протоколу – продолжение), СЗ РФ, 10.09.2012, № 37 (ч. 3) (прил. к Протоколу – продолжение), СЗ РФ, 10.09.2012, № 37 (ч. 4) (прил. к Протоколу – окончание).

2 Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию: монография / Г.К. Дмитриева, И.В. Ершова, А.В. Карташов и др.; под ред. Г.К. Дмитриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 192 с.

нения (с правовой и экономической точек зрения). Во-первых, важное значение имеет договоренность о запрете открытия филиалов иностранных банков на территории нашей страны. Во-вторых, одно из привилегированных условий вступления — это предел допустимости иностранного капитала в отечественном банковском секторе, который не должен превышать 50-процентного уровня³. 8 апреля 2013 года Минфин на официальном сайте опубликовал соответствующее уведомление о разработке поправок к ст. 18 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (с изм. и доп., вступающими в силу с 27.01.2013)⁴. В соответствии с ним 50-процентный размер суммарного уставного капитала зарубежных банков предлагается закрепить на законодательном уровне взамен отмененной в 2002 году 12-процентной квоты⁵. В-третьих, уже открытые и действующие на территории России филиалы иностранных кредитных организаций правомочны осуществлять свою деятельность, основываясь на российском праве, что следует из ст. 18⁶ вышеназванного Закона «О банках и банковской деятельности»⁷.

Со вступлением в ВТО российским банкам придется организовать свою работу в соответствии с принятыми мировыми нормами банковского законодательства, в частности с Соглашением «Базель», который дает определенные методические рекомендации для

ведения банковской деятельности. Однако уже на этой стадии прослеживаются проблемы. В первую очередь — сроки. Видится нецелесообразным внедрение стандартов «Базель III» в утвержденные сжатые сроки. Переход на новую систему должен быть планомерным и последовательным с учетом экономического положения, в первую очередь самих банков. Так, аналитики Альфа-Банка провели собственную оценку влияния внедрения стандартов «Базель III» на российский банковский сектор и экономику страны в целом и получили весьма неутешительные данные⁸. Кроме того, это приведет к снижению кредитного портфеля юридических лиц порядком на 3–5%, повышению ставок на 2–3 процентных пункта, а также снижению темпов роста ВВП на 1–2 процентных пункта. Более того, проводя аналогию с зарубежными странами, можно констатировать, что Россия существенно отстает от них по указанным показателям.

Ряд услуг, оказание которых связано с выполнением публичных обязательств государства перед населением, исключается из числа финансовых услуг, признаваемых ВТО⁹. К ним относятся, например, операции, осуществляемые центральными банками или любыми другими государственными учреждениями по проведению кредитно-денежной политики и политики в области валютного курса; проводимые центральными банками, правительственными органа-

3 Российская экономика и банковский сектор: что ожидать от вступления в ВТО // Сайт "Электронный банк". URL: <http://int-bank.ru/articles/457/>.

4 Собрание законодательства РФ, 05.02.1996, № 6, ст. 492, Начало действия редакции – 17.10.2014. Окончание действия редакции – 28.02.2015. Изменения, внесенные Федеральными законами от 04.10.2014 № 286-ФЗ, № 289-ФЗ, вступают в силу по истечении 10 дней после дня официального опубликования (опубликованы на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>).

5 Уведомление о подготовке проекта Федерального закона «О внесении изменений в ст. 18 Федерального закона «О банках и банковской деятельности» // Сайт Министерства финансов. URL: <http://www1.minfin.ru/ru/legislation/projorders/index.php?pg4=3>.

6 Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности».

7 ВТО поможет банковской системе // Сайт Интеллектуального агентства Bankir.Ru. URL: <http://bankir.ru/novosti/s/vto-pomojet-bankovskoi-sisteme-rossii-1079012/>.

8 Вардуль Н. Сколько стоит Базель 3? // Сайт Финансовой газеты. URL: <http://fingazeta.ru/markets/skolko-stoit-bazel-3-184596/>.

9 СЗ РФ. 1998. N 16. Ст. 1802.

ми, департаментами или государственными учреждениями за счет либо с гарантией правительства, за исключением случаев, когда эти операции могут быть выполнены поставщиками финансовых услуг, на основе конкуренции с подобными государственными учреждениями; составляющие часть установленной законом системы социального страхования или пенсионного обеспечения, за исключением случаев, когда подобные операции могут выполняться поставщиком финансовых услуг на основе конкуренции с государственными органами либо частными учреждениями¹⁰.

Развитие внешнеэкономического оборота с участием российских предпринимателей объективно обуславливает осуществление международных расчетов, что, в свою очередь, порождает потребность в доступе к иностранной валюте, совершению с ней сделок. Вступление России во Всемирную торговую организацию обусловило снятие ряда ограничений на обращение иностранной валюты внутри России. Так, например, было отменено правило об обязательной продаже части вырученной иностранной валюты государству. Дальнейшее развитие экономических связей между российскими субъектами предпринимательской деятельности и предпринимателями за рубежом приведет к более активному товарообмену, как следствие увеличится экономически обусловленная предпринимательская потребность в доступе к иностранным валютам и совершению с ними сделок в процессе их обращения, более интенсивному их (валют) использованию, что повлечет необходимость

дальнейшей либерализации нормативных правовых норм и правил оборота иностранной валюты¹¹.

В экономическом обороте деньги традиционно служат всеобщим орудием обмена. Деньги можно «обменять» на любое материальное или нематериальное благо, которое правообладатель данного блага готов за деньги предоставить. Л.А. Лунц писал: «Функция всеобщего орудия обмена сообщается деньгам в силу доверия к ним участников гражданского оборота, в силу уверенности каждого из них, что данный денежный знак будет охотно принят в обмен на товар другим лицом, что этот знак дает фактическую возможность свободного выбора хозяйственных благ»¹². Как справедливо указывал Л.А. Лунц, именно гражданский оборот создает орудие обмена. Государство же придает тому или иному орудию обмена силу законного платежного средства¹³.

Весьма важное значение имеют вопросы экономической безопасности в банковском секторе, особенно при вступлении России в ВТО. Концепция безопасности банка представляет собой научно-обоснованную систему взглядов на определение основных направлений, условий и порядка практического решения задач защиты банка от противоправных действий и недобросовестной конкуренции. Под безопасностью банка понимается состояние защищенности интересов владельцев, руководства и клиентов банка, материальных ценностей и информационных ресурсов от внутренних и внешних угроз¹⁴. Большое значение приобретают расчеты банковскими (пластиковыми) картами. Поле деятельности

10 Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию: монография / Г.К. Дмитриева, И.В. Ершова, А.В. Карташов и др.; под ред. Г.К. Дмитриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 192 с.

11 Актуальные проблемы частного права: Сборник статей к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова: Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г. (отв. ред. Б.М. Гонгалло, В.С. Ем) («Статут», 2014).

12 Лунц Л.А. Деньги и денежные обязательства в гражданском праве. М.: Статут, 1999. С. 27.

13 Там же. С. 28.

14 Д.Г. Коровяковский. Правовые основы, способы и методы обеспечения экономической безопасности банковской деятельности в современных условиях // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2009. № 3. С. 43-52.

российских банков в данной сфере расширилось. Европейские страны накопили уже немалый положительный опыт правового регулирования операций с использованием банковских карт, что на практике приносит ощутимые плоды. Доля безналичных платежей граждан этих стран, в том числе с использованием банковских карт, значительно превышает наличные расчеты. Этот опыт следовало бы принять во внимание российским законодателям при разработке нормативной базы в сфере использования банковских карт, которая, несмотря на насущную потребность в ней, так до сих пор не создана¹⁵.

В России имеются условия для существенного сдерживания развития расчетов пластиковыми картами, а именно:

— низкий уровень доходов населения в целом по стране, низкий уровень легальных доходов населения;

— недоверие населения к банкам во многом из-за отсутствия государственных законодательно-правовых гарантий сохранности банковских вкладов и высокий спрос на иностранные валюты, между чем, бесспорно, существует взаимосвязь;

— различие в технологических платформах российских платежных систем препятствует формированию единой инфраструктуры обслуживания карт данных систем;

— низкая степень развитости инфраструктуры обслуживания пластиковых карт в целом, а также отсутствие культуры пользования пластиковыми картами среди большинства населения¹⁶.

Вступление России в ВТО должно повысить культуру использования пластиковых (банковских) карт по всей территории стра-

ны, а также повысить процент использования банковских карт при расчетах с населением. Кроме того, ожидается значительный рост особого банковского обслуживания, которое принято называть Private Banking¹⁷.

К преимуществам вступления России в ВТО можно отнести:

— получение более благоприятных условий доступа на мировые рынки товаров и услуг на основе предсказуемости и стабильности развития торговых отношений со странами-членами ВТО, включая транспарентность их внешнеэкономической политики, в т.ч. в банковском секторе;

— устранение дискриминации в торговле путем доступа к механизму ВТО по разрешению споров, обеспечивающему защиту национальных интересов в случае, если они ущемляются партнерами;

— возможность реализации своих текущих и стратегических торгово-экономических интересов путем эффективного участия и использования банковских карт при расчетах с населением;

— проблематику создания в России международного финансового центра¹⁸.

Авторитетные мнения о последствиях вступления России в ВТО противоречивы по содержанию и количественным прогнозам — от умеренного экономического роста до ощутимого спада¹⁹. Защитники вступления России в ВТО полагают, что без участия в этой организации она не сможет продолжить экономические реформы и на равных участвовать в международной торговле, получая связанные с этим выгоды. Их оппоненты считают, что членство в этой организации нанесет непоправимый ущерб

15 Д.Г. Коровяковский. Правовое регулирование операций с пластиковыми (банковскими) картами в России и за рубежом // Финансы и кредит. 2007. № 45. С. 45-50.

16 Д.Г. Коровяковский. Юридическая природа пластиковых (банковски) карт // Финансы и кредит. 2007. № 33. С. 77-84.

17 Д.Г. Коровяковский. Развитие Private Banking в России в условиях финансового кризиса // Финансы и кредит. 2009. № 4. С. 9-18.

18 Коровяковский Д.Г., Понаморенко В.Е. О совершенствовании таможенного администрирования как предпосылке формирования международного финансового центра в России // Таможенное дело. 2013. N 1. С. 5-7.

19 Информационный сайт "Россия и Всемирная торговая организация". URL: www.wto.ru.

целым отраслям промышленности и лишит Правительство РФ возможности принятия нужных экономических решений.

В банковском секторе также возникают особые возможности теоретических основ исследования финансовой деятельности государства в науке финансового права²⁰ при присоединении России к ВТО.

Мы наблюдаем у России свои особенности присоединения к ВТО:

- самое длинное присоединение – 18 лет;
- самое большое количество стран, участвующих в переговорах по присоединению, – 89 стран из 153;
- максимальное количество обязательств – 164;

- самый длинный доклад Рабочей группы – почти 800 страниц текста;
- самое политизированное присоединение;

– максимальное число ВТО-минусов.

Наиболее радикальные противники вступления России в ВТО предрекают катастрофические последствия – развал промышленности и массовую безработицу. Этому сценарию соответствует масштабное для рыночной конъюнктуры падение доходов потребителей, которое порождает сжатие спроса ниже, чем его уровень, предшествующий вступлению в ВТО при повышенных таможенных тарифах и, следовательно, более дорогих товарах²¹.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Актуальные проблемы частного права: сборник статей к юбилею Павла Владимировича Крашенинникова. Москва – Екатеринбург, 21 июня 2014 г.» (отв. ред. Б.М. Гонгало, В.С. Ем) («Статут», 2014).
2. Капитоненко В.В., Деева Е.А. Присоединение России к Всемирной торговой организации и оптимизация национальной экономики с учетом новых требований // Вестник Российской таможенной академии. 2013. № 3. С. 40 – 47.
3. Информационный сайт "Россия и Всемирная торговая организация". URL: www.wto.ru.
4. Коровяковский Д.Г., Понаморенко В.Е. О совершенствовании таможенного администрирования как предпосылке формирования международного финансового центра в России // Таможенное дело. 2013. № 1. С. 5 – 7.
5. Правовое регулирование внешнеэкономической деятельности в условиях вступления Российской Федерации во Всемирную торговую организацию: монография / Г.К. Дмитриева, И.В. Ершова, А.В. Карташов и др.; под ред. Г.К. Дмитриевой. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 192 с.

BIBLIOGRAPHY

1. "Actual problems of private law: The collection of articles to Pavel Vladimirovich Krasheninnikov's anniversary: Moscow – Yekaterinburg, on June 21, 2014" (отв. edition of B. M. Gongalo, V. S. Em) ("Statute", 2014).
2. Kapitonenko V. V., Deyev E.A. Russia's accession to the World Trade Organization and optimization of national economy taking into account new requirements//the Bulletin of the Russian customs academy. 2013. No. 3. Page 40 – 47.
3. Information site "Russia and World Trade Organization". URL: www.wto.ru.
4. Korovyakovsky D. G., Ponamorenko V. E. About improvement of customs administration as to the prerequisite of formation of the international financial center in Russia//Customs affairs. 2013. No. 1. Page 5 – 7.
5. Legal regulation of foreign economic activity in the conditions of the entry of the Russian Federation into the World Trade Organization: monograph / G. K. Dmitriyeva, I.V. Yershov, A.V. Kartashov, etc.; under the editorship of G. K. Dmitriyeva. M.: Norm, Infra-M, 2013. 192 pages.

²⁰ Шагиева Р.В. Теоретические основы исследования финансовой деятельности в науке финансового права // Административное и муниципальное право. 2014. № 6. С. 375-383.

²¹ Капитоненко В.В., Деева Е.А. Присоединение России к Всемирной торговой организации и оптимизация национальной экономики с учетом новых требований // Вестник Российской таможенной академии. 2013. N 3. С. 40 – 47.

Т. Э. КАЛЛАГОВ

К вопросу о совершении правонарушений в сфере государственной гражданской и муниципальной службы

АННОТАЦИЯ. В статье анализируются проблемы причин совершения правонарушений в сфере государственной гражданской и муниципальной службы. По мнению автора, нарушение порядка службы, установленного законом, помимо причинения материального ущерба, способствует дезорганизации или ослаблению управления, порождает социальную энтропию, подрывает у граждан уверенность в защищенности своих прав и законных интересов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: государственное управление, местное самоуправление, государственный гражданский служащий, административная реформа, муниципальная власть, режим государственной службы, права человека.

КАЛЛАГОВ ТАЙМУРАЗ ЭЛЬБРУСОВИЧ – кандидат юридических наук, доцент Горского государственного аграрного университета.

T. E. KALLAGOV

To the question of committing offences in the sphere of civil and municipal service

ANNOTATION. The article analyzes the problems of the reasons of committing offences in the sphere of civil and municipal service. According to the author violation of the order of service, set by law, in addition to damage contributes to the disruption or weakening control, generates social entropy, undermines citizens' confidence in the protection of their rights and legitimate interests.

KEYWORDS: public administration, local governance, civil servant, administrative reform, municipal authorities, public services, human rights.

KALLAGOV TAYMURAZ – candidate of jurisprudence, associate professor of Gorsky state agrarian University.

К государственным и муниципальным служащим предъявляются особые квалификационные требования. Нарушение ими порядка службы, установленного законом, помимо причинения материального ущерба, способствует дезорганизации или ослаблению управления, порождает социальную энтропию, снижает авторитет государственных и муниципальных органов, дискредитирует власть в целом, подрывает у граждан уверенность в защищенности своих прав и законных интересов. Число лиц, совершивших преступления, предусмотренные норма-

ми главы 30 УК РФ, фиксируется статистически и составляет около 15 тыс. в год.

Соотношение состояния должностной преступности «по фактам» и «по лицам» в основном соответствует закономерностям, характерным для всего массива регистрируемых уголовно наказуемых деяний. Число лиц, совершивших по службе административные, дисциплинарные и другие правонарушения непроступного характера, в статистике не отражается. Можно, однако, предположить, что разрыв между количеством зарегистрированных правонарушений и чис-

лом выявленных лиц, их совершивших, здесь значительно меньше, чем применительно к должностной преступности, а может быть, и вовсе отсутствует.

Нарушения законодательства о государственной гражданской и муниципальной службе представляют собой широкий круг деяний, совершаемых в основном лицами, состоящими на государственной гражданской и муниципальной службе, и непосредственно посягающих на нормальную, регламентированную законом деятельность публичного аппарата управления. Наиболее опасны из них нарушения уголовно-правовых запретов — преступления против государственной власти, интересов государственной (в том числе гражданской) службы и службы в органах местного самоуправления (глава 30 УК РФ).

За последнее время в России ежегодно регистрируется около 40 тыс. преступлений против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления, например, в 2012 г. — 40437, что составляет около одного процента всей учтенной преступности. В 2011 г. их было зарегистрировано 25,2 тыс., в 2010 — 26,4 тыс. Намечившаяся тенденция роста регистрации этих преступлений (с небольшими отклонениями в отдельные периоды) должна рассматриваться как положительное явление, связанное с активизацией работы по их выявлению и, соответственно, с уменьшением весьма значительного латентного слоя.

Структура рассматриваемых преступлений определяется прежде всего путем выделения их отдельных видов в разрезе статей главы 30 УК РФ. В массиве этих преступлений около 1/3 составляют служебные подлоги, 15–17% — получение взятки, 17–20% — превышение должностных полномочий, 15–18% — злоупотребление должностными полномочиями, 10–12% — дача взятки. Доли остальных преступлений колеблются в пределах от 0,01 до 3% (преступлений по

ст. 287 УК РФ обычно не регистрируется ни одного). Обращает на себя внимание незначительное число таких преступлений, как незаконное участие в предпринимательской деятельности: ежегодно их регистрируется в пределах четырех-пяти десятков, что, конечно, не соответствует фактической распространенности этих деяний.

Более значительный, чем преступления, массив нарушений законодательства о государственной гражданской и муниципальной службе составляют деяния некриминального характера, влекущие иную, помимо уголовной, ответственность: дисциплинарную, административную и др. Их выявляется намного больше, чем уголовно наказуемых деяний, предусмотренных главой 30 УК РФ. Так, в 2013 г. органами прокуратуры выявлено 114 321 нарушение законов о государственной (в основном о государственной гражданской) и муниципальной службе, в том числе 20 467 незаконных правовых актов. Это больше, чем число выявленных в 2012 г. нарушений законов о государственной, муниципальной службе и борьбе с коррупцией (подвиды указанных нарушений ранее учитывались одной строкой). Для сравнения можно указать, что в начале 2000-х годов нарушений законов о государственной, муниципальной службе и борьбе с коррупцией выявлялось намного меньше: 4,4 тыс. в 2000 г., 8,3 тыс. в 2001 г., 8,2 тыс. в 2002 г., 12,9 тыс. в 2003 г.

По данным выборочного исследования, 38% лиц, совершивших нарушения законодательства о государственной гражданской службе, занимали государственные должности РФ, 29% — государственные должности субъектов РФ, 4% были представителями нанимателя, остальные занимали иные должности. В 9,6% случаев нарушение допущено коллегиальным органом.

Причинный комплекс нарушений законодательства о государственной гражданской и муниципальной службе включает множество разнообразных факторов, различающихся по

природе возникновения, характеру, содержанию, механизму действия и другим основаниям. Совершение любого правонарушения — результат взаимодействия негативных свойств личности и объективных обстоятельств. Центральным звеном в причинной цепочке противоправного поведения выступает мотивация (внутреннее побуждение). В целом для лиц, совершающих рассматриваемые правонарушения, характерен широкий спектр дефектов нравственно-правовой психологии, играющих роль субъективных (непосредственных) причин и условий их противоправных деяний. При этом субъективные детерминанты противоправного поведения могут иметь значительные качественные и количественные различия, простираясь, например, от развитой и стойкой корыстной ориентации (установки) злостного взяточполучателя, занимающего ответственный пост и превратившего место службы в непрерывно действующую «кормушку», до банального разгильдяйства и небрежности в исполнении служебных обязанностей, допущенных рядовым сотрудником кадрового аппарата, не удосужившимся правильно оформить личное дело служащего.

Нарушениям законов о государственной гражданской и муниципальной службе в значительной мере способствуют некомпетентность служащих, пробелы в их профессиональной подготовке, отсутствие необходимого опыта работы, недостаток управленческих и юридических знаний. Нарушения законодательства о государственной гражданской и муниципальной службе причинны и иным образом связаны также с разнообразными объективными (внешними) условиями, главным образом организационно-управленческого характера. Изученные материалы о нарушениях законодательства о государственной гражданской и муниципальной службе не дают полного представления об их причинах и условиях (вопрос этот сложный и требует специального исследования), и тем не менее они содержат некоторые сведения,

характеризующие причинный комплекс данных нарушений.

Среди обстоятельств, детерминирующих нарушения, в заполненных вопросниках отмечены корыстные устремления самого нарушителя или других лиц: в 8,1% случаев по материалам, относящимся к государственной гражданской службе, и в 9,3% — применительно к муниципальной службе. Оценивая эти данные, следует иметь в виду, что в целом выявление корыстной мотивации не так просто, поскольку она обычно тщательно маскируется и скрывается. Установление корысти в действии виновного — скорее задача расследования преступлений, нежели прокурорских проверок. Неслучайно, конечно, применительно к криминальному компоненту рассматриваемых правонарушений — должностным преступлениям — наличие корысти констатируется несравненно чаще: по данным криминологических исследований, 2/3 этих преступлений совершаются из корыстных побуждений. Помимо корысти умышленные нарушения законов о государственной гражданской и муниципальной службе могут совершаться из иной личной заинтересованности (защита узковедомственных, местнических интересов, стремление приукрасить результаты служебной деятельности и др.).

Определенная часть нарушений имеет своим аналогом уголовно наказуемую халатность — совершается лицами, демонстрирующими безответственность, недобросовестное или небрежное отношение к службе, т.е. действующими по неосторожности. Среди объективных (внешних) обстоятельств, способствующих изученным нарушениям, чаще всего фиксируется слабый контроль за действиями служащего: в 61,9% случаев по материалам, относящимся к государственной гражданской службе, и в 52,3% — применительно к муниципальной службе. Это могут быть общеобязательные веления, выраженные в нормах-принципах, нормах-дефинициях и нормах-правилах, в нормах

материальных и процессуальных, в нормах управомочивающих, обязывающих и запрещающих и др.

Реализация совокупности этих норм, претворение их в жизнь обеспечивают функционирование государственной и муниципальной службы в режиме законности, обоснованно рассматриваемой в качестве предмета прокурорского надзора, который «с одной стороны характеризует содержательную специфику действий прокурора, их привязку к достижению определенных целей, решению конкретных задач, и с другой — тот конечный результат, на достижение которого направлена деятельность прокурора».

Наиболее последовательно специфику надзорных действий прокурора, конечный результат раскрывает правовая категория законности — действий и актов указанных в законе органов, организаций и лиц, на которые распространяется надзорная компетенция органов прокуратуры».

Реализация законов в сфере государственной гражданской и муниципальной службы происходит в виде действий или бездействия не только гражданских и муниципальных служащих, но и других лиц (органов), а также

путем принятия правовых актов, соответствие которых закону — важная составляющая предмета прокурорского надзора. При этом имеются в виду как акты индивидуального (разового) значения и действия, так и нормативные правовые акты.

Специфика предмета того или иного направления надзора определяется характером (содержанием) реализуемых в данной сфере законов (и, соответственно, их нарушений), а также субъектным составом правоприменителей (и, соответственно, нарушителей закона). В сфере государственной гражданской и муниципальной службы реализуется множество самых разнообразных законов: экономических, социальных и др.; государственные гражданские и муниципальные служащие своими действиями (бездействием), издаваемыми правовыми актами, могут нарушать бюджетное, природоохранное, земельное, антимонопольное и иное законодательство. Но в предмет рассматриваемого направления надзора включаются лишь исполнение, соблюдение и другие формы реализации законов, относящихся к соответствующему предмету правового регулирования.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Грудцына Л.Ю. Гражданское общество и частное право // Международный академический журнал Российской академии естественных наук. 2013. № 4.
2. Грудцына Л.Ю. Частная собственность и гражданское общество в России // Государство и право. 2008. № 6.
3. Соловьев С.Г. Муниципальная должность. Проблемные вопросы теории и практики // Современное право. 2004. № 2.

BIBLIOGRAPHY

1. Grudtsyna LY Civil society and the private law // International academic journal of the Russian Academy of Natural Sciences. 2013. № 4. Grudtsyna LY Private property and civil society in Russia // State and Law. 2008. № 6. Pp.
2. Solovyov SG Municipal office. Problematic issues of theory and practice // Modern law. 2004. № 2.

И. М. РАССОЛОВ

Электронная торговля и электронные платежи в свете нового российского законодательства

АННОТАЦИЯ. На основе действующего гражданского и информационного законодательства в статье представлен авторский подход к проблеме электронной торговли и дистанционной купли-продажи. Рассматриваются правовые проблемы электронных платежей как сопутствующих компонентов электронной торговли в свете нового Федерального закона «О национальной платежной системе».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: договор купли-продажи; информация; покупатель; продавец; защита прав потребителя; реклама; дистанционная купля-продажа; электронная торговля.

РАССОЛОВ ИЛЬЯ МИХАЙЛОВИЧ – заведующий кафедрой информационного, предпринимательского и торгового права Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, доктор юридических наук (ilyarassolov@mail.ru).

I.M. RASSOLOV

Electronic Commerce and electronic payments in the light of the new Russian legislation

ANNOTATION. On the basis of current civil and information legislation the article presents the author's approach to the problem of e-Commerce and remote sales. Discusses the legal issues of electronic payments as related to electronic Commerce in light of the new Federal law "On national payment system".

KEYWORDS: contract of sale; information; buyer; seller; consumer protection; advertising; remote sale; electronic Commerce.

RASSOLOV I.M. – head of the department of Information, business and commercial law of the Russian economic university after GV Plekhanov, professor at Moscow state law university O.E. Kutafin, doctor of jurisprudence (ilyarassolov@mail.ru).

Несмотря на существенное замедление темпов роста российской экономики, рынок электронной торговли демонстрирует позитивную динамику. Так, по прогнозам экспертов, к концу 2014 году он вырастет на 15 процентов и составит 10,9 триллионов рублей. К причинам данного роста можно отнести расширение возможностей совершения покупок в Сети, а также повышение доверия россиян к покупкам в Интернете.

На сегодняшний день торговля, постоянно изменяясь и обновляясь, представляет собой наиболее динамичную отрасль экономики. Она по своей сути призвана спо-

собствовать удовлетворению повседневных запросов потребителей и производителей товаров и услуг. От того, насколько полно обеспечиваются разнообразные потребности людей в материальных и духовных благах, судят о качестве жизни граждан в той или иной стране. Речь идет, в частности, не только о размере потребительской корзины, но и об уровне продовольственной, экологической, информационной безопасности, а также других условиях, которые гарантируют лицу чувство уверенности и защищенности на рынке (например, в возможности получения информации о потребительских свойствах

товаров, возможностях качественного лечения и т.д.). Современное постиндустриальное общество характеризуется поворотом экономики к решению задач, связанных с ростом качества потребления. Полнее удовлетворять потребности людей в самых разнообразных товарах и услугах позволят диверсификация производства, появление крупных сетевых корпораций, новых торговых площадок разных форм собственности и прочее.

Однако в мире не только расширяются экономические возможности удовлетворения потребностей людей, но и изменяются масштабы потребления современного общества. Они увеличиваются прежде всего под влиянием информационных технологий и технического прогресса, зависят от появления новых видов сырья, материалов, изделий.

Следует обратить внимание на тот факт, что меняют свое лицо как сфера потребления и торговли, так и покупатель. Теперь он может действовать в режиме удаленного доступа от местонахождения продавца, заказывать товары через каталоги, буклеты и электронную почту и т.д. Покупатель основанно предъявляет все более высокие требования к обслуживанию, справедливо считая, что торговые организации должны быть службой доброго настроения, а каждая покупка — небольшим праздником. Существенное значение играет реклама товаров и услуг по телевидению и в Интернете. Оптовая торговля расширяет возможности материального стимулирования труда, содействует росту его производительности, способствует появлению новых рабочих мест, помогает продавцам и покупателям более рационально использовать свободное время.

Меняет свое содержание и понятие «торговля», постепенно приобретая более широкое значение. Под правовое регулирование сферы обращения товаров и услуг во многих странах помимо чисто торговой деятельности подпа-

дает также область доставки товаров, транспорт и страхование¹. Отличие современной экономики не только в размерах, масштабах производства и услуг. Сегодня на первый план выдвигаются именно качественные факторы, в частности качество, ассортимент, эстетические требования к выпускаемым товарам, дополнительные (сопутствующие) услуги по продвижению товаров. Таким образом, современная торговля предлагает не просто сам товар, а целый комплекс услуг и удобств покупателям, связанных с его приобретением.

Понятие электронной торговли может быть рассмотрено двояко: как подсистема внутренней торговли и как вид особой торговой деятельности. Как подсистема электронная торговля — это совокупность коммерческих организаций, для которых оптовые и розничные операции по купле-продаже товаров в электронной форме являются основным и профессиональным видом электронной экономической деятельности. В этом смысле электронная торговля осуществляет двоякого рода функции: организующие (организация самой торговой деятельности, формирование товарных потоков и продвижение товаров из сферы производства в сферу потребления, хранение товарных запасов) и интегрирующие (установление региональных и межрегиональных договорных связей по поставкам товаров, обеспечение единого экономического пространства, сбалансированности производства и потребления). Исследуемая подсистема обеспечивает сбалансированность производства и потребления, стабильную работу промышленности и удовлетворение запросов конечных потребителей. С точки зрения коммерческого права, электронная торговля как вид деятельности — это многофункциональная профессиональная деятельность по формированию товарных потоков, расширению и освоению новых

1 Фролова Н.К. Правовое регулирование оптовой торговли. Автореферат дисс. доктора юридических наук. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 48 с.

рынков сбыта, установлению международных, региональных договорных связей по поставкам, накоплению товарных запасов и т. д. Она связана с деятельностью специализированных организаций, осуществляющих закупку и реализацию партий товаров для обеспечения ими потребителей, а также оказанием клиентам иных сопутствующих услуг (подсортировка, расфасовка, упаковка товаров, комплектование партий и др.). Основным классифицирующим признаком такой деятельности выступает субъектный признак, то есть электронная торговля, осуществляется особыми субъектами предпринимательства на постоянной, профессиональной основе, для которого такая деятельность является основной.

Сегодня можно выделить трехуровневую модель построения оптового звена торговли, состоящую из федерального, регионального (областного) и муниципального уровня. Однако в связи с вхождением нашей страны в глобальные интеграционные структуры, в частности в ВТО, можно смело ставить вопрос о становлении и четвертого уровня оптовой торговли, а именно междууровневого.

Конечно, наиболее развостраненной формой электронной торговли выступает дистанционная купля-продажа. Поэтому остановимся на ней более подробно.

Продажа товаров дистанционным способом — это продажа товаров по договору розничной купли-продажи, заключаемому на основании ознакомления покупателя с предложенным продавцом описанием товара, содержащимся в каталогах, проспектах, буклетах либо представленным на фотоснимках или посредством средств связи, или иными способами, исключающими возможность непосредственного ознакомления покупателя с товаром либо образцом товара при заключении такого договора (выделено автором). Такое определение этому понятию дают Правила продажи товаров дистанционным

способом, утвержденные Постановлением Правительства РФ № 612 от 27 сентября 2007 г.² (далее — Правила).

Правила регулируют отношения между покупателем и продавцом при продаже товаров дистанционным способом, устанавливают порядок продажи товаров дистанционным способом, а также регламентируют механизм оказания услуг, связанных с такой продажей.

В первую очередь следует обратить внимание на субъекты торговой деятельности, участвующих в этом процессе. Среди них выделим:

1) покупателей — граждан, имеющих намерение заказать или приобрести товары для личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности;

2) продавцов — организаций независимо от организационно-правовой формы, а также индивидуальных предпринимателей, осуществляющих продажу товаров дистанционным способом;

3) торговых посредников — лиц, которые в силу задач товарного обращения призваны согласовывать интересы и действия других участников этого процесса согласно принципам разделения труда в сфере товарообращения (торговые сети, индивидуальные предприниматели и др.). Посредники находятся в самом центре товародвижения, оказывают сторонам целый ряд услуг, связанных с осуществлением продаж (например, закупку товаров у изготовителей и продажу их покупателям, преобразование промышленного ассортимента в торговый, складирование, хранение товаров, иная логистическая организация товародвижения). Таким образом, в качестве предмета посредничества, по мнению Б.И. Пугинского, выступает не столько товар, сколько услуги, оказываемые в процессе товарного обмена. Поэтому продуктом товарно-посреднической деятельности является создаваемая дополнительная полезность

2 СЗ РФ. 2007. №41. Ст. 4894.

благ, которая изначально не содержится в товаре³.

В целях предпринятого анализа нужно обратиться и к другим точкам зрения на природу посредничества и торговли. Следует отметить, что в экономической науке не принято относить целиком торговлю к отраслям материального производства. Считается, что выполнение торговыми организациями отдельных операций производственного характера не дает еще основания считать, что производственная деятельность является для них основной. В советский период считалось, что, с точки зрения эффективности, операции производственного характера (например, расфасовку товаров, их упаковку и т. п.) целесообразно осуществлять именно в промышленной сфере. Главное, основное назначение сферы товарного обращения — это реализация товаров. И если розничная торговля выполняет некоторые производственные операции, которые не свойственны самой природе торговли как сферы обращения, то это лишь свидетельствует о незавершенности общественного разделения труда между сферой производства и сферой обращения⁴. Нам представляется более точной сегодня позиция Б.И. Пугинского.

Итак, посредник в сфере Интернет-торговли — это лицо, которое от имени другого лица отправляет, получает или хранит потенциально ценную информацию, способствует заключению (исполнению) сетевого договора⁵, а также оказывает другие сопутствующие услуги (например, способствует электронному обмену данными (ЭДИ), переписке по электронной почте, делает рекламу товара и др.).

Интернет-магазин, осуществляющий продажу товаров дистанционным способом, обязан предоставить покупателям каталоги, буклеты, проспекты, фотографии или другие информационные материалы, содержащие полную, достоверную и доступную информацию, характеризующую предлагаемый товар. Обязательства продавца по передаче товара дистанционным способом и иные обязательства, связанные с передачей этого товара, возникают с момента получения продавцом товара сообщения покупателем о намерении заключить договор. Не допускается передача потребителю товаров, не соответствующих предварительной договоренности, если такая передача сопровождается требованием об оплате товаров.

Договор дистанционной купли-продажи считается заключенным с момента выдачи продавцом покупателю электронного документа, подтверждающего оплату товара, или с момента получения продавцом электронного сообщения о намерении покупателя приобрести товар. По общему правилу продавец обязан передать товар покупателю в порядке и сроки, которые установлены в договоре.

В том случае, если договор заключен с условием о доставке товара покупателю, продавец обязан в установленный договором срок доставить товар в место, указанное покупателем, а если место доставки товара покупателем не указано, то это его место жительства. Для доставки товаров в место, указанное покупателем, продавец может использовать услуги третьих лиц (с обязательным информированием об этом покупателя). Это как раз торговые посредники или специаль-

3 Пугинский Б. И. Проблема регулирования торгового посредничества // Коммерческое право. 2008. № 2(3). С. 6–10.

4 Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма, М., 1965. 402 с.; Вопросы развития экономики торговли СССР, М., 1965. 216 с.

5 Сетевой договор как категория был введена нами в доктрину современного права в 2003 году. Под сетевым договором понимается зафиксированное на материальном носителе правовое соглашение лиц, обладающее необходимыми реквизитами и заключаемое при помощи информационно-телекоммуникационных сетей международного информационного обмена. Это также особое обязательство, определяющее права и субъективные обязанности договорных контрагентов в сфере электронного документооборота (торгового оборота). См. подробнее об этом: Рассолов И.М. Правовые проблемы электронной торговли: цивилистическое исследование. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. С. 76-77.

ные структурные подразделения компаний, осуществляющих электронную торговлю. Как правило, крупные интернет-компании имеют свои собственные службы доставки. Небольшие интернет-магазины заключают договоры с другими организациями о доставке приобретенных товаров.

В том случае, если оплата «мягкого» товара⁶ осуществляется с помощью кредитной карточки или с помощью электронного денежного перевода средств, то это действие покупателя следует рассматривать как акцепт в форме совершения конклюдентных действий. Сетевой договор будет считаться заключенным с этого момента.

Иная ситуация возникает при оформлении заказа на сайте интернет-магазина, когда покупатель сразу не оплачивает покупку. Тогда оплата осуществляется наличными в момент доставки курьером. В данном случае, оформляя бланк заказа в электронной форме, покупатель совершает акцепт в виде оплаты товара, а иными действиями (а именно: действиями, необходимыми для получения товара), что вытекает из п. 3 статьи 438 ГК РФ. Когда курьерская служба доставляет товар, покупатель оплачивает его и получает кассовый и товарный чек. С этого момента договор дистанционной купли-продажи считается исполненным надлежащим образом.

Если в договоре срок доставки товара не определен и отсутствуют возможности определить этот срок, товар должен быть передан продавцом в разумный срок. Обязательство, не исполненное в разумный срок, продавец должен выполнить в 7-дневный срок со дня предъявления покупателем требования о его исполнении.

На наш взгляд, исследуемый договор заключается в электронном виде, а исполняется в момент вручения товара покупателем,

что вытекает из положения ст. 499 ГК РФ. Следовательно, подобные сделки также можно признать частично заключаемыми в электронной форме, а действия покупателя в этом случае следует квалифицировать как акцепт, совершенный через Интернет с помощью иных действий, необходимых для выполнения условий договора, указанных в публичной оферте. К подобным сделкам применимы те же основания недействительности, что и для обычных сделок. Это имеет отношение, например, в случае совершения мнимой или притворной сделки; совершения сделки, заведенной противной основам правопорядка или нравственности; совершения сделки под влиянием заблуждения и др.

Анализ показал, что наиболее важными проблемами являются правовые проблемы электронных платежных средств как основных сопутствующих средств электронной торговли. Электронные платежи сопровождают торговую деятельность практически на каждом этапе. Выделим ключевые вопросы, касающиеся моментальных платежей и электронных денежных средств, вытекающие из нового Федерального закона от 27 июня 2011 года №161-ФЗ «О национальной платежной системе»⁷, который за исключением отдельных положений начал действовать с 29 сентября 2011 года.

Во-первых, происходит расширение понятийного аппарата права. Наблюдается процесс последовательного закрепления в нормативных правовых актах новых понятий. Это касается таких категорий, как: «электронный документ», «электронные денежные средства», «информационная продукция», «оборот информационной продукции», «классификация информационной продукции», «информационная услуга», «информационная безопасность детей», «информация порнографического характера». Однако многие

6 Мягкий товар – это индивидуально определенный товар, обладающий свойствами информационного продукта и представляемый потребителю в электронной форме по каналам электросвязи. См. подробнее об этом: Рассолов И.М. . Информационное право. М: Норма, 2011. С. 36-37.

7 СЗ РФ. 2011. №27. Ст. 3872.

понятия еще пока не находят своего закрепления в современном российском законодательстве (например, это касается таких категорий, как «электронная торговля», «доменное имя», «сетевой договор» и т.д.).

Во-вторых, появляются новые субъекты информационного права, а именно — разнообразные посредники, которых смело можно разделить на два вида: традиционные информационные посредники и торговые информационные посредники. Среди них можно выделить оператора платежной системы, то есть организацию, определяющую правила платежной системы, а также выполняющую иные обязанности, предусмотренные Федеральным законом «О национальной платежной системе». Сюда же можно отнести и оператора услуг платежной инфраструктуры, который представляет собой операционный центр, платежный клиринговый центр или расчетный центр и осуществляет также информационные посреднические функции на профессиональной основе (ст. 3 Закона).

В целях дальнейшего исследования следует уточнить основные новеллы Федерального закона №161. Так, впервые в российском законодательстве дано детальное определение понятию электронные денежные средства. Это денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа. При этом не являются электронными денежными средствами денежные средства, полученные организациями, осуществляющими профессиональную деятельность на рынке ценных бумаг, клиринговую деятельность и (или) деятельность

по управлению инвестиционными фондами, паевыми инвестиционными фондами и негосударственными пенсионными фондами и осуществляющими учет информации о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета в соответствии с законодательством, регулирующим деятельность указанных организаций (ст. 3 Закона).

Данные денежные средства передаются не в рост и не для сохранения и исключительно для последующей оплаты каких-либо нужд клиента. Начисление процентов на остаток, выплата любых вознаграждения лицу и его кредиторам оператором запрещены. Денежное обслуживание клиента перед получателем может быть как договорным, так и договорным (например, оплата в терминале административного штрафа). Распоряжения в отношении электронных денежных средств выдаются исключительно с использованием информационных технологий передачи данных. Согласно закону к ним отнесены Интернет, мобильная связь (sms-сообщения), проводная телефония и др.

Анализ показал, что электронные деньги, исходя из действующих гражданско-правовых норм, деньгами в прямом смысле слова не являются, а выступают лишь «электронными денежными средствами». Это связано с тем, что они не выполняют всех экономических функций денег (средства накопления, средства обращения, меры стоимости, функции мировых денег, средства платежа) и не могут признаваться национальным денежным средством платежа, обязательным для приема на всей территории Российской Федерации. Например, Конституция России закрепляет важный принцип, согласно которому денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются (ст. 75).

В литературе приводилось несколько основных подходов, объясняющих сущность

электронных денег. Во-первых, электронные деньги рассматривались как обычное средство учета и безналичные банковские платежи. Во-вторых, они исследовались как основание для посредничества и электронные документы. В-третьих, было показано, что они выступают формой банковских операций. В-четвертых, они рассматривались как система взаимных расчетов и вид обязательства. Очевидно, что наибольший интерес для нас представляет именно вторая и четвертая позиция.

Основным достоинством анализируемого закона является то, что теперь переводы электронных денежных средств признаны именно формой безналичных расчетов. Таким образом, закон внес ясность в отношении характера данных отношений между клиентом, оператором и получателем платежа.

В-третьих, здесь важно коснуться проблемы безопасности электронных платежей и дополнительного обременения информационных и иных посредников.

Согласно Закону №161-ФЗ анонимность клиента (физического лица) гарантируется при условии, если остаток электронных денежных средств в любой момент не превышает пятнадцати тысяч рублей, а общая сумма переводимых электронных денег с использованием именно неперсонифицированного электронного средства платежа не

превышает сорока тысяч рублей в течение календарного месяца. В этом случае электронное средство платежа является неперсонифицированным, то есть анонимным (ст.10 Закона). В настоящее время наиболее крупными информационными посредниками на рынке электронных платежей выступают системы «WebMoney», «Яндекс.Деньги», «РБК Money», которым придется привести в соответствие свои правовые акты, а также текущие документы согласно новому закону. Наиболее неблагоприятное положение сегодня именно у системы «Яндекс.Деньги», уставные документы которой и положены в основу концепции нового закона.

На наш взгляд, наиболее сложным обременением для информационных посредников будет попадание их под юрисдикцию Банка России, а также обязательное проведение идентификации клиента в соответствии с Федеральным законом от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁸, которой им теперь придется заниматься. Как нам представляется, для того, чтобы данный закон заработал в полную силу, необходимо минимум несколько лет. В любом случае насколько эффективным он станет, покажет лишь время.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Н.К. Фролова. Правовое регулирование оптовой торговли. Автореферат дисс. доктора юридических наук. – М.: МГУ им. М.В. Ломоносова. 48 с.
2. Пугинский Б. И. Проблема регулирования торгового посредничества // Коммерческое право. 2008. № 2(3).
3. Дихтяр Г.А. Советская торговля в период социализма и развернутого строительства коммунизма, М., 1965. 402 с.
4. Рассолов И.М. Правовые проблемы электронной торговли: цивилистическое исследование. М: ЮНИТИ-ДАНА, 2010. 157с.
5. Рассолов И.М. Информационное право. М: Норма, 2011. 448с.

BIBLIOGRAPHY

1. N. K. Frolova. Legal regulation of wholesale trade. Abstract yew. doctors of jurisprudence. – М.: Lomonosov Moscow State University. 48 p.
2. Puginsky B. I. Problema of regulation of trade mediation//Commercial right. 2008. No. 2(3).
3. Dikhtyar G.A. Sovetskaya trade in the period of socialism and the developed construction of communism, М., 1965. 402 p.
4. I.M's brines. Legal problems of electronic trading: civil research. M: UNITY-DANA, 2010. 157 p.
5. I.M's brines. Information right. M: Norm, 2011. 448 p.

А.Д. СЕЛЮКОВ

Некоторые вопросы совершенствования законотворческой деятельности в Российской Федерации

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются вопросы влияния на состояние законотворческой деятельности механизмов обеспечения интересов сторон в гражданско-правовых отношениях и публично-правовых отношениях. Раскрыты способы поддержки интересов непрофессиональных участников сделок. Показана роль целеполагания для достижения эффективности публично-правового регулирования с участием органов власти.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: законотворческая деятельность, баланс интересов, сделки, субъекты публично-правовых отношений, профессиональные и непрофессиональные участники сделок.

СЕЛЮКОВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор.

A. D. SELYUKOV

Some issues of improvement of legislative activity in the Russian Federation

ANNOTATION. The article discusses the impact on state lawmaking mechanisms to ensure the interests of the parties in civil-legal relations and public legal relations. Disclosed are methods support the interests of non-professional parties. The role of goal setting to achieve efficiency in public legal regulation with the participation of the authorities.

KEYWORDS: legislative activity, the balance of interests, transactions, subjects public relations, professional and non-professional traders.

SELYUKOV A.D. – doctor of jurisprudence, professor.

Законотворческая деятельность в Российской Федерации представляет собой определенный законом порядок деятельности уполномоченных государством субъектов по подготовке, принятию и изданию законов субъектов Российской Федерации. Это основной вид правотворческого процесса, осуществляемого на всех уровнях публичной власти, в том числе и на региональном уровне. При этом на региональном уровне государства, как и на его федеральном уровне, помимо законов в процесс правотворчества входит также и принятие по определенным процедурам подзаконных нормативных правовых актов. На муниципальном уровне публичной власти прини-

маются только подзаконные нормативные правовые акты.

С точки зрения законотворческого механизма, важно иметь в виду, что Конституцией РФ на федеральном уровне государства или уставным документом субъекта Российской Федерации (конституцией республик в составе РФ) определен исчерпывающий перечень уполномоченных субъектов, которые вправе представлять в законодательный орган новый законопроект либо определенные изменения в действующие законы, либо отмену их. Обсуждение законопроектов и их принятие осуществляют законодательные органы власти на федеральном и региональном уровнях власти. Каждый законопроект проходит в про-

цессе принятия несколько чтений для обеспечения его высокого качества. В отдельных случаях наиболее важные законы подлежат всенародному обсуждению. Обеспечению учета интересов всего народа служит также принятие законопроектов на уровне Российской Федерации в Совете Федерации, после чего документ подписывается Президентом РФ.

Несмотря на столь проработанный порядок обеспечения высокого качества принимаемых законов, остаются некоторые проблемы, определенная ниша неиспользованного потенциала, которые отрицательно сказываются на состоянии законодательства. Одной из таких проблем является методологическая проработка законопроектов.

Конечно, субъекты, наделенные правом законодательной инициативы, имеют в своем составе кадры, владеющие знаниями о стратегии и закономерностях развития общества, обладают навыками юридической техники подготовки качественных законопроектов.¹ Однако результаты показывают, что качество ряда законов не отвечает потребностям развития общества. Во многом этот факт определен тем, что законопроекты готовят по принципу «от достигнутого», по аналогии с ранее принятыми законами. Большую роль в этом вопросе играет сложившийся стиль мышления участников законотворческой деятельности на всех ее этапах. Можно говорить о наличии своего рода парадигмы мышления, из которой трудно выйти и применить совершенно новые подходы.

Например, такую проблему можно усмотреть в самом подходе к поставленным задачам перед будущим законом, целям его принятия. Интересно сравнить роль целеполагания в процессе принятия законопроектов в сфере частного и публичного права.

При принятии законов в сфере частного

права законодатель сосредотачивает свои усилия на создании механизма обязательных или рекомендуемых действий, обеспечения прав и обязанностей сторон правоотношений, добиваясь, чтобы стороны передали друг другу указанный в договоре эквивалент. При этом законодатель не ставит перед собой задачу установления целей участия в договоре субъектов частноправовых отношений, предполагая, что они самостоятельно должны решать этот вопрос. И это совершенно правильно, поскольку нормы частного права ориентированы на субъектов, реализующих свои интересы.

Цели правового регулирования в частном праве состоят в определении всего лишь процедуры деятельности соответствующих участников, которые руководствуются либо предложенными им законодателем моделями оформления своей деятельности, либо вправе сами создать свою правовую форму отношений при условии, что она не запрещена законом. Главным условием допустимости с точки зрения правового оформления таких отношений названы условия соблюдения юридического равенства, включающего имущественную обособленность участников, их независимость друг от друга, свободное волеизъявление при заключении сделки.

Но даже в этом случае, кстати, существующий механизм частноправового регулирования не обеспечивает в полной мере юридическое равенство сторон, которое в дополнение к общепринятому толкованию принципа юридического равенства должно, по нашему мнению, дополнительно опираться на определенный баланс юридических возможностей для реализации интересов сторон в рамках одной сделки. Речь идет о комплексе прав и обязанностей, возникающих у сторон по сделке. Если некоторые права в момент

1 В то же время сохраняет свою актуальность оценка, выданная классиком правовой науки Д.А. Керимовым, который отмечал: «Некомпетентность и легкомыслие, с которыми иные должностные лица берутся за сложное, тонкое и ответственное дело – законотворчество, оборачивается в итоге не только несовершенством законодательства, но нередко трагическими последствиями для общества...». См.: Керимов Д.А. Законодательная техника. Научно-методическое и учебное пособие. – М.: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА М), 2000. С.2.

заклучения сделки представлены нечетко, а обязанности тоже завуалированы, то непрофессиональный участник отношений может фактически заключить договор, не понимая его юридических последствий, делая это как бы «с закрытыми глазами».

Прежде всего это относится к сделкам с участием профессиональных и непрофессиональных субъектов правоотношений. Так, мы являемся свидетелями многочисленных случаев в банковской деятельности, где профессиональная сторона – банк, и его клиент – физическое лицо, как правило, далекий от полного понимания сути юридической сделки, ее терминологии, заключают сделку по получению банковского кредита. Как правило, у клиента банка отсутствуют умения защищать свои интересы. Может ли обычный человек без специальных знаний на равных выступать в такой сделке? В силу жизненных обстоятельств ему необходимы деньги, и это главное, что толкает его на сделку. Банк, вместо подробного разъяснения условий кредита, вместо того, чтобы обеспечить юридическими средствами баланс интересов при их реализации, предпринимает обходные маневры и превращает сделку в способ обмана. Такие же результаты можно наблюдать в случаях страхования, совершения сделок на рынке ценных бумаг² и др.

Чтобы решить указанную проблему, необходимо в законотворческой деятельности преодолеть методологический просчет в правовом обеспечении сделок, в которых принимают участие разные по подготовленности стороны, когда одна из них без особых усилий превращает сделку в «лохотрон». Необходимо создать такие условия для всех участников сделки, чтобы они имели равный по юридической обеспеченности баланс своих интересов,

реализуемых в ходе сделки. Для этого следует обязать профессионального участника самому обеспечить такой баланс посредством необходимых разъяснений и введения запрета на всякое утаивание информации.

Частично задачу достижения баланса интересов обеспечивает Федеральный закон «О защите прав потребителей»³, хотя он прямо не указывает на такую цель. Авторы этого закона, наряду с другими задачами, смогли создать дополняющий механизм к положениям Гражданского кодекса РФ, поскольку его нормы права в ряде случаев не обеспечивают справедливости и не решают в полном объеме юридического равенства участников правоотношения через правовое оформление баланса интересов, реализуемых в рамках сделки. По механизму своего применения он работает лишь в последующее время, после осуществления сделки, когда выявляется конкретный факт нарушения прав потребителей.

Полагаем, что Федеральный закон «О защите прав потребителей» (далее Закон) не предназначался дополнительно обеспечивать баланс интересов в момент совершения самой сделки, чтобы кто-то добросовестно разъяснил потребителю все тонкости юридического обеспечения своих прав, а если таковые есть, то и обязанностей. Закон нацелен на то, что потребитель сам проявляет свою волю и имеет право на получение достаточной информации об объекте сделки⁴. При покупке товаров, возможно, этого достаточно, но в банковской деятельности потребитель банковских услуг нередко оказывается обманутой и пострадавшей стороной. В целом, конечно, хорошо, что закон направлен на предотвращение сделок с некачественными товарами, опасными для человека. Но дополнительно также надо

2 Горехов А.А., Вавулин Д.А., Емельянов А.С. Комментарий к Федеральному закону "О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг" (постатейный). – М.: Деловой двор, 2012.

3 Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации от 9 апреля 1992 г., N 15, ст. 766.

4 Это относится к тем случаям, когда потребитель отдает свои деньги, а взамен получает эквивалент в виде товаров, услуг. Другое дело, когда по сделке он ждет деньги в режиме кредита от профессионального участника по банковской сделке. Сферу совершения таких сделок Федеральный закон «О защите прав потребителей» затрагивает в меньшей степени.

решить и вопрос о защите прав неинформированного в тонкостях банковской, страховой и других видов профессиональной предпринимательской деятельности потребителя банковских, страховых и др. услуг.

Подтверждением нашей позиции может стать решение Верховного Суда РФ, опубликованное в «Российской газете» 7 ноября 2014 г.⁵ В статье описывается случай, когда потребовалось решение высшей судебной инстанции, чтобы защитить непрофессионального участника банковской сделки, когда банк готов для обеспечения только своих интересов не учитывать интересы своего партнера. Причем факт участия в деле адвоката есть еще одно подтверждение того, что равенства юридических возможностей в банковских сделках нет, поскольку обычный потребитель банковских услуг, как правило, не имеет возможности самостоятельно реализовать или защитить свои интересы. Не следует забывать, что помощь адвоката, как правило, является платной, на что указывает Чеснокова М.Д.⁶

Другим случаем неравенства возможностей профессиональных и непрофессиональных участников гражданско-правовых отношений могут быть названы отношения между менеджментом крупных акционерных обществ и мелкими акционерами. Нередко возникают ситуации, когда по вине менеджмента хозяйствующий субъект сознательно доводится до банкротства, а страдают кредиторы и акционеры обанкротившегося субъекта. Такие случаи будут продолжаться до тех пор, пока законодатель не создаст механизм, защищающий интересы непрофессиональных участников отношений, в том числе от ущемляющих их интересы действий менеджмента компаний. Решение этого вопроса одновременно будет

способствовать не только обеспечению устойчивости экономики, но и росту инвестиционной активности.

В отличие от общепринятого порядка осуществления сделок, когда выбор целей действий участников сделок определяется ими самими, в ряде случаев требуется обязательное применение дополнительных мер для обеспечения интересов непрофессиональных участников сделок, включая меры государственной защиты.⁷

Важно учесть, что в большинстве случаев заключения сделок профессиональные и непрофессиональные партнеры по сделкам самостоятельно определяют свои цели в предстоящих сделках, связанных с реализацией собственных интересов. Однако применительно к крупным акционерным обществам возможен случай, когда менеджмент в определенных ситуациях самостоятельно определяет цель своих действий, но не всегда реализует при этом интересы акционеров. Такое расхождение интересов акционеров и целей акционерного общества требует установления дополнительных мер, которые могли бы обеспечить гарантированную реализацию интересов акционеров при принятии всех управленческих решений в крупных акционерных обществах.

Совсем иная ситуация наблюдается, если речь идет об органах публичной власти, которые, будучи участниками гражданско-правовых отношений, всегда обязаны обеспечивать интересы государства или муниципального образования, от имени которых они выступают⁸. Для них уже не может применяться обычный метод гражданско-правового регулирования, когда правом определяется лишь порядок деятельности, указывается фор-

5 Козлова Н. Ваше слово: ва-банк // РГ. 2014. 7 ноября.

6 Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: монография / под ред. Н.Н. Черногора. М.: Издательство Международного юридического института. 2010. С. 199.

7 Отдельного рассмотрения требуют случаи, когда сама цель должна ставиться извне, в форме законодательного предписания.

8 О возможности при этом возникновения конфликта интересов см.: Соловьев А.В. Конфликт корыстных интересов на государственной и муниципальной службе: природа и способы преодоления // ГАРАНТ.

ма договора. В этом случае нельзя ограничиваться только указанием на процедурное оформление участия в гражданско-правовых отношениях публичных органов власти или других уполномоченных публичной властью субъектов. Здесь необходимо дополнительно четко формулировать цель такого участия, направленную на обеспечение государственных или муниципальных интересов.

Указанный аспект имеет важное методологическое значение для повышения эффективности законотворческой деятельности. Конечно, любое участие государства или его уполномоченных субъектов не должно нарушать юридического равенства между сторонами сделки⁹, включая обеспечение баланса юридических возможностей реализации интересов каждой из сторон. Но государство или муниципальное образование обязано решить вопрос о цели своего участия в сделке и поручить своему уполномоченному субъекту обязанность реализовать ее в полном объеме. В противном случае произойдет подмена государственного интереса частным интересом в процессе участия государства в сделке, в том числе злоупотребные откаты и проч.

Если продолжить анализ роли учета интереса и фактора целеполагания в регулировании публичных отношений, определяемых нормами публичного права, то в этом случае правовое обеспечение соответствующих отношений также требует указания не только подробного порядка деятельности уполномоченного субъекта, можно сказать процедуры деятельности, но и цели, которую обязан реализовать субъект, будучи участником таких отношений. В противном случае результат правовой обеспеченности будет невеликий.

Очень часто процедура, предписанный законом порядок соблюдается, а ожидаемых результатов от использования бюджетных средств, государственного имущества нет. Проблема в том, что исполнитель, кому предписывалось соблюдать установленную зако-

ном процедуру, все делает по закону, но не использует всех имеющихся возможностей снизить затраты на получение результата. Субъект, обязанный соблюдать только процедуру, редко когда будет проявлять усердие, инициативу в положительных целях. Но если того же исполнителя заинтересовать в достижении поставленной цели и дать возможность самостоятельно определять ряд действий, то в этом случае результат эффективности всей деятельности, в том числе использования государственных денег или иного имущества, будет достигнут. Поэтому в бюджетной сфере, отраслях использования государственного имущества очень важно ставить перед уполномоченным субъектом конкретную и желательную весьма напряженную задачу, а также назвать стимулы, чтобы цель была достигнута.

Мы не призываем отказаться от разработки алгоритма, процедуры деятельности, но акцентировать усилия только на процедуре, как это решается относительно действующего порядка закупки товаров, работ, услуг, считаем нерезультативным.

Конечно, имеет принципиальное значение то, какая и как будет сформулирована цель в законопроекте. Она может быть названа без должных обязанностей и надлежащей ответственности ее соблюдать, как это сделано в Федеральном законе «О Центральном банке Российской Федерации», где ставится почти в абстрактной форме цель — достижение устойчивости национальной валюты России. Как она достигается в наши дни, к сожалению, хорошо видно.

Цель может быть выражена в достижении показателей доходов и расходов бюджета, без должной конкретизации, какие изменения в обществе, экономике произойдут в результате исполнения бюджета. В другом случае государство поставило перед Министерством обороны РФ конкретные задачи достижения конкретных качественных и цифровых показателей обороноспособности страны, указало

9 На это неоднократно в правовой литературе указывалось.

порядок расходования средств, заинтересовало исполнителей, и результат не заставил себя ждать.

Целевые программы, применяемые в бюджетной деятельности, конечно, есть ответ на совмещение правового обеспечения процедуры и целеполагания. Однако общей чертой названных программ, как правило, является недостаточный уровень их нацеленности на получение наиболее высокого результата при использовании имеющихся возможностей, в том числе вновь открывающихся возможностей. Они не рассчитаны на максимальное усердие среди исполнителей. Можно выделить также некомплексность решения проблем той сферы, на развитие которой направлена целевая программа. Примером такой некомплексной программы является строительство БАМа, когда про жилье забыли. Но, самое главное, нет надлежащей ответственности за недостижение запланированных результатов.

В деле обеспечения качества законотворческой деятельности огромное значение имеет вопрос о способах дальнейшей работы над ранее принятым законом. Живой закон должен развиваться, правда, не такими темпами, как действующий Налоговый кодекс РФ, который настолько изменился, что, пожалуй, обновился уже не один раз. Речь идет о работе над базовыми законами, обеспечивающими развитие общества или функционирование одной из сфер общества. Если каждый из

таких законов будет подвергаться ежегодному анализу на предмет полученных результатов, наличия определенных изменений в той или иной сфере, на основе которых можно будет совершенствовать сам закон, то такой законотворческий процесс, несомненно, даст результаты.

В качестве примера такого обсуждения можно назвать подготовленный в этом году Правительством РФ доклад Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования. Фактически в нем содержатся данные о ходе выполнения ранее принятого Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»¹⁰. Следует поддержать такую форму анализа и публичного обсуждения процесса исполнения ряда определяющих законов, это весьма эффективный инструмент последующего совершенствования всего законодательства. Он позволяет проанализировать весь комплекс отношений в определенной сфере. Доклад позволяет получить определенный объем информации о том, в каком состоянии находится образовательная сфера жизнедеятельности общества, увидеть достижения и пробелы в области образования. В докладе уделяется много внимания раскрытию новых положительных явлений в образовательной деятельности, которые заслуживают поддержки и распространения, но также видны недостатки и просчеты.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Горохов А.А., Вавулин Д.А., Емельянов А.С. Комментарий к Федеральному закону "О защите прав и законных интересов инвесторов на рынке ценных бумаг" (постатейный). – М.: Деловой двор, 2012.
2. Козлова Н. «Ваше слово: ва-банк» // Российская газета. 7 ноября 2014 г.
3. Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: Монография / Под ред. Н.Н. Черногора. – М.: Издательство Международного юридического института, 2010.

BIBLIOGRAPHY

1. Gorokhov, A. A., Vaulin D. A., Emelianov A. S. the Commentary to the Federal law "On protection of rights and legitimate interests of investors on the securities market" (article by article). – М.: "Business court", 2012.
2. Kozlova N. "Your word: " VA-Bank" //"Rossiyskaya Gazeta". November 7, 2014.
3. Legal monitoring: actual problems of theory and practice: Monograph / Ed. by N. N. Chornohora. – М.: Publishing house of the International law Institute, 2010.

10 Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.2012 N 273-ФЗ (ред. от 21.07.2014) (с изм. и доп., вступ. в силу с 21.10.2014) // РГ. 2012. 31 декабря.

Л.А. БУКАЛЕРОВА, Р.В. ШАГИЕВА

Формирование централизованных органов общественного контроля в процедурах федерального государственного контроля (надзора) за образовательными организациями: проблемы теории и практика правового регулирования

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена одному из направлений взаимоотношений гражданского общества и государства – общественному контролю, в том числе за органами управления образованием. Эффективность деятельности органов общественного контроля во многом зависит от четкой централизованной структуры, предложения по созданию которой формулируются авторами данной статьи.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гражданское общество, государство, общественный контроль, субъект общественного контроля в сфере образования, Общественный совет по развитию образования.

БУКАЛЕРОВА ЛЮДМИЛА АЛЕКСАНДРОВНА – доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой уголовного права и процесса РУДН.

ШАГИЕВА РОЗАЛИНА ВАСИЛЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории истории государства и права Финансового университета при Правительстве РФ.

L. BUKALEROVA, R. SHAGIEVA

Formation of the central organs of social control in the procedures of the federal state control (supervision) of educational organizations: problems of theory and practice of legal regulation

ANNOTATION. This paper is devoted to one of the directions of the relationship of civil society and the state – public control over the executive authorities in the management of the entity. Effectiveness of the agencies of social control depends on a clear centralized structure, proposals for the creation of which is formulated by the authors of this article.

KEYWORDS: civil society, the state, social control, a subject of public scrutiny in the area of education, the Public Council for the Development of Education.

BUKALEROVA LYUDMILA – doctor of jurisprudence, professor, head of department criminal law and procedure RUDN, **SHAGIEVA ROZALINA** – doctor of jurisprudence, professor, professor of department of the theory and history of state and law of Financial University under the Government of the Russian Federation.

В настоящее время одним из главных направлений развития Российского государства должно стать активное взаимодействие всех его органов с институтами

гражданского общества. Вопросы определения оптимальной модели взаимодействия государства и гражданского общества по-прежнему не теряют своей актуальности

и значимости¹. Государственная власть и гражданское общество — это две составляющие единого целого, которые должны быть взаимосвязаны и уравновешивать друг друга путем взаимного влияния и контроля. Но не всегда их интересы совпадают.

В силу объективных причин должностным лицам нередко свойственно злоупотребление властными полномочиями и реализация своих интересов в ущерб общественным. При этом власть крайне болезненно реагирует на попытки гражданского общества оспорить ее монополию, особенно если это касается возможности получения материальной выгоды. Государство привыкло работать внутри себя, внутри бюрократии. И когда вдруг в сфере управления делами государства появляются граждане, они воспринимаются как помеха. С другой стороны, любые меры, принимаемые государством без участия гражданского общества, не воспринимаются членами общества как легитимные и обоснованные.

Одним из самых эффективных и надежных механизмов легитимации государства являются выборы. Но при сегодняшнем развитии гражданского общества этого уже недостаточно.

Свободная от постоянного контроля со стороны граждан государственная власть безответственна. Функционирование эффективной власти требует деятельного общественного контроля над ней.

В современных условиях роль и значение общественного контроля многократно возрастают в связи с потребностями модернизации государственного управления, борьбы с коррупцией, повышения качества реализации государственных функций и оказания государственных услуг.

Сегодня пришло понимание, что ключевые государственные проблемы простым законо-

дательным регулированием или с помощью ресурса только институтов государственной власти решить невозможно. Только развивая общественный контроль, некоммерческий сектор, институты гражданского общества, можно рассчитывать на более эффективное решение наших актуальных государственных проблем. Как отмечается в юридической литературе, общественный контроль обеспечивает эффективное участие граждан в интересах гражданского общества, гарантирует правовое ограничение власти, условия развития правового государства и демократической политической системы посредством проверки соблюдения законности в деятельности государственных органов и должностных лиц; наблюдения над процессом реализации правовых норм или управленческих решений и качеством работы всех органов государства. Соответственно под общественным контролем за деятельностью государства понимается процесс наблюдения и проверки гражданами деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляемой от имени общества с целью реализации принципа законности, обеспечения прав человека и национальных интересов. К существенным признакам общественного контроля в современном государстве относятся: осуществление его на основе идеологии и ценностей правового государства; регулирование нормативными актами; его необязательность в том случае, если иное не предусмотрено законом; субъектами могут быть представители общественных объединений и граждане, не являющиеся государственными и муниципальными служащими; осуществление деятельности на публичной основе².

На сегодняшний день потенциал общественного контроля в России полностью не реализован. Несмотря на то, что в послед-

1 Грудцына Л.Ю. Конституционно-правовые основы формирования государством институтов гражданского общества в России // Образование и право. 2010. № 7. С. 80.

2 Старчикова В.В. Общественный контроль в правовом государстве (теоретико-правовое исследование). Автореф. дисс. ... к-та юрид. наук. М., 2014. С. 8.

ние годы был принят ряд федеральных законов и нормативных правовых актов в сфере общественного контроля: федеральные законы от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»³, «Об Общественной палате Российской Федерации»⁴, «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»⁵, а также указы Президента РФ «О порядке образования общественных советов при федеральных министерствах, федеральных службах и федеральных агентствах, руководство деятельностью которых осуществляет Президент Российской Федерации, при федеральных службах и федеральных агентствах, подведомственных этим федеральным министерствам»⁶, Положение об общественном совете при федеральной службе по надзору в сфере образования и науки, утвержденном Приказом Рособрнадзора от 03.02.2014 № 83 «Об Общественном совете при Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки»⁷), расширившие возможности участия граждан и общественных объединений в управлении делами государства, законодательство об общественном контроле необходимо совершенствовать. Положительно, что в настоящее время происходит интенсивный процесс согласования положений внутригосударственных норм с требованиями соответствующих норм международного права, в том числе и в исследуемой области⁸.

Федеральный закон от 21.07.2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» под общественным контролем понимает деятельность субъектов общественного контроля, осуществляе-

мую в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений⁹.

На основании приведенного легального определения можно сформулировать специальное понятие «общественного контроля в сфере образования» — это юридическая деятельность субъектов общественного контроля, осуществляемая в целях наблюдения за деятельностью органов государственной власти, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных организаций, иных органов и организаций в сфере образования, осуществляющих в соответствии с федеральными законами отдельные публичные полномочия, а также в целях общественной проверки, анализа и общественной оценки издаваемых ими актов и принимаемых решений, необходимых для предупреждения правонарушений и злоупотребления властью в этой сфере.

В контексте сформулированного понятия считаем, что органы по контролю и надзору в сфере образования должны иметь четкую централизованную структуру. В противном случае появляется рассогласованность в понимании целей, в действиях, и, в конечном итоге, в результатах.

О необходимости вертикальной структуры органов по контролю и надзору в сфере

3 РГ. 2014. 23 июля.

4 СЗ РФ. 2005. N 15. Ст. 1277.

5 РГ 2006. 05 мая.

6 СЗ РФ. 2006. № 32. Ст. 3539.

7 Документ опубликован не был.

8 Букалерева Л.А., Шагиева Р.В. Международное сотрудничество в сфере образования: проблемы правового регулирования в условиях глобализации // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 16. С. 50-56.

9 РГ. 2014. 27 июля.

образования свидетельствует Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»¹⁰. Важно, что в Положении об общественном совете при федеральной службе по надзору в сфере образования и науки, утвержденном Приказом Рособрнадзора от 03.02.2014 № 83 «Об Общественном совете при Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки», указано на взаимодействие Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзора) с Общественной палатой Российской Федерации при формировании состава Общественного совета: «Настоящее Положение определяет компетенцию, порядок формирования состава и деятельности Общественного совета при Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки, порядок взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки (Рособрнадзора) с Общественной палатой Российской Федерации при формировании состава Общественного совета, а также порядок и условия включения в состав Общественного совета членов Общественной палаты, независимых от органов государственной власти Российской Федерации экспертов, представителей заинтересованных общественных организаций и иных лиц»¹¹.

При этом субъектами общественного контроля в сфере образования могут быть:

- граждане в качестве общественных инспекторов или общественных экспертов;
- общественные объединения и иные негосударственные некоммерческие организации.

По нашему мнению, субъектами общественного контроля в сфере образования должны стать:

1) Общественная палата Российской Федерации;

2) Общественный совет при Министерстве образования и науки Российской Федерации;

3) Общественный совет при Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки;

4) общественные советы при органах государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере образования;

5) общественные советы при органах местного самоуправления муниципальных районов и городских округов в сфере образования;

6) общественные советы при общеобразовательных организациях.

Относительно характеристики такого субъекта, как Общественная палата, Российской Федерации следует опираться на Федеральный закон от 04.04.2005 № 32-ФЗ (ред. от 20.04.2014 г.) «Об Общественной палате Российской Федерации»¹² и «Регламенте Общественной палаты Российской Федерации», принятом на пленарном заседании Общественной палаты РФ 22.01.2006 г. (ред. от 26.06.2014 г.)¹³.

Относительно второго – Общественного совета при Министерстве образования и науки Российской Федерации – можно руководствоваться Приказом Минобрнауки России от 13.11.2012 г. № 913 (ред. от 24.05.2013 г.) «Об утверждении Положения об Общественном совете при Министерстве образования и науки Российской Федерации»¹⁴.

По третьему субъекту – Общественному совету при Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки – необходимо руководствоваться Приказом Рособрнадзора от 03.02.2014 г. № 83 «Об Общественном

10 СЗ РФ. 2014. № 30 (Часть I). Ст. 4213.

11 Документ опубликован не был.

12 СЗ РФ. 2005. № 15. Ст. 1277.

13 URL: <http://opr.f.ru/> по состоянию на 28.07.2014 г.

14 Вестник образования России. 2013. № 2.

совете при Федеральной службе по надзору в сфере образования и науки»¹⁵.

При анализе четвертого — общественных советов при органах государственной власти субъектов Российской Федерации в сфере образования, к сожалению, следует констатировать, что отсутствует типовой официальный документ. Такой типовой правовой акт, на наш взгляд, следует сформулировать. Тем более что в субъектах Федерации уже накоплен определенный опыт правового регулирования деятельности подобных субъектов. В качестве примера можем указать на следующие:

1. Приложение № 1 к приказу министерства образования Саратовской области от 09.04.2014 г. № 1063 «Приложение № 1 к приказу министерства образования области от 18 декабря 2013 года № 3689, которым утверждено «Положение об Общественном совете при министерстве образования Саратовской области»¹⁶.

2. Положение об Общественном совете при министерстве образования Тульской области от 23 апреля 2013 года¹⁷.

3. Приложение № 1 к приказу Министерства образования Омской области от 17.05.2013 г. № 31 «Положение об Общественном совете при Министерстве образования Омской области»¹⁸.

4. Приказ департамента образования г. Москвы «Об утверждении положения об Общественном совете при Департаменте образовании города Москвы» от 05 ноября 2013 г.¹⁹ Заметим, что работать Общественный Совет при Департаменте образования города Москвы начал только с 27 января 2014 года.

В качестве положительного примера следует указать на наличие «Примерного регламента Общественного совета при органе местного самоуправления муниципально-го района (городского округа) Республики Башкортостан, осуществляющего управление в сфере образования», утвержденного решением Общественного совета при органе местного самоуправления муниципально-го района (городского округа) Республики Башкортостан, осуществляющего управление в сфере образования²⁰.

А также разработано «Примерное положение об Общественном совете при органе местного самоуправления муниципально-го района (городского округа) Республики Башкортостан, осуществляющего управление в сфере образования», утвержденное Приказом органа местного самоуправления муниципального района (городского округа) Республики Башкортостан, осуществляющего управление в сфере образования.²¹

Целесообразно, чтобы каждый субъект Федерации издал сходные типовые (примерные) положения и регламенты для нижестоящих органов управления образованием.

По пятому субъекту, осуществляющему общественный контроль за образованием на самом низшем уровне — общественных советов при органах местного самоуправления муниципальных районов и городских округов в сфере образования, можно также отметить, что и в этом случае отсутствует типовое положение. Это приводит к тому, что в конкретных муниципальных образованиях пока вообще не имеется правовой базы для их деятельности.

15 Документ опубликован не был.

16 URL: <http://osovet64.ru>.

17 URL: <http://education.tularegion.ru/about-us/совет>.

18 URL: http://mobr.omskportal.ru/ru/RegionalPublicAuthorities/executivelist/MOBR/sovets/PageContent/0/body_files/file0/prikaz_31_05_2013_polozhenie.pdf.

19 URL: <http://www.educom.ru/ru/org/obsovet>.

20 URL: <http://www.morb.ru/minvo/sovets/примерный%20регламент%20РБ.pdf>.

21 URL: <http://www.morb.ru/minvo/sovets/примерное%20положение.pdf>.

В качестве такого негативного примера представляется возможным указать, что, например, в работе Общественного совета по образованию при управлении юго-восточного образовательного округа Департамента образования Кировской области отсутствует Положение, регламентирующее ее. На сайте мы нашли только «План работы Общественного Совета по образованию при управлении ЮВОО на 2013 год», «Заседания Общественного Совета по образованию на 2014 год» от 17.01.2014 и «Приемная Общественного Совета в Малмыжском районе» от 18.04.2014 г.²²

Сходное положение дел и у общественного совета по образованию г. Оренбурга, на сайте вывешен только «Состав общественного совета по образованию»²³. Нигде нет указания на Положение о совете или о каких-либо иных нормативных документах.

Иногда органы общественного контроля на этом уровне имеют несколько иное название, например, как в «Положении о Муниципальном общественном совете по развитию образования при Управлении образования городского округа Коломна»²⁴. Такая терминологическая несогласованность и различие, на наш взгляд, недопустимы.

И уж абсолютно юридически неверным является тот факт, когда положение об общественном совете утверждается самим советом. Так, Положение об Общественном совете по развитию образования в городе Рязани утверждено решением самого же Общественного совета по развитию образования в городе Рязани от 14 февраля 2014 г. протокол № 1²⁵.

Однако в данном муниципальном образовании есть и положительный опыт осуществления общественного контроля в сфере образования, который следует распространить повсеместно. Так, необходимо отметить наличие на сайте Управления образования и молодежной политики администрации города Рязани сборника «Общественный совет по развитию образования в городе Рязани // Рязань: Образование Рязани, 2014. — 24 с.». Сборник содержит сведения о представителях городской общественности, вошедших в состав Общественного совета по развитию образования города Рязани, а также Положение о деятельности Совета и примерный план работы на 2014 год, а издание предназначено для педагогической и родительской общественности, средств массовой информации, широкого круга читателей²⁶.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Букалерева Л.А., Шагиева Р.В. Международное сотрудничество в сфере образования: проблемы правового регулирования в условиях глобализации // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16. № 16.
2. Грудцына Л.Ю. Конституционно-правовые основы формирования государством институтов гражданского общества в России // Образование и право. 2010. № 7.
3. Старчикова В.В. Общественный контроль в правовом государстве (теоретико-правовое исследование). Автореф. дисс. ... к-та юрид. наук. М., 2014.

BIBLIOGRAPHY

1. Bukalereva L.A., Shagieva R.V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere obrazovaniya: problemy pravovogo regulirovaniya v uslovijah globalizacii // Vestnik Kazanskogo tehnologicheskogo universiteta. 2013. T. 16. № 16.
2. Grudcyna L.Ju. Konstitucionno-pravovye osnovy formirovaniya gosudarstvom institutov grazhdanskogo obshhestva v Rossii // Obrazovanie i pravo. 2010. № 7.
3. Starchikova V.V. Obshhestvennyj kontrol' v pravovom gosudarstve (teoretiko-pravovoe issledovanie). Avtoref. diss. ... k-ta jurid. nauk. M., 2014.

22 URL: http://uvoo.ucoz.ru/index/obshhestvennyj_sovet_po_obrazovaniju/0-91.

23 URL: <http://orenschool.ru/obshchestvennye-organizatsii/obshchestvennyj-soviet>

24 URL: <http://www.edu-kolomna.ru/documents/29.html>.

25 URL: <http://yandex.ru/click/jsreidir>.

26 URL: <http://edudep.admrzn.ru>.

Л.Ю. ГРУДЦЫНА

Структура финансирования высшего образования в Российской Федерации

АННОТАЦИЯ. В настоящее время в системе образования сложилось явное противоречие между инновационными процессами, ведущими к преобразованию массовой практики (внедрение инновационных технологий, появление учреждений образования новых видов и типов, в частности негосударственных, и др.), и классической, традиционной педагогической парадигмой, как правило, сдерживающей, тормозящей эти процессы. Именно это противоречие и обуславливает особенность состояния современной ситуации в системе образования России. Разрешение данного противоречия, по нашему мнению, составляет основу процесса модернизации. Сегодняшний этап – этап модернизации, то есть такого совершенствования образования, которое отвечает современным требованиям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: высшее образование, финансирование, инновации, педагогика, обучение, образовательный рынок, образовательный кластер, модернизация образования, экономика, оплата труда, учреждение высшего профессионального образования.

ГРУДЦЫНА ЛЮДМИЛА ЮРЬЕВНА – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, профессор кафедры административного и финансового права Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова e-mail: (ludmilagr@mail.ru)

L.YU. GRUDTSINA

Structure of financing of the higher education in the Russian Federation

ANNOTATION. Now in an education system there was an obvious contradiction between the innovative processes conducting to transformation of mass practice (introduction of innovative technologies, emergence of establishments of formation of new types and types, in particular non-state, etc.), and the classical, traditional pedagogical paradigm which, as a rule, is constraining, which is slowing down these processes. This contradiction also causes feature of a condition of a modern situation in an education system of Russia. Permission of this contradiction, in our opinion, makes a modernization process basis. Today's stage – modernizations, that is such improvement of education which meets the modern requirements.

KEYWORDS: the higher education, financing, innovations, pedagogics, training, educational market, educational cluster, modernization of education, economy, compensation, institution of higher professional education.

GRUDTSINA L.YU. – doctor of jurisprudence, professor, corresponding member of the Russian Academy of Natural Sciences, professor of chair of the administrative and financial law of Plekhanov Russian University of Economics (ludmilagr@mail.ru).

Переход в значительной мере к рыночным отношениям в области высшего образования несет в себе и изменения, и диверсификацию в источниках доходов учреждений высшего образования, необходимых, прежде всего, для обеспечения их функционирования в рыночных условиях мирового образовательного рынка. Поэтому в Стратегии

национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года значительное внимание уделено вопросам развития национальной образовательной системы. В Стратегии отмечено, что развитие национальной образовательной системы, его доступность, повышение качества и квалификации трудовых ресурсов будет способствовать обеспе-

чению национальной безопасности в области повышения качества жизни российских граждан (п. 48).¹

В настоящее время в системе образования сложилось явное противоречие между инновационными процессами, ведущими к преобразованию массовой практики (внедрение инновационных технологий, появление учреждений образования новых видов и типов, в частности негосударственных, и др.), и классической, традиционной педагогической парадигмой, как правило, сдерживающей, тормозящей эти процессы. Именно это противоречие и обуславливает особенность состояния современной ситуации в системе образования России. Разрешение данного противоречия, по нашему мнению, составляет основу процесса модернизации. Сегодняшний этап — этап модернизации, то есть такого совершенствования образования, которое отвечает современным требованиям. В науке отмечается, что «модернизировать — это делать современным, изменять в соответствии с современным техническим уровнем, требованиями, вкусами, вводя разнообразные усовершенствования в изображении старины, придавать ей черты, свойственные новому времени».² Историко-педагогический анализ показывает, что термин «модернизация» неоднократно использовался в сфере образования и в последние десятилетия XX в. приобрел богатое социально-философское содержание. Им принято обозначать особый способ общественного прогресса, осуществляющегося не самопроизвольно, но целенаправленно и управляемо. В науке отмечается, что модернизация страны опирается на модернизацию образования, на его содержательное и структурное

обновление.

Российская система образования должна перейти из режима выживания в режим развития. Следовательно, система образования в условиях сегодняшнего дня должна функционировать в режиме развития, самодвижения, саморазвития. В концепции модернизации образования предлагается ряд мер по ее переводу в режим развития: во-первых, адаптация системы образования к изменившимся социально-экономическим и государственно-политическим условиям развития России; во-вторых, освоение опыта модернизации образовательной сферы, накопленного более продвинутыми странами мира.³ С началом 1990-х гг. связан резкий перелом в характере и направлениях социально-экономического развития страны. Прежде всего, произошел полный развал экономики как рационально-рефлексивного контура, удерживающего хозяйство, которое, напротив, испытало беспрецедентный и неконтролируемый рост.⁴ Современное образование в России представляет собой сложную комплексную систему подготовки специалистов по всем отраслям российской экономики. Каждая ступень образования имеет свои особенности — от начального до высшего профессионального. В литературе достаточно бурно обсуждается, какое образование сейчас нужно России: фундаментальное или прикладное. Особенно эта проблема актуальна в условиях сокращения финансирования образования, развития внебюджетных источников финансирования, реформирования всей образовательной системы государства. Часть экспертов считают, что в связи с изменением структуры финансирования и увеличением негосу-

1 Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 // СЗ РФ. 2009. № 20. Ст. 2444.

2 Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования: учебное пособие. М.: Логос, 2000. С. 56.

3 Однако это вовсе не означает, что модернизация предполагает подражательность. В число ее ценностей входят культурная самобытность, бережное отношение к оправдавшим себя традициям, отказ от единообразия, вариативность подходов к решению проблем.

4 Административное право / под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. 2-е изд. М., 2006. С. 34.

дарственных доходов учреждений высшего профессионального образования последние должны усилить прикладную составляющую в обучении. Другие же считают, что высшее образование является в настоящий момент "статусной" вещью и потому должно быть более фундаментальным. Безусловно, обе точки зрения имеют свои как положительные, так и отрицательные стороны, однако эти проблемы не должны соотноситься со структурой финансирования, потому что представляют собой другую качественную характеристику образования. Тем не менее, в существующем положении наиболее прикладной характер знаний дают средние специальные учебные заведения и профильные высшие учебные заведения, хотя последним более свойственна фундаментальность, как классическим высшим учебным заведениям.

Структура финансирования является основанием возникновения целого ряда других теоретических и прикладных проблем — от содержания образовательного процесса до структурных проблем, в том числе проблем управления высшим учебным заведением. Исследование проблем управления, совершенствование его структуры в зависимости от структуры финансирования в конечном итоге позволяет повысить качество образования. Безусловно — это основной фактор, поскольку постоянного обновления требует производственная база университетов, постоянно увеличивается стоимость научной и учебной литературы, изменяется стоимость жизни и уровень оплаты труда научного персонала учреждения высшего образования.

Однако качественное высшее образование зависит не только от государственного финансирования в системе социально-экономической политики государства, где образованию отводится, безусловно, достойная роль, но и от иных факторов, которые также играют немаловажную роль в управлении образовательными учреждениями.

Таким образом, управление учреждением высшего профессионального образования

в современных условиях требует новых подходов. В данном исследовании будет рассмотрено организационно-управленческая структура учреждения высшего профессионального образования в условиях многоканального бюджетного и внебюджетного финансирования. Таким образом, развитие высшего образования в современных условиях, на наш взгляд, должно носить комплексный, синтезирующий характер. Ее содержание складывается из множества аспектов деятельности государства. В современных условиях тенденции развития высшего образования должны обеспечивать конкурентные преимущества национальной экономики и потребности национальной обороны, инновационное развитие национальной экономики.

В современной России начинать создание образовательного кластера, на наш взгляд, нужно с унификации образовательных программ, по которым будут обучаться студенты — будущие специалисты отрасли, делая уклон в сторону приближения теории и практики обучения к конкретным производственным условиям. Механизация трудовых процессов применительно к образованию может выражаться в создании программ и курсов электронного (дистанционного) обучения.

11 февраля 2011 г. на основании Концепции модернизации профессионального образования Республики Коми на период до 2015 г. было заключено Соглашение о создании Лесного образовательного кластера Республики Коми, в который вошли учреждения начального, среднего, высшего профессионального образования, готовящие кадры для лесной отрасли. В условиях раздробленности лесного хозяйства начиная с 1990-х гг. наиболее перспективным для развития сферы лесного хозяйства и лесного образования в Коми следует признать именно кластерный подход. Создание Лесного образовательного кластера Республики Коми (в форме общественной организации), осно-

ванного на добровольном участии его членов, позволит консолидировать материальные, преподавательские, учебные ресурсы для решения по-настоящему крупных задач. Участниками данной общественной организации стали: два вуза (Сыктывкарский лесной институт и Санкт-Петербургская государственная лесотехническая академия имени С.М. Кирова), три образовательных учреждения среднего профессионального образования (техникумы и колледжи) и пять образовательных учреждений начального профессионального образования (профучилищ и лицеев). Это пример непрерывности образовательного процесса, приближающийся к конвейерному производству (Г. Форда).

Другим примером создания образовательного кластера является Алтайский край. 14 октября 2012 г. между управлением Алтайского края по образованию и делам молодежи, администрацией г. Барнаула, Комитетом по образованию г. Барнаула и 11 учреждениями подписано Соглашение о межсетевом взаимодействии в рамках образовательного кластера, в соответствии с которым межсетевое сотрудничество реализуется через шесть проектов: дошкольная подготовка; работа с одаренными детьми; профильное обучение и предпрофессиональная подготовка; развитие профессиональных компетенций, повышение квалификации и переподготовка педагогов; обучение детей с ограниченными возможностями здоровья; создание локальной сети как средства для функционирования единой информационно-образовательной среды. Реализация проекта позволит образовательной системе г. Барнаул быть конкурентоспособной, соответствовать требованиям инициативы Президента «Наша новая школа», ФГОС и станет площадкой для будущих проектов.

Важно, что включение учреждений в образовательный кластер строится на принципах: территориальной близости, взаимовыгодного сотрудничества, совместного использования имеющейся базы и ресурсов. В разработке инновационного проекта участвуют одиннадцать учреждений муниципального, краевого, федерального уровня: два вуза, краевой педагогический лицей, три учреждения дополнительного образования, два детских сада, два учреждения общего образования инновационного типа, детское медицинское учреждение. Апробация пройдет в течение четырех лет, и, соответственно, в 2015 году будет дана оценка эффективности данного инновационного проекта.⁵

На данный момент времени отечественные университеты охватывают сегмент массового образования и сегмент исследований и трансфера знаний в технологии на локальном и международном рынках, но абсолютно не конкурентоспособны на глобальном рынке. Что касается сегмента подготовки и переподготовки кадров, то ситуация на данном сегменте рынка складывается следующим образом: несмотря на известное нежелание бизнес-структур привлекать к задаче переподготовки кадров университеты, занимаясь данным вопросом исключительно используя собственные ресурсы (трудовые, финансовые и т.д.), наметилась благоприятная тенденция к разделению функций бизнеса и университета в обеспечении *многоуровневой подготовки кадров*. Данное решение – выгодно обеим сторонам процесса. С одной стороны, уменьшается объем материально-технического обеспечения университетом учебного процесса современным оборудованием и технологиями, с другой стороны – обеспечивается непрерывное пополнение учебного процесса этим оборудова-

5 Красикова Т.Ю. Образовательный кластер как фактор взаимодействия рынка труда и системы высшего профессионального образования [Текст] / Т.Ю. Красикова // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.). Т. II. М.: РИОР, 2011. С. 54-59.

нием, технологиями и практикой за счет бизнес-структур.

Конечно, идеальным является положение, при котором вузы, адекватно реагируя на происходящие в обществе изменения, следуют за рынком труда, а в ряде случаев — сами его формируют. Это предполагает существенные изменения в деятельности вузовских структур, которые должны позволить обеспечить учебным заведениям более перспективные позиции на рынке образования.⁶

Построение образовательного кластера связано с необходимостью *объединить* в рамках одной (территориальной, функциональной) зоны бизнес-проекты в конкретной образовательной области, фундаментальные

разработки и современные системы проектирования новых технологий, методик, интеллектуальных продуктов и подготовку производства этих продуктов.⁷ Для работодателя-заказчика образовательных услуг образовательный кластер является фабрикой комплексного практико-ориентированного знания, позволяющего определить зоны приоритетных инвестиционных вложений.⁸ Интеграция в образовательном кластере понимается не только как формальное объединение различных структур известной триады «образование — наука — производство», а как нахождение новой формы сопряжения их потенциалов с целью достижения сверхэффекта в решении поставленных задач.⁹

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Административное право / Под ред. Ю.М. Козлова, Л.Л. Попова. 2-е изд. — М., 2006. — С. 34.
2. Зернов В. Высшее образование как ресурс инновационного развития России // Высшее образование в России. — 2008. — № 1. — С.12-22.
3. Красикова Т.Ю. Образовательный кластер как фактор взаимодействия рынка труда и системы высшего профессионального образования [Текст] / Т.Ю. Красикова // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Москва, апрель 2011 г.). Т. II. — М.: РИОР, 2011. — С. 54-59.
4. Лагуткин А.В., Грудцына Л.Ю. Гражданское общество в современной России: проблемы роста // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2013. № 2-3. С. 6-10.

BIBLIOGRAFY

1. Administrativnoe pravo / Pod red. Yu.M. Kozlova, L.L. Popova. 2-e izd. — M., 2006. — S. 34.
2. Zernov V. Vysshee obrazovanie kak resurs innovatsionnogo razvitiya Rossii // Vysshee obrazovanie v Rossii. — 2008. — № 1. — S.12-22.
3. Krasikova T.Yu. Obrazovatel'nyj klaster kak faktor vzaimodeystviya rynka truda i sistemy vysshego professional'nogo obrazovaniya [Tekst] / T.Yu. Krasikova // Aktual'nye voprosy ekonomiki i upravleniya: materialy mezhdunar. zaoch. nauch. konf. (g. Moskva, aprel' 2011 g.). T. II. — M.: RIOR, 2011. — S. 54-59.
4. Lagutkin A.V., Grudtsyna L.Yu. Grazhdanskoe obschestvo v sovremennoy Rossii: problemy rosta // Predstavitel'naya vlast' — XXI vek: zakonodatel'stvo, kommentarii, problemy. 2013. № 2-3. S. 6-10.

6 Лагуткин А.В., Грудцына Л.Ю. Гражданское общество в современной России: проблемы роста // Представительная власть — XXI век: законодательство, комментарии, проблемы. 2013. № 2-3. С. 6-10.

7 Лапыгин Д.Ю., Корецкий Г.А. Контуры регионального образовательного кластера. // Экономика региона. 2007. № 18. С. 25.

8 Карамурзов Б.С. Непрерывное профессиональное образование в университетском комплексе // Высшее образование в России. 2009. № 5. С.27-41; Зернов В. Высшее образование как ресурс инновационного развития России // Высшее образование в России. 2008. № 1. С.12-22.

9 Асадуллин Р.М. Интеграция как новая форма сопряжения образования, науки и практики в регионе // Аккредитация в образовании. 2009. № 32. С. 16-18.

Б.К. ЕСЕНГАЛИЕВА

**ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕРЖАНИЯ ДЕКЛАРАТИВНЫХ И
КОНВЕНЦИОННЫХ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА ПО ЗАЩИТЕ
ПРАВ РЕБЕНКА**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена актуальной проблеме защиты прав несовершеннолетних. Автор дает анализ основных социальных и правовых принципов, касающихся защиты и благополучия детей на национальном и международном уровнях.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дети, родители, государство, права детей, защита прав детей, международное право.

ЕСЕНГАЛИЕВА Б.К. – аспирант кафедры теории и истории права и государства Российской академии адвокатуры и нотариата (tgp_yessengalieva@mail.ru).

B. K. ESENGALIEVA

**The legal description of the content
of the declarative and conventional norms
of international law on the protection
of the rights of the child**

ANNOTATION. The article is devoted to the problem of protecting the rights of minors. The author gives the analysis of the main social and legal principles relating to the protection and welfare of children at the national and international levels.

KEYWORDS: children, parents, the state, the rights of children, protection of children's rights, international law,

ESENGALIEVA B. K. – graduate student of the department of theory and history of law and state of the Russian academy of advocacy and notary (tgp_yessengalieva@mail.ru).

Дети, их благополучие и права не всегда находились в центре внимания, но XX век справедливо можно назвать переломным в решении проблемы защиты прав несовершеннолетних.

Впервые необходимость в специальной охране детей была отмечена в Декларации прав ребенка 1924 г. В утвержденной ООН 1948 г. Всеобщей Декларации прав человека указывается, что дети должны быть объектом особой защиты и помощи. Этот тезис прозвучал в Международном пакте эконо-

мических, социальных и культурных правах (ст. 10), во всенародном пакте о гражданских и экономических правах (в ст.ст. 23 и 24), а также в уставах и соответствующих документах специализированных учреждений и международных организаций, занимающихся вопросами благополучия детей.

В 1959 г. ООН принимает Декларацию прав ребенка¹. Главное ее содержание состояло в том, что «человечество обязано давать ребенку лучшее, что оно имеет». В ней были провозглашены 10 социальных и правовых

1 Всеобщая декларация прав ребенка //Сборник нормативных документов по правам человека. – М., 1994.

принципов, касающихся защиты и благополучия детей на национальном и международном уровнях. Декларация призвала родителей, отдельных лиц, неправительственные организации, местные власти и правительства признать изложенные в ней права и свободы и достоинства. Она оказывала значительное влияние на политику и дела правительств и отдельных лиц во всех частях мира.

Конвенция о правах ребенка от 20 ноября 1989 г. содержит 54 статьи, учитывающие практически все моменты, связанные с жизнью и положением ребенка в обществе. Она имеет равное значение для народов всех регионов мира, которая не только развивает, но и конкретизирует положения Декларации прав ребенка. Конвенция идет дальше Декларации в том, что государства, которые присоединяются к Конвенции, несут юридическую ответственность за свои действия в отношении детей.

Главная идея Конвенции заключается в наилучшем обеспечении интересов ребенка, которые сводятся к основным четырем требованиям, обеспечивающим права детей: выживание, развитие, защита и обеспечение активного участия в жизни общества.

Нормы Конвенции утверждают ряд важных социально-правовых принципов. Основной из них – признание ребенка полноценной и полноправной личностью. Это признание того, что дети должны обладать правами человека по собственному праву, а не как придаток своих родителей или других опекунов. Конвенция утверждает, что свобода, необходимая ребенку для развития своих интеллектуальных, моральных и духовных способностей, требует не только здоровой и безопасной окружающей среды, соответствующего уровня здравоохранения, обеспечения минимальных норм питания, одежды, жилища, но и предоставления всегда этого в первую очередь, всегда в приоритетном порядке, детям.

На основании положения ст.43 Конвенции о правах ребенка был учрежден Комитет ООН

по правам ребенка – это договорной орган, созданный для того, чтобы контролировать соблюдение государствами их обязательств по данному договору. Комитет, состоящий из 10 независимых экспертов, выбираемых государствами-участниками, ежегодно проводит трехмесячные сессии.

Влияние Конвенции о правах ребенка, активно проявляющееся в последние двадцать лет XX в., вызвало потребность в организации движения, объединяющего всех тех, кому небезразлична судьба подрастающего поколения, его интересы и проблемы.

Одним из важнейших международных документов является «Декларация о социальных и правовых принципах, касающихся защиты и благополучия детей, особенно при передаче детей на воспитание и их усыновлении на национальном и международном уровнях», которая была принята резолюцией 41/85 Генеральной Ассамблеи от 3 декабря 1986 года.

Генеральная Ассамблея, ссылаясь на Всеобщую декларацию прав человека, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах, Международный пакт о гражданских и политических правах, Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации и Конвенцию о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, ссылаясь также на Декларацию прав ребенка, которую она провозгласила в своей резолюции 1386 (XIV) от 20 ноября 1959 года, вновь подтверждая принцип 6 этой Декларации, который предусматривает, что ребенок должен, когда это возможно, расти на попечении и под ответственностью своих родителей и, во всяком случае, в атмосфере любви и моральной и материальной обеспеченности, будучи озабочена большим числом детей, оставленных родителями или ставших сиротами в результате насилия, внутренних беспорядков, вооруженных конфликтов, стихийных бедствий, экономических кризисов или социальных проблем, учитывая, что во

всех процедурах передачи детей на воспитание или их усыновления первостепенное значение имеет наилучшее обеспечение интересов ребенка, признавая, что в основных правовых системах мира существуют различные общественно полезные альтернативные институты, такие, как кафала в мусульманском праве, которые предусматривают замену семейной заботы о тех детях, о которых не могут заботиться их собственные родители, признавая далее, что лишь в тех случаях, когда во внутреннем праве государства признан и регулируется какой-либо конкретный институт, будут применяться положения настоящей Декларации, касающиеся данного института, и что эти положения никоим образом не будут затрагивать существующие альтернативные институты в других правовых системах, сознавая необходимость провозглашения универсальных принципов, которые следует принимать во внимание в тех случаях, когда установлены процедуры, касающиеся передачи ребенка на воспитание или его усыновления на национальном или международном уровнях, учитывая, однако, что изложенные ниже принципы не налагают на государства обязательства по созданию таких правовых институтов, как передача на воспитание или усыновление», и провозгласила основные принципы, касающиеся:

- общего благополучия семьи и ребенка;
- передачи детей на воспитание;
- усыновления.

Глобальная информационная и коммуникационная революция открыла новые возможности для участия в развитии и защите прав несовершеннолетних. Эти возможности проявляются в разветвлении Всемирного движения в интересах детей. Голос каждого ребенка, страдающего от бедности, эпидемии, войны и дискриминации, является призывом к действию для Всемирного движения в интересах детей. Движение развернуло акцию «Скажи детям "Да!"», с помощью кото-

рой люди всех возрастов, различных социальных групп и политического положения могли принять участие в решении насущных проблем для создания лучшего мира для детей.

Результаты этой акции были представлены на специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по проблемам детей в Нью-Йорке в мае 2002 г. В ней принимали участие члены правительств 150 стран мира, а также около 3000 представителей международных детских правозащитных организаций. На этой сессии были подведены итоги 11 лет действия Конвенции по правам ребенка. Около 155 стран подготовили доклады о действиях по выполнению положений Всемирной декларации об обеспечении выживания, защиты и развития детей. При подведении итогов были отмечены положительные сдвиги в решении проблем. Вместе с тем участники сессии отметили, что важнейшие проблемы в области защиты прав детей до сих пор остаются нерешенными.

Ежегодно более 10 миллионов детей умирают, хотя в большинстве случаев их можно было бы спасти; 100 миллионов детей все еще не имеют возможности посещать школу; 150 миллионов детей страдают от недоедания; вирус СПИДа среди детей распространяется с катастрофической быстротой. Все еще распространены нищета и дискриминация; социальные службы не получают достаточного финансирования. Миллионы детей по-прежнему страдают от эксплуатации их труда, детской работорговли и других форм злоупотреблений, эксплуатации и насилия. Для успешного решения этих проблем на Генеральной сессии Ассамблеи ООН в мае 2002 года была принята декларация «Мир, пригодный для жизни детей», где определены основные принципы дальнейшего развития системы защиты прав детей во всем мире, а также план действий по ее реализации².

Основные положения декларации можно условно разделить на три группы:

2 The State of the World's Children. Annual Report. – New York, 2002.

1) создание наиболее благоприятных условий на начальном этапе жизни для всех детей (сюда входят проблемы детской смертности, питания, медицинской помощи, развитие системы социальных услуг и т.п.). Особое внимание отводится проблеме ВИЧ-инфицированных детей и профилактике распространения этого вируса среди детей и молодежи;

2) обеспечение качественного базового образования для всех детей;

3) предоставление всем детям, особенно подросткам, возможностей для деятельного участия в жизни их общин (возможности активного участия в жизни общества детей-инвалидов, создание в государствах систем и программ, позволяющих им получать образо-

вание, профессию, посещать общественные места, участвовать в культурной и социальной жизни общества).

Подводя итоги, можно отметить, что в начале XIX века Конвенция о правах ребенка является основополагающим международным документом, регулирующим права детей в современном мире. Что касается встреч на международном уровне — то помимо практической оценки реализации положений Конвенции в тех или иных странах и выработки плана дальнейших действий с учетом актуальных проблем современного общества они выполняют еще одну важную задачу — акцентируют внимание международного сообщества на проблемах защиты прав детей.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Всеобщая декларация прав ребенка // Сб. нормативных документов по правам человека. — М., 1994.
2. The State of the World's Children. Annual Report. — New York, 2002.

BIBLIOGRAFY

1. Universal declaration of the rights of the child//Sb. normative documents on human rights. — M, 1994.
2. The State of the World's Children. Annual Report. — New York, 2002.

А.К. ЖУКОВ

Помощь эмигрантских организаций в решении социальных проблем российских беженцев в Польше

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются проблемы, связанные с помощью эмигрантских организаций в решении социальных проблем российских беженцев в Польше.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эмигранты, военное зарубежье, беженцы, социальные проблемы, казаки, русские военные инвалиды.

ЖУКОВ А. К. – аспирант Московского гуманитарного университета.

A. K. ZHUKOV

Help emigre organizations in solving social problems of the Russian refugees in Poland

ANNOTATION. The article discusses the problems associated with immigrant organizations in solving social problems of the Russian refugees in Poland.

KEYWORDS: immigrants, military abroad, refugees, social problems, the Cossacks, the Russian military invalids.

ZHUKOV A. K. – graduate student of Moscow University for the Humanities

После прибытия в Польшу в 1920-х гг. белоэмигранты стремились найти работу и жилье. На начальном этапе в 1920-е годы многие из них бедствовали и соглашались на любую работу. Для решения стоящих острых социально-экономических проблем белоэмигранты в начале 1920-х гг. создали ряд общественных эмигрантских организаций.¹

Формирование российского военного зарубежья в Польше имело свое отличие от процессов, происходивших в других странах мира. Это было связано с тем, что из России в эту страну прибыли военнослужащие различных категорий. Организацией приема белоэмигрантов в Польше, как уже отмечалось, занимались различные общественные организации, созданные эмигрантами. Эти общественные эмигрантские организации сыграли

серьезную роль в судьбе многих белоэмигрантов. Они встречали и трудоустраивали эмигрантов из России, бывших военнопленных из германских лагерей, решали их насущные проблемы. Деятельность данных эмигрантских организаций под руководством союза эмигрантских организаций в Польше привела к определенным последствиям. Несмотря на постоянные склоки и борьбу за власть, эти эмигрантские организации много помогали казакам, солдатам и офицерам найти работу, жилье, приобщить к общим мероприятиям.

Когда русские эмигранты прибывали в Польшу, ранее бывшей частью Российской империи, они становились для большевиков врагами, но оставались чужими для польского населения. Одной из первых структур такого рода в Польше стал Русский Комитет

1 ГАРФ Ф.Р. – 5854. Оп. 1. Д. 2. Л. 2-3.

в Варшаве (далее РК) с отделением в Ровно. В связи с большим наплывом эмигрантов из России в конце 1918 г. среди беженцев, прибывших в Варшаву, возникла мысль о необходимости создания организации, которая явилась бы представительным органом эмиграции для сношения с польскими властями и одновременно заботилось бы о материальных и культурных нуждах беженцев. 12 февраля 1919 г. польским министром внутренних дел был утвержден Устав «Русского Комитета в Варшаве». Согласно этому Уставу Комитету было предоставлено право охраны юридических интересов российских граждан, проживающих на территории Польской республики, и забота об удовлетворении их материальных, культурно-просветительских и религиозных нужд, а также принятие законных мер по охране имущества отсутствующих соотечественников.

В первый год своей деятельности Комитет, являясь единственным русским учреждением в Польше, исполнял также консульские обязанности, которые прекратились осенью 1919 г., когда в Варшаву прибыла аккредитованная при Польском правительстве Российская дипломатическая миссия во главе с Г. Н. Кутеповым, при ней было открыто консульство.²

Русский Комитет был создан на средства польского правительства. Он перенял традиции Благотворительного общества в Польше, существовавшего в ее русской части до образования независимого государства. РК был зарегистрирован как общественная организация с «неопределенными в своих границах функциями по защите и охране прав русских граждан»³.

Но в польской действительности сотрудникам РК пришлось выполнять более широкие функции по защите и представительству инте-

ресов русских граждан, а также взять на себя функции консульских учреждений. Во главе РК последовательно стояли М.А. Искрицкий, Д.И. Любимов, Д.В. Философов, В.И. Семенов. Большую работу проводили члены Правления Н.Г. Буланов и Н.С. Серебренников, ставший позже председателем Церковного совета, казначеем избирался генерал П.Н. Симанский. В 1920 г. Русский Комитет передал консульские обязанности дипломатической миссии Глобачеву, а благотворительные функции – Красному Кресту.

Русский Комитет занимался вопросами оказания помощи русским эмигрантам-военным. Особенно эффективной для русских военных в Польше была юридическая помощь, оказание которой комитетом позволило более чем 500 человекам остаться в Варшаве, где пребывание русских было ограничено властями. Необходимо отметить, что это не касалось сотрудников Русского Эвакуационного Комитета Савинкова, известного своей антибольшевистской направленностью⁴.

В 1920-1922 гг. были созданы Русский попечительский комитет об эмигрантах, Русский эвакуационный комитет, Народный Союз Защиты Родины и Свободы, Общество юристов-эмигрантов в Польше, Студенческий Союз, Центральное правление русских военных инвалидов-эмигрантов в Польше и другие. В 1923 г. в Варшаве была образована Комиссия из представителей русских организаций для совместного выступления в защиту патриарха Тихона.

В начале 1926 г. Комиссия была преобразована в общество под названием «Союз русских эмигрантских организаций в Польше» и была зарегистрирована в МВД Польши 18 марта 1926 г. Учредителями Союза выступили Русский попечительный комитет об эмигрантах в Польше, Общество юристов-эмигрантов

2 БФРЗ. Ф. 2. Оп. 1. ДК 8-33. С. 35

3 В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – XX в.). М., 2009. С. 217-218.

4 В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – XX в.). М., 2009. С. 219-220.

в Польше, Союз русских военных инвалидов в Польше, Русский дом и другие.

В связи с тем, что после Первой мировой войны и Гражданской войны в России в Польше собралось достаточно много русских военных инвалидов, то эмигрантские организации оказывали им значительную помощь, организовывали сбор средств, ходатайствовали перед польскими властями об оказании им срочной помощи. Так, по всей Польше 9-22 мая 1926 г. был организован первый праздник «Дни Русского инвалида». В ходе различных мероприятий в Польше для нужд военных инвалидов было собрано более 4000 злотых. На них особо отмечалось, что Россия страдает под гнетом большевиков и не помогает своим инвалидам.⁵

С целью консолидации и объединения усилий для оказания социально-экономической помощи белоэмигрантам и проведения идеологической работы в конце 1920-х гг. был образован Союз русских эмигрантских организаций, который оказывал определенную помощь белоэмигрантам в Польше. В Союз входили Русский попечительский комитет в Польше, Общество помощи русским эмигрантам в Польше, Общество юристов-эмигрантов, Общество русских военных инвалидов, Русский дом, Русский благотворительный комитет в Львове и другие.⁶ Союз русских эмигрантских организаций в 1920-1930-х гг. организовал серьезную помощь военным инвалидам и раненым, находившимся в Польше. При поддержке Департамента опеки при Министерстве труда Польши в 1920-1930-х гг. этот Союз регулярно проводил различные мероприятия, где проводился сбор средств на лечение военных инвалидов и раненых. Так, в 1927 г. Союз собрал в ходе одного мероприятия на их нужды 3392 злотых. 160 инвалидам

были назначены ежемесячные пособия по 100 злотых. В 1928 г. в Варшаве были проведены мероприятия, посвященные 100-летию со дня рождения Л. Н. Толстого. На этом благотворительном вечере было собрано около 4 тысяч злотых, которые пошли на помощь русским эмигрантам в Польше.⁷

Все эти мероприятия активно поддерживали председатель польского Союза военных инвалидов Матвеев Л. Т., секретарь польского Союза военных инвалидов Стрекалов Н. А., председатель правления Главного зарубежного союза русских военных инвалидов генерал Баратов Н. Н., заместитель директора Департамента опеки Министерства труда Польши Дворжанчик.⁸

Благодаря активной деятельности эмигрантских организаций правительство Польши обратило внимание на проблемы российских военных инвалидов, находящихся в этом государстве. И с начала 1930-х годов польским руководством им ежегодно стали выделяться субсидии до 70 тысяч злотых.⁹ Это был единственный вид помощи, которая выделялась польским государством для поддержки российских военнослужащих, находившихся в Польше.

Для эмигрантов из России через Лигу наций РПК получил средства на расширение правовой помощи беженцам в других местах их размещения. Эта работа проводилась через местные русские эмигрантские организации и была чрезвычайно важной, поскольку польская администрация в каждом воеводстве и в каждой гмине старалась противодействовать этой работе и вводила собственные порядки. С июля 1924 г. Совещание послов прекратило финансирование работы РПК по правовой защите. Ассигнования в размере 2 тысяч франков стал получать только РПК.

5 ГАРФ Ф.Р. – 5854. Оп. 1. Д. 4. Л. 1 оборот.

6 ГАРФ Ф.Р. – 5854. Оп. 1. Д. 4. Л. 2 оборот.

7 ГАРФ Ф.Р. – 5854. Оп. 1. Д. 4. Л. 14.

8 ГАРФ Ф.Р. – 5854. Оп. 1. Д. 4. Л. 2-3.

9 ГАРФ Ф.Р. – 5854. Оп. 1. Д. 4. Л. 16.

РПК выделял две основные категории русских беженцев в Польше (исключая коренное население). К первой принадлежали репатрианты, прибывшие как легально, так и нелегально. Ко второй – эмигранты: 1) прибывшие легально до 12 октября 1920 г., 2) военные, 3) политические, 4) по экономическим причинам.

Польский Союз русских эмигрантских организаций проводил в 1920-1930-х гг. различные лекции, концерты, лотереи и другие благо-

творительные мероприятия, на которых собирались средства для помощи нуждающимся белоэмигрантам.¹³ Этот Союз объединял деятельность белоэмигрантских организаций по оказанию помощи военным российским эмигрантам. При этом особое внимание уделялось вопросам оказания помощи военным инвалидам.¹⁰

После оккупации Польши немецкими войсками в 1939 г. эти мероприятия были запрещены немцами.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. В поисках лучшей доли. Российская эмиграция в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина XIX – XX в.). М.: Индик, 2009. 335 с.
2. Русская военная эмиграция 20-х-40-х годов. Документы и материалы. Том 1. Так начиналось изгнание. 1920-1922 гг. Книга первая. Исход. М., 1998. 426 с.
3. Библиотека-фонд Русское зарубежье (БФРЗ) Ф. 2. Оп. 1. Д. К. 8-33.

BIBLIOGRAPHY

1. In search of a better life. Russian emigration to the countries of Central and South-Eastern Europe (second half of XIX – XX c.). M. : Indrik, 2009. 335 p.
2. Russian military emigration 20s-40s. Documents and materials. Volume 1 Beginnings exile. 1920-1922,. The first book. Outcome. M., 1998. 426 p.
3. Library Fund Russian Abroad (BFRZ) F. 2 Op. 1 DK 8-33.

С.В. НЕСТЕРОВ

**Уголовно-правовая характеристика
преступлений, связанных с созданием,
руководством либо участием
в вооруженных формированиях,
не предусмотренных федеральным законом**

АННОТАЦИЯ. Российский законодатель впервые выделил в УК РФ отдельную главу 24, содержащую составы преступлений против общественной безопасности. В уголовном праве преступления данной главы подразделяются на различные группы, в том числе преступления, связанные с созданием специальных видов организованных преступных групп и сообществ, объединяют ст. ст. 208, 209, 210. На протяжении веков государство боролось и борется правовыми средствами с преступными организациями. Создание вооруженных формирований, не предусмотренных федеральным законодательством, фактически является потенциальным источником экстремизма, терроризма, массовых убийств и других преступлений. Недостаточно четкая регламентация положений ст. 208 УК РФ приводит к неоднозначности провозглашенных приговоров суда и многочисленным ошибкам при квалификации преступлений, что предопределяет дальнейший анализ данной нормы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: преступление, общественная безопасность, организованные преступные группы, вооруженные формирования, уголовно-правовая ответственность.

НЕСТЕРОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ – аспирант кафедры уголовного права и криминологии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина.

C. C. NESTEROV

**Criminal-legal characteristic of crimes related
to the creation, leadership or participation
in armed formations, not stipulated
by the Federal law**

ANNOTATION. Russian legislator was first identified in the criminal code a separate Chapter containing 24 crimes against public safety. In criminal law the crime of this Chapter are divided into different groups, including crimes related to the creation of special types of organized criminal groups and communities unite Art. Art. 208, 209, 210. For centuries the state has fought and is fighting legal means with criminal organizations. The creation of armed formations not required by Federal law, in fact, is a potential source of extremism, terrorism, mass murder and other crimes. Lack of clear regulation of the provisions of Art. 208 of the criminal code of the Russian Federation leads to ambiguity proclaimed verdicts and numerous errors when classifying crimes that predetermines the further analysis of this provision.

KEYWORDS: crime, public safety, organized criminal groups, armed groups, criminal liability.

NESTEROV SERGEY V. – graduate student of the Department of criminal law and criminology Tambov state University of G.R. Derzhavin.

По своему социальному содержанию общественная безопасность представляет собой одну из высших социальных ценностей, поскольку обеспечивает правовую защищенность прав и свобод человека, интересов общества и государства от различных по своему характеру угроз. Исходя из этого законодатель впервые выделяет раздел о преступлениях против общественной безопасности и общественного порядка в качестве структурного подразделения УК РФ.

По мнению В.С. Комиссарова, общественная безопасность заключается в том, что, отражаясь в общественном сознании, она ассоциируется с уверенностью граждан в защищенности общества и конкретного человека от различного рода опасных посягательств¹. Поэтому низкий уровень общественной безопасности объективно порождает в обществе обстановку психоза, страха, неуверенности и, в конечном итоге, дезорганизацию нормальной жизнедеятельности общества, государства и отдельных граждан².

Преступления данной главы ученые подразделяют по нескольким критериям. Так, например, Д.А. Бадужева считает, что преступления против общественной безопасности можно классифицировать на:

– преступления, связанные с устрашением населения и оказанием воздействия на принятие решения органами власти (ст.ст. 205, 205\ 205.2, 206 УК РФ);

– преступления, связанные с нарушением общественного порядка (ст.ст. 207, 212, 213, 214, 215\ 1 УК РФ);

– преступления, связанные с созданием специальных групп (организаций), не предусмотренных Федеральным законодательством

либо для совершения тяжких и особо тяжких преступлений (ст.ст. 208, 209, 210 УК РФ);

– преступления, связанные с нарушением правил безопасности (ст.ст. 215, 216, 217, 219 УК РФ);

– преступления, связанные с нарушением правил, установленных Федеральным законодательством при обращении с общеперильными веществами и материалами (ст.ст. 218, 220, 222 – 225 УК РФ);

– преступления, связанные с повреждением объектов и имущества, хищением либо вымогательством имущества, а также материалов и веществ, изъятых из свободного гражданского оборота (ст.ст. 215, 215, 221, 226, 227 УК РФ)³.

Следуя данной классификации, отметим, что ст.ст. 208, 209, 210 УК РФ составляют отдельную группу преступлений, связанных с созданием специальных групп (организаций), не предусмотренных Федеральным законодательством, либо для совершения тяжких и особо тяжких преступлений.

В первом ряду этой группы преступлений стоит ст. 208 УК РФ, предусматривающая ответственность за «Организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем». Криминализация организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем была связана с известными событиями в Чеченской Республике и осуществлена в 1995 г. Создание незаконных (независимых) вооруженных формирований представляет серьезную опасность для любого государства, которое стремится сохранить суверенитет над своей территорией. Особенно опасны такие вооруженные формирования были для России середины 90-х годов, так как страна только начала укреплять свою государственность после распада Советского Союза.

1 Курс уголовного права / под ред. Г.Н. Борзенкова и В.С. Комиссарова. Т. 4: Особенная часть. М. ИКД Зерцало-М, – 2002. – С. 171. (435)

2 Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.П. Сундунова, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. – С. 400. (943 с.)

3 Бадужева Д.А. Уголовно-правовая характеристика преступлений против общественной безопасности, связанных с устрашением населения и оказанием воздействия на принятие решения органами власти: дисс. ...канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2010. С. 20.

Исходя из стремления защитить общественную безопасность, в 1996 году законодатель ввел указанную статью в новый Уголовный кодекс Российской Федерации.

Совершенно верно отмечает Ф.Р. Сундуrow, что функционирование независимых от федеральных органов государственной власти вооруженных формирований заключает в себе реальную опасность использования их в сепаратистских, религиозных и других экстремистских целях, осуществления вооруженного насилия в отношении отдельных этнических групп или социальных слоев населения, причинения крупного имущественного ущерба государственным или коммерческим организациям, предприятиям и отдельным лицам. Создание вооруженных формирований, не предусмотренных федеральным законодательством, фактически является потенциальным источником экстремизма, терроризма, массовых убийств и др. Этим и обуславливается весьма высокая общественная опасность организации незаконного вооруженного формирования и участия в нем⁴.

Статья 13 Конституции Российской Федерации запрещает «создание и деятельность общественных объединений, цели или действие которых направлены на создание вооруженных формирований». Прямой запрет на организацию незаконных вооруженных формирований сформулирован также и в Федеральном законе от 3 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне».

Часть 1 ст. 208 УК РФ «Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем» предусматривает ответственность за создание вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным

законом, а равно руководство таким формированием или его финансирование.

Часть 2 ст. 208 УК РФ содержит запрет на участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом, а также участие на территории иностранного государства в вооруженном формировании, не предусмотренном законодательством данного государства, в целях, противоречащих интересам Российской Федерации.

Исходя из смысла терминов, использованных в диспозиции ч. 1 ст. 208 УК РФ, для придания законодателем словосочетанию «вооруженное формирование» обобщающего значения, можно заключить, считает И.О. Смирнов, что формирование (как и «иная группа») – это воинская часть или близкая к ней по своим основным параметрам вооруженная организация. Полагаем, что к таким параметрам следует отнести: количество членов, вооруженность, дисциплина, обмундирование, организованная структура, несение службы, подготовленность и реальная способность к ведению боевых операций⁵.

Рассуждая в этом направлении, В.С. Мальцев справедливо отмечает, что к вооруженным организациям могут быть отнесены, в частности, разного толка экстремистские отряды, вооруженные организации партий, общественных движений, коммерческих структур и т. д.⁶. Добавим, что такой организацией можно считать и банду, так как законодатель не выделяет в диспозиции статьи 208 УК специальной цели создания незаконного вооруженного формирования. Совершенно очевидно, что отсутствие специальной цели затрудняет квалификацию данного преступления, вызывает трудности отграничения преступления, предусмотренного ст. 208 УК

4 Уголовное право России. Особенная часть: учебник / под ред. Ф.Р. Сундуrow, М.В. Талан. М.: Статут, 2012. С. 400.

5 Смирнов И.О. Понятие незаконного вооруженного формирования как признака состава преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1 С. 189 – 192.

6 Мальцев В. С. Ответственность за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем // Российская юстиция. 1999. № 2. С. 44.

РФ, от преступлений, предусмотренных другими статьями УК РФ.

К сожалению, законодатель в ст. 208 УК РФ не раскрывает и каких-либо других признаков, способствующих более точной квалификации преступления. Например, не раскрывается понятие «формирования», нет определения «вооруженности», не указывается минимальное количество членов вооруженного формирования. Эти и другие понятия толкуются учеными, исследующими преступления данной группы.

Так, А.И. Чучаев под формированием понимает объединение, отряд, дружину или иную группу. Незаконное вооруженное формирование является специальным видом организованной группы, поэтому оно должно обладать теми же существенными признаками: устойчивостью, внутренней дисциплиной, распределением ролей и т.п.

Формирование будет считаться вооруженным при наличии у его членов любого оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, достаточных для успешного решения стоящих перед ним задач⁷.

А.В. Павлинов сопоставляет создание незаконного вооруженного формирования с участием в вооруженном мятеже: «в тех случаях, когда вооруженному мятежу предшествовало создание незаконного вооруженного формирования, члены которого затем влились в ряды мятежников, действия виновных следует рассматривать как реальную совокупность преступлений и квалифицировать их по ст. ст. 208 и 279 УК». По его мнению, в незаконном вооруженном формировании признак вооруженности присущ всему формированию (объединению, отряду, дружине или иной группе) в соответствии со штатным расписанием и установленными для него нормами. При

отсутствии оружия у формирования последнее теряет свое предназначение⁸.

Т.М.-С. Магомедов предлагает считать отличительной особенностью незаконного вооруженного формирования от иной вооруженной группы лиц (например, банды, вооруженных рэкетиров или хулиганов) ее способность провести боевую операцию по типу войсковой, на которую не способны банда или вооруженная группа рэкетиров (а не просто нападение на гражданина или организацию)⁹.

Мы полностью согласны с мнением современных отечественных специалистов, что в зоне вооруженного конфликта вначале создаются небольшие разрозненные отряды боевиков. При этом организационная разнородность отрядов дополняется разнородностью и в их вооружении. Наряду с легким стрелковым оружием они имеют и вполне современные переносные зенитные ракетные комплексы, ручные противотанковые гранатометы, безоткатные орудия, минометы. В структуре таких незаконных вооруженных формирований можно, хотя и достаточно условно, выделить следующие элементы: главарь и 1-2 его помощника, выполняющие роль штаба (как правило, подготовленные люди из числа бывших военнослужащих или сотрудников органов внутренних дел), группа охраны руководства формирования, сопровождающая главаря и охраняющая его на стоянках и в базовых районах, группа разведки и сеть разведчиков (последняя формируется в основном из местных жителей, непосредственно не входящих в отряд), связники, специалисты по диверсиям и террору, снайперы и стрелки. Специально назначенные боевики занимаются вопросами обеспечения отряда боеприпасами, продовольствием и другими средствами, а также связью. Если не прини-

7 Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: Учебник / Под ред. проф. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2013. С. 487.

8 Павлинов А. В. Чем незаконное вооруженное формирование отличается от банды // Российская юстиция. 2000. № 4. С. 46

9 Магомедов Т. М.-С. Уголовно-правовые и криминологические проблемы незаконных вооруженных формирований. Дисс. кан. юрид. наук. Махачкала. 2004. 39-54.

маются меры по разоружению этих отрядов, то они сводятся в более крупные формирования, централизуется управление ими, создаются базовые районы, учебные центры и склады, накапливается оружие¹⁰.

По справедливому выражению Т.А. Бекботовой, высокая степень общественной опасности незаконного вооруженного формирования характеризуется различными преступными последствиями. Преступные деяния несут в себе угрозу таким ценностям, как общественная безопасность и порядок, нормальная деятельность органов власти и управления, функционирование на должном уровне хозяйственных объектов – и негосударственных формирований. Деятельность незаконных вооруженных формирований на протяжении всей истории России препятствовала оптимальному развитию институтов государственной власти, нарушала стабильность в обществе, влекла значительные человеческие жертвы и крупный материальный ущерб¹¹.

Следует добавить, что создание и деятельность незаконных вооруженных формирований в постсоветский период на территории Северного Кавказа России приводило к возникновению параллельных нелегальных и властных структур, к развитию очагов сепаратизма, к попыткам вооруженного мятежа в отдельных регионах страны.

Таким образом, только в юридической литературе раскрываются многие отличительные признаки ст. 208 УК РФ от иных, смежных преступных деяний. Приходится констатировать, что недостаточно четкая регламентация положений ст. 208 УК РФ приводит к неоднозначности провозглашенных приговоров суда и многочисленным ошибкам при квалификации преступлений и назначении наказаний.

Вышесказанное ориентирует на проведение комплексных разработок уголовно-правовых положений ответственности за организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем. Для устранения проблем в правоприменительной практике, возникающих при квалификации сходных по объективной стороне преступлений, считаем, что законодателю следует сделать соответствующие пояснения в диспозиции ст. 208 УК РФ.

В ч. 1 ст. 208 УК РФ даются некоторые пояснения в отношении термина «формирование», в том числе отмечается, что это объединение вооруженных людей в виде «группы лиц». Используя определение группы лиц, данное в ст. 35 УК РФ, можем отнести к вооруженному формированию организацию в количестве двух человек, что явно не соответствует сущности и задачам вооруженного формирования. Полагаем, что при определении понятия «вооруженное формирование» можно указать минимальный количественный состав этой организации – несколько десятков человек.

Это предложение поддерживается специальными исследованиями И.О. Смирнова: «Современный отечественный опыт свидетельствует о том, что в зоне вооруженного конфликта вначале создаются разрозненные отряды боевиков численностью до 60-100 человек, вооруженные преимущественно стрелковым оружием (пистолетами, винтовками и автоматами)»¹².

По мнению других исследователей, незаконные вооруженные формирования, не участвующие в активных боевых действиях, имеют «под ружьем» не более 10–20 % личного состава по сравнению со штатом военного времени. Этот штат в различных регионах

10 Бейбулатов Б. Ш. Некоторые вопросы организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем. М., 2001. С. 57

11 Бекботова Т.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2011. С. 17.

12 Смирнов И.О. Понятие незаконного вооруженного формирования как признака состава преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1 С. 189.

неодинаков. Группа насчитывает от 10 до 50 человек; малый отряд — от 50 до 100 человек; средний отряд — от 100 до 500 человек; большой отряд — от 500 до 1500 человек³.

Из приведенной информации специалистов следует, что предложенный нами минимальный состав вооруженного формирования в несколько десятков человек вполне обоснован.

Раскрывая понятие «вооруженности» в редакции статьи, предлагаем указать на то обстоятельство, что члены «вооруженного формирования» должны быть вооружены преимущественно боевым огнестрельным и другими видами оружия.

Мотивы и цели создания, руководства незаконным вооруженным формированием, участия в нем, равно как и цели этого формирования, не являются признаками данного состава преступления. В то же время, как мы отмечали ранее, их установление имеет существенное практическое значение, в том числе для индивидуализации наказания при его назначении, а также для отграничения данного преступления от других преступных деяний. Поэтому мы считаем необходимым указать специальную цель преступления — ведение боевых действий с государственными военизированными организациями.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бекботова Т.А. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2011. 186 с.
2. Жидкова Т.К. К проблеме проявления криминальной активности участников незаконных вооруженных формирований в России на современном этапе. // Евразийская адвокатура. 2013. № 5 (6).
3. Смирнов И.О. Понятие незаконного вооруженного формирования как признака состава преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ // Вестник Владимирского юридического института. 2011. № 1.
4. Уголовное право Российской Федерации. Общая и Особенная части: учебник / под ред. проф. А.И. Чучаева. М.: КОНТРАКТ: ИНФРА-М, 2013. 704 с.

Таким образом, субъективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 208 УК РФ, должна будет характеризоваться прямым умыслом и специальной целью, которую необходимо закрепить в редакции данной статьи. Указание такой цели в ст. 208 УК РФ позволит избежать ошибок при квалификации данного преступления.

Исходя из вышеизложенного, мы предлагаем новую формулировку ч. 1 ст. 208 УК РФ — «Создание, либо финансирование незаконного формирования (объединения, отряда, дружины или иной организованной группы не менее нескольких десятков человек), вооруженного преимущественно боевым огнестрельным и другими видами оружия, а равно руководство таким формированием с целью ведения боевых действий с государственными военизированными организациями».

Считаем, что предложенные дополнения редакции ст. 208 УК РФ (указание цели преступления, уточнение понятий вооруженного формирования и вооруженности) позволит отличить незаконное вооруженное формирование от других разновидностей вооруженных преступных групп и объединений, будет способствовать назначению справедливого наказания преступникам.

BIBLIOGRAPHY

1. Bekbolova T. A. Criminal law and criminological characteristics of the organization of an illegal armed formation or participation in it: dis....cand. jurid. Sciences. M., 2011. 186 C.
2. Zhidkov Because To the issue of the criminal activity of members of illegal armed formations in Russia at the present stage. // Eurasian advocacy. 2013. No. 5 (6).
3. Smirnov Acting Notion of an illegal armed formation as a characteristic of the crime, Art. 208 of the criminal code of Russia // Bulletin of Vladimir juridical Institute. 2011. No. 1.
4. Criminal law of the Russian Federation. General and Special parts : the Textbook / Under the editorship of Prof. A. I. Chudaeva. M: CONTRACT: INFRA-M, 2013. 704 S.

13 Жидкова Т.К. К проблеме проявления криминальной активности участников незаконных вооруженных формирований в России на современном этапе // Евразийская адвокатура. 2013. № 5 (6). С. 94-96.

О.Н. САВОСТЬЯНОВА*

Понятие специализированного группового профессионального правосознания присяжных поверенных (историко-правовое исследование XIX–XX вв.)

АННОТАЦИЯ. В статье раскрыто понятие специализированного группового правосознания дореволюционных адвокатов – присяжных поверенных, выявлены характерные особенности присяжных поверенных как социально-профессиональной группы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: специализированное профессиональное групповое правосознание, присяжные поверенные, социально-профессиональная группа.

САВОСТЬЯНОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА – аспирантка РАОН (osavost@yandex.ru)

O.N. SAVOSTYANOVA*

The concept of a specialized group of the professional jurors Attorneys (historical and legal research end of XIX–XX c.)

ANNOTATION. The article the concept of a specialized group of the legal consciousness of pre-revolutionary lawyers – barristers, revealed the characteristic features of barristers as socio-professional group.

KEYWORDS: The specialized professional group of justice, barristers, social-professional group.

SAVOSTYANOVA OLGA – graduate student of RAAN (osavost@yandex.ru).

В юридической научной литературе профессиональной деятельности дореволюционных адвокатов – присяжных поверенных посвящено множество работ дореволюционных авторов (Е.В. Васьковского, М.М. Винавера, И.В. Гессена, М.Н. Гернета, П.В. Макалинского и др.), советских ученых (например, Н.В. Черкасовой), современных правоведов (М.Ю. Барщевского, С.И. Володиной, А.П. Галоганова, Г.Б. Мирзоева и др.).

Однако не выявлено ни одной работы, посвященной историко-правовому анализу правосознания присяжных поверенных и всестороннему исследованию условий, при которых происходило его формирование.

Между тем, в данной статье мы попытаемся

составить представление о присяжных поверенных как о социально-профессиональной группе, а также дать определение специализированного группового правосознания присяжных поверенных, выявить его место в структуре общественного правосознания.

Впервые понятие «профессионального сознания юристов» было дано советским ученым 80-х годов Н.Я. Соколовым. По мнению Н.Я. Соколова, в строго научном смысле под профессиональным правосознанием может пониматься только правовое сознание, носителем которого являются юристы, профессионально занимающиеся юридической деятельностью. Что касается других профессиональных групп, то оно определяется спецификой их профессий. Например,

можно говорить о правосознании учителей, журналистов, но нельзя утверждать, что оно профессиональное¹.

Таким образом, при определении сущности правосознания присяжных поверенных мы будем исходить из того, что оно, как и правосознание юристов, является одним из видов профессионального группового сознания, что, во-первых, обусловлено специальной образовательной и практической подготовкой представителей данной социальной группы, а, во-вторых, характером их профессиональной деятельности, которая является юридической.

В частности, одним из условий для приема в адвокаты было наличие у просителя высшего юридического образования.

Временные правила от 19 октября 1865 г. (действовавшие до 1871 г.) допускали принятие в адвокатуру лиц без высшего образования, однако до революции случаи поступления в сословие адвокатов таких лиц были крайне редки. Например, в Москве процентное соотношение лиц, принятых на основании облегчительных правил без требуемого образования, не превышало 7,07 %. А Харьковский окружной суд за время своего функционирования в качестве Совета (с 16 ноября 1867 – 19 мая 1874 г.) принял всего трех человек без высшего юридического образования².

Образовательная подготовка присяжных поверенных происходила в высших учебных заведениях – университетах. Университетский устав от 1863 г. предусматривал в составе юридического факультета

тринадцать кафедр, на которых преподавались такие дисциплины, как: энциклопедия права, история важнейших иностранных законодательств, древних и новых, история русского права, история славянских законодательств, римское право, государственное право, гражданское право и гражданское судопроизводство и судоустройство, уголовное право и уголовное судопроизводство и судоустройство, полицейское право, финансовое право, международное право, политическая экономия и статистика, церковное законоведение³.

Народившееся сословие русских юристов, отмечал Г.Г. Тельберг, представляло собой в российском культурном обществе тот слой, которой и по своей специальной подготовке, и по своей профессиональной деятельности приспособлен был и призван был интересоваться и откликаться на текущие вопросы юридической науки, вчитываться со вниманием и пониманием в развернутую перед ним научную книгу, оценить, усвоить и даже переработать в ней научный результат⁴.

Следует отметить, что некоторые видные представители сословия присяжных поверенных были выдающимися учеными. Например, блестящим теоретиком права был видный дореволюционный адвокат – автор Учебника по уголовному праву В.Д. Спасович. Большим вкладом в дореволюционную науку стала разработанная им теория судебно-уголовных доказательств, теория взлома и др.⁵ А.С. Гольденвезер был автором множества работ в области правоведения⁶. А.Я. Пассовер перед приходом в адвокату-

1 Соколов Н.Я. Профессиональное правосознание юристов / отв. ред. Лукашева Е.А. М.: Наука, 1988. С. 10, 11.

2 История русской адвокатуры. Сословная организация адвокатуры. Т. 2 / под редакцией М.Н. Гернет. 1864 – 1914. М.: Советские присяжных поверенных, 1916. С. 188.

3 Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80 х гг. XIX в.): Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2013. С. 10, 61, 62.

4 Цит. по: Томсинов В.А. Указ. соч. С. 7.

5 Русские судебные ораторы в известных уголовных процессах XIX века / сост. Потапчук И. Тула.: Автограф, 1997. С. 802-803.

6 Об А.С. Гольденвезере писал, например, О.И. Лещь в кн. История русской адвокатуры. Сословная организация адвокатуры. Т. 2. С. XIX-XXI.

ру готовил себя к профессорскому званию. Из-за огромной эрудиции его называли адвокатом-ученым⁷.

Другим важным условием для вступления в сословие адвокатов было наличие практического опыта занятия судебной практикой⁸.

Представление о профессиональном групповом сознании присяжных поверенных было бы не полным без краткой характеристики данной профессионально-юридической группы, ее места в социальной структуре общества.

На присяжных поверенных в полной мере распространяется признак интеллигенции, выделяющей ее в качестве особого слоя, поскольку их место в общественной организации труда — профессиональная занятость умственным трудом⁹. В частности, один из составителей фундаментального труда «История русской адвокатуры» Я.Л. Берман писал: «По существу, адвокатура, как профессия, значительно отличается от многих других профессий. Особые условия, какими обставляется возможность занятия ею, ставят ее в особое положение интеллигентного труда»¹⁰.

Что касается выявления специфики профессионального группового правосознания, то определяющее значение здесь имеют характер и содержание труда.

Так, внутри правового сознания юристов выделяется специализированное правосозна-

ние судей, следователей, нотариусов, адвокатов и др. Например, в своем исследовании, посвященном профессиональному сознанию адвокатов, А.В. Клишина подчеркивает, что современные адвокаты являются носителями профессионального правосознания, определяемого оказанием квалифицированной юридической помощи¹¹.

В современном понимании право на юридическую помощь не сводится только к помощи адвоката в судопроизводстве, оно значительно обширнее (статья 2 Федерального закона "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации")¹². Юридическая помощь, замечает А.В. Клишина, может потребоваться в любой жизненной ситуации¹³. Исходя из положений пункта 3 статьи 2 указанного закона адвокат вправе оказывать любую, не запрещенную федеральным законом юридическую помощь.

В связи с этим отметим, что институт адвокатуры в России вводился в ходе судебной реформы 1864 г. не в качестве самостоятельного элемента, а в качестве элемента новой судебной системы (в целях совершенствования правосудия — обеспечения принципа состязательности в уголовном процессе и равноправия сторон в гражданском процессе), поэтому в Судебных Уставах присяжные поверенные именовались, как судебные представители¹⁴.

7 Ляховецкий Л.Д. Характеристика известных русских судебных ораторов с приложением избранных речей каждого из них. СПб.: Центр. Типо-Литогр. М.Я. Минкова, 1897. С. 203.

8 Условия для поступления в число присяжных поверенных были предусмотрены статьями 354 и 355 Учреждения судебных установлений. См.: Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные государственной канцелярией: Ч. 1. 2-е изд., доп. СПб., 1867. С. 218, 219.

9 О положении профессиональных юристов в социальной структуре общества см.: Соколов Н.Я. Указ. соч. С. 13.

10 История русской адвокатуры. Т. 2. С. 1.

11 Клишина А.В. Профессиональное правосознание адвокатов (теоретико-правовое исследование): автореф. дис.... канд. юрид. наук: 12.00.01. М.: Рос. гос. социал. ун-т, 2008. С. 16.

12 Федеральный закон от 31 мая 2002 г. N 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" // Российская газета. 2002. N 100. 5 июня.

13 Клишина А.В. Указ. соч. С. 16.

14 Определение присяжных поверенных было дано в ст. 353 Учреждения судебных установлений. См.: Учреждение судебных установлений. Свод законов, правил, распоряжений и разъяснений, относящихся до учреждения судебных установлений и судебного управления / сост. С.Г. Громачевский. СПб.: Изд. юрид. книжн. маг. Н.К. Мартынова, 1897. С. 200.

В то же время от присяжных поверенных следует отличать других лиц, занимавшихся до революции судебным представительством, например, частных поверенных. Так, правосознание присяжных поверенных обладало развитым когнитивным компонентом и находилось на качественно более высоком уровне. Знания присяжных поверенных в области права были значительно полнее и глубже, в отличие от других судебных представителей, что было обусловлено высоким уровнем образовательной подготовки, а также строгими формальными и нравственными критериями, установленными для вступления в ряды присяжных поверенных¹⁵.

Вместе с тем, как показало время, на практике профессиональная деятельность присяжных поверенных далеко не исчерпывалась только защитой интересов доверителей в суде.

Присяжные поверенные оказывали и другие юридические услуги местному населению, например, занимались ведением наследственных дел¹⁶.

В настоящее время по характеру преобладающих видов юридической помощи и способов правовой защиты принято выделять судебную адвокатуру и адвокатуру бизнеса — помощь адвоката своим доверителям — предпринимателям и коммерческим организациям в грамотном оформлении договорных отношений, разрешении преддоговорных споров¹⁷.

До революции также И.В. Гессеном упоминается об адвокатах, выступающих в качестве

поверенных капиталистических железнодорожных предприятий, фабрик и заводов¹⁸.

Начиная с 1870 г. стали возникать первые юридические консультации, построенные на принципах благотворительности, целью которых было разъяснение невежественному народу их прав¹⁹. Однако данные консультации возникли в качестве опыта. Их деятельность регулировалась только на корпоративном уровне, в законодательстве же правовой статус таких консультаций был не определен.

Таким образом, в сравнении с современной адвокатурой мы не можем рассматривать профессиональную деятельность присяжных поверенных в широком смысле слова как «оказание квалифицированной юридической помощи».

Как думается, с точки зрения социологического подхода — принадлежности к одной из профессиональных групп, присяжные поверенные — это общность людей, занимающихся судебным представительством и ведением дел тяжущихся, обвиняемых и других лиц на профессиональной основе и обладающих юридической образовательной и практической подготовкой.

С учетом вышесказанного правосознание присяжных поверенных можно определить как одну из коллективных форм специализированного правового профессионального сознания, выступающую как система правовых взглядов, чувств, убеждений, ценностных ориентаций и других структурных образований общности людей, занимающихся

15 Например, в Комментариях к ст. 354 Учреждения судебных установлений С.Г. Громачевский указывает, что строгость требований, предъявляемых в выборе лиц, которые могут быть допущены в сословие присяжных поверенных, обуславливается целью водворения между присяжными поверенными чувства правды, чести и сознания нравственной ответственности перед правительством и обществом. См.: Учреждение судебных установлений. Свод законов, правил, распоряжений и разъяснений, относящихся до учреждения судебных установлений и судебного управления. С. 201.

16 В частности, в Центральном государственном архиве Москвы, в фонде 135 «Присяжный поверенный И.С. Курилов» было обнаружено дело об утверждении в правах наследства Соколова А.А. на имение в сельце Хворостино Волоколамского уезда (в деле имеются документы: купчая, родословная, формулярный список о достоинствах поручика Соколова, свидетельство о смерти, план-чертеж дома и земельного участка и др.). См.: ЦГАМ. Ф. 135. Оп. 1. Д. Л. 3, 4, 9, 10, 11, 12, 13, 50, 69, 117.

17 Клишина А.В. Указ. соч. С. 16.

18 История русской адвокатуры. Т. 1. С. 309.

19 История русской адвокатуры. Т. 1. С. 308, 309.

судебным представительством и ведением дел тяжущихся, обвиняемых и других лиц на профессиональной основе, обладающих специальной юридической образовательной и практической подготовкой.

Нельзя не отметить, что в последнее время отмечается рост числа научных работ и публикаций, посвященных исследованию проблем правосознания. Полагаем, что любое исследование в этом направлении будет актуальным постольку, поскольку оно способствует повышению правовой культуры его носителей.

В частности, исследование факторов формирования правосознания присяжных поверенных вполне позволит выявить методы совершенствования правосознания современных адвокатов.

Так, по мнению С.С. Юрьева, объектом отражения правового сознания могут быть не только действующее право, не только существующие в данный момент правоотношения, но право и общественные отношения иных исторических эпох. Субъекты отража-

ют в своем сознании право и общественные отношения, имевшие место в прошлом²⁰.

Для понимания сущности правосознания большое значение имеет исследование его структуры. Состав, природа компонентов профессионального сознания во многом определяют его свойства и особенности как целостной системы, а также его функционирование и развитие²¹.

Как представляется, в дальнейших исследованиях необходимо сосредоточить внимание на таких важнейших компонентах профессионального группового правосознания присяжных поверенных, как: правовая психология и правовая идеология, уровни правосознания, его функции.

* **Научный руководитель:** *Юрьев Сергей Сергеевич* — доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории права и государства РААН.

* **Supervisor:** *Yriev S.S.* — doctor of jurisprudence, professor of department of the theory and history of the right and state of RAAN.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. История русской адвокатуры. Словосочинение адвокатуры. Т. 2 / под редакцией М.Н. Гернет. 1864 – 1914. М.: Советы присяжных поверенных, 1916. 409 с.
2. Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны, изданные Государственной канцелярией. Часть первая. 2-е изд., доп. СПб., 1867. 567 с.
3. Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в эпоху «великих реформ» (60-е – начало 80-х гг. XIX в.): Учебное пособие. М.: Зерцало-М, 2013. 300 с.
4. Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 63-ФЗ "Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации" // РГ. 2002. № 100. 5 июня.
5. Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 368 с.
6. ЦГАМ. Ф. 135 (Присяжный поверенный Курилов И.С.).

BIBLIOGRAPHY

1. History of Russian lawyers. Representation of body of the legal profession. T. 2 / edited by MN Gernet. 1864 – 1914. M.: Tips barristers, 1916. 409 p.
2. Legal statutes November 20, 1864, outlining the arguments of which are based on published by the State Chancellery. Part one. 2nd ed., Ext. SPb., 1867. 567 p.
3. Tomsinov V.A. Legal education and law in Russia in the era of the "great reforms" (60 th – early 80's. XIX c.): Manual. M.: Mirror M, 2013. 300 p.
4. The Federal Law of May 31, 2002 N 63-FZ "On Advocacy in the Russian Federation" // Rossiyskaya Gazeta. 2002. N 100. June 5th.
5. Yriev S.S. Legal status of national minorities (theoretical and legal aspects). 2nd ed. M.: Editorial URSS, 2000. 368 p.
6. TSGAM. F. 135 (Barrister Kurilov I.S.).

20 Юрьев С.С. Правовой статус национальных меньшинств (теоретико-правовые аспекты). 2-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 26-27.

21 Соколов Н.Я. Указ. соч. С. 69.

А.П. АЛЬБОВ

Морфологические уровни как инструмент изучения права

АННОТАЦИЯ: Во второй статье, посвященной анализу понятия права, показано, что под общей концепцией права понимается система взаимообусловленных понятий, обозначающих разнообразные правовые явления. В статье показывается неприемлемость для науки философия и теория права произвольного усмотрения при выборе понятий и категорий. Показано также, что дать понятие в науке, это не описать единичные явления. При исследовании понятия «права» и его «ядра» используется многоуровневая морфологическая система в качестве инструмента общего изучения права, предложенная шведским ученым Åke Frändberg (Эке Фрэндберга). Концепция права рассматривается через призму антропоцентризма, так как именно посредством права человек контролирует власть и правовую идеологию путем преобразования ее в полномочие.

ВЫВОД: Право и мораль имеют общее целеполагающее направление, так как формируют некий стандарт, по которому мы судим о правопорядке.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: философия права, шведская философия права, морфология права, правовая идеология, правовой стандарт, ядро права, сущность права, норма права.

АЛЬБОВ АЛЕКСЕЙ ПАВЛОВИЧ – заведующий кафедрой «Теории и истории государства и права» Финансового университета при Правительстве РФ, доктор юридических наук, профессор (aap62@yandex.ru).

A.P. ALBOV

Morphological level as a tool study of law

ANNOTATION: In the second article devoted to the analysis of the concept of law, it is shown that under the general concept of law implies a system of interrelated concepts denoting various legal phenomena. The paper shows unacceptable for science philosophy and theory of law arbitrary discretion in the choice of concepts and categories. It is also shown that the concept of give in science, it does not describe a single phenomenon. In the study of the concept of "rights" and its "core" is used multilevel morphological system as a tool for the general study of law proposed by the Swedish scientist Åke Frändberg (Eke Frändberga). In the concept of law is viewed through the prism of anthropocentrism as it is by human rights monitors power and legal ideology by transforming it into a proxy.

CONCLUSION: Law and morality have a common goal-direction, as forming a standard by which we judge the rule of law.

KEYWORDS: philosophy of law, philosophy Swedish law, the morphology of the law, legal ideology, the legal standard, the core rights, the essence of law, the rule of law.

AL'BOV A.P. – Head of department "Theory and history of state and law" Financial University under the Government of the Russian Federation, doctor of jurisprudence, professor (aap62@yandex.ru).

Окончание. Начало см. №3(34) 2014.

Хорошо известны многочисленные попытки в теории права дать отражение в понятиях, дефинициях, категориях наиболее общие свойства, признаки, качества различных социальных процессов, явлений и институтов, некоторые берутся трактовать такие понятия, как «воля», «свобода», «познание», «практика». Сразу скажем, что полученное таким образом определение предмета — это не понятие, и к науке это не имеет отношения. Почему? Потому что если бы мы имели дело с понятием, то оно должно служить исходным пунктом дефиниции предмета, потому что дефиниция уже есть суждение. Обобщая предшествующую научную мысль, Гегель резюмирует: «... и вообще само понятие науки, причем это понятие составляет ее конечный результат: она поэтому не может заранее сказать, что она такое, лишь все ее изложение порождает это знание о ней самой как ее итог (Letztes) и завершение. И точно так же ее предмет, мышление или, говоря определеннее, мышление, постигающее в понятиях, рассматривается по существу внутри нее; понятие этого мышления образуется в ходе ее развертывания и, стало быть, не может быть предпослано». [2, С.2]

Вот в том и состоит наивность современно-теоретизирования, что оно слишком много пишет о понятии, в том числе и о понятии права, но что такое понятие и какова его природа, мало кто усвоил, хотя работа «Наука логики» в полном объеме отвечает на это вопрос, потому что излагает в снятом виде весь предшествующий духовный опыт человечества в этом пункте. Ведь, если стоять на позициях науки, то необходимо избавиться от субъективных представлений и субъективных мнений в самой науке и через содержание получить объективное понятие исследуемого предмета. И в этом случае оно будет одно. И двух понятий быть не может. Но единое понятие не исключает того, что осознание, освоение и развитие этого понятия проходит бесконечное множество фаз, формаций, изменений. Узнав, что

такое “право”, мы можем установить то, чем отличается право от других социальных регуляторов. Значит, не будет смешения разных форм духовной деятельности, разных дисциплин, разных предметов. Назначение любой научной деятельности состоит в том, чтобы избавить человечество от простого повторения исторического развития и не заниматься бесконечным начетничеством, цитируя по своему усмотрению понравившегося автора и понравившуюся мысль, приспособлявая свое умозаключение к «текущему моменту».

Суть духовной деятельности состоит в том, чтобы при научном рассмотрении высшее в развитии предмета сделать основанием для рассмотрения его самой первоначальной и примитивной формы. Ход научного исследования — обратный ходу исторического развития самого предмета. Высшая степень предмета должна оказаться предпосылкой и исходным пунктом для объяснения начала и исторического движения этого предмета. Необходимо рассмотреть все исторические ступени развития понятия “права”, “государства”, но не во внешней — а внутренней связи, поэтому необходимо сломать традиционный способ апеллирования к догматам. Ведь какой бы предмет или явление мы ни пытались познать, понятие, в конечном счете, является результатом процесса познания этого предмета. [4]

Понятие правовой нормы более очевидно, чем понятие правового источника. Правовая норма — это не самое очевидное при обращении к правовому источнику, как полагал Росс: «совершенно объективированный вид источников права» — законодательство.

По Россу, степень объективации правового источника определяется способностью дать судье готовую формулировку правового правила. Ибо для вынесения решения по конкретному делу согласно действующему законодательству приняты такие отрывочные единицы, как правовые положения, которые приходится связывать для создания «готовой формулировки правила» по данно-

му делу. При этом в том, что касается решений суда — прецедентов, а также обычаев в отношении качества правового источника, мы вообще не располагаем никакой нормой (т.е. даже в отрывочном состоянии).

Когда мы утверждаем, что норма с определенным содержанием «заложена» в текст или практике, мы должны представить доводы в пользу такого утверждения, а критерии соответствия при аргументации такого рода заведомо расплывчаты и носят субъективный характер.

Поэтому говоря, например, о правовых системах как рядах правовых норм, мы вставем на определенный уровень отвлеченности, а именно: правовые нормы понимаются как извлеченные из своих источников, объективированные и до некоторой степени систематизированные правила поведения.

Пожалуй, уместно говорить о том, что положения действующего законодательства дают формальные или морфологические модели правовых норм в целом. Это означает, что всякая правовая норма, извлеченная из правовых источников, не относящихся к действующему законодательству, может быть сформулирована как положение действующего законодательства — будь то принцип или статья действующего законодательства.

Э. Фрэндберг исходя из понимания морфологических уровней как инструмента общего изучения права ставит вопрос о «правовой норме», отмечая, что понятие правовой нормы не более фундаментально, чем понятие правовой позиции в вышеуказанном смысле (1), поскольку правовые позиции это «более мелкие единицы». Но правовая норма более фундаментальна, чем правовая позиция в смысле (2), поскольку последняя определяется через первую. Наименьшими общими знаменателями, следовательно, должны быть правовые позиции, которые представляют собой логические заключения из правовых норм. В качестве отправной точки при логическом выводе правовой позиции необходима «составная правовая норма», т.е. норма,

соединяющая две или несколько норм, и ряду оперативных фактов можно выводить приговоры, выражающие правовые позиции. Например:

Всякий, кто арендует дом, обязан уплачивать арендную плату в предусмотренный срок, некто арендует дом у хозяина, и предусмотренный срок наступил, арендатор обязан уплатить арендную плату хозяину дома, следовательно, последний факт выражает правовую позицию.

Надо отметить, Э. Фрэндберг, делит морфологический уровень еще на два подуровня[10, С.11]:

I.A Микроуровень правовых позиций,

I.B Макроуровень правовых позиций, где I.A является более фундаментальным (в смысле (1)), чем I.B. Правовые позиции, входящие в I.A, считаются наименьшими общими знаменателями права.

Это разграничение основано на идее о том, что существуют неделимые позиции — или права — и что все прочие позиции — или права — представляют собой сочетания таких неделимых позиций.

Неделимые позиции входят в микроуровень правовых позиций, а сочетания относятся к макроуровню.

Так, например, знаменитые восемь фундаментальных юридических отношений Хофельда (право, долг, неправое, привилегия, власть, ответственность, неспособность, неприкосновенность) входят в микроуровень, равно как и права простого вида у Кангера (требование, свобода, власть, неприкосновенность, встречное требование, встречная свобода, встречная власть, встречная неприкосновенность), а 26 прав «атомарного» вида входят в макроуровень.

Например, моя собственность на машину (сложная позиция, входящая в I.B) включает наряду с прочими фундаментальными позициями право Хофельда (или требование) относительно того, чтобы люди воздерживались от пользования моей машиной без моего разрешения, неприкосновенность в плане

продажи без моего разрешения. Право атомарного вида (по терминологии Кангера) — «Х имеет против Шведского государства право на то, чтобы рукопись, написанная Х, была опубликована в Швеции» — это сочетание власти, неприкосновенности, встречной власти и встречной неприкосновенности. [15.С. 85–115]

Уровень II также делится на два подуровня:

II.A Микроуровень правовых норм.

II.B Макроуровень правовых норм (или уровень правовой системы), где II.A более фундаментально (в смысле (1)), чем II.B.

Начнем с II.A. Первый уровень можно рассматривать как отношение между разными элементами, и микроуровень правовых норм состоит из таких элементов и их взаимоотношений. Поскольку существуют различные виды правовых норм, существуют и различные виды микроуровней. Задача морфологического исследования права заключается в реконструкции таких микроуровней. Один из способов выполнения этой задачи состоит в составлении Стандартной формы по каждому виду правовой нормы.

В качестве примера Э. Фрэндберг берет норму гражданского права.

(n) Если продавец в связи с отсрочкой со стороны покупателя понес расходы по надлежащему хранению товара, покупатель должен уплатить, компенсацию по этим расходам можно разделить на такие элементы, как

(1) требуемое(ые) «в связи с отсрочкой со стороны покупателя продавец понес расходы по надлежащему хранению товара»;

(2) правовое следствие «покупатель должен уплатить компенсацию по этим расходам», а правовое следствие со своей стороны на:

(3) нормативную модальность «должен»

(4) тему нормы: «покупатель уплачивает компенсацию по этим расходам»

п есть норма, обращенная к гражданам (продавцам и покупателям). Но если покупатель не выполняет свое обязательство, продавец может передать дело на рассмотрение в суд. Если судья принимает иск продавца в

отношении п, то его последующие фактически действия предусматривают применение обращенной к судье нормы п, которая составляет некое неписанное встречное по отношению к п.

(п) если продавец в связи с отсрочкой со стороны покупателя понес расходы по надлежащему хранению товара и продавец совершает РА [определенные надлежащие процедурные действия], то судья должен вынести решение о том, что покупатель должен уплатить компенсацию по этим расходам.

п' можно разделить на такие элементы, как (1') требуемое(ые) «в связи с отсрочкой со стороны покупателя продавец понес расходы по надлежащему хранению товара»;

(2') внешнее правовое следствие «судья должен¹ вынести решение о том, что покупатель должен уплатить компенсацию по этим расходам»;

а внешнее правовое следствие со своей стороны на

(3') внешнюю нормативную модальность «должен»

(4') внешнюю тему нормы: «судья выносит решение о том, что покупатель должен уплатить компенсацию по этим расходам.»

Внешняя тема нормы состоит из:

(5') действенного компонента: «судья выносит решение о том, что»

(6') внутреннего правового следствия: «покупатель должен уплатить компенсацию по расходам».

5' называется действенным компонентом, поскольку при вынесении судьей решения по определенной правовой позиции, создается эта правовая позиция.

И, наконец, внутреннее правовое следствие состоит из

(7') внутренней нормативной модальности «должен»

(8') внутренней темы нормы: «покупатель уплачивает компенсацию по расходам»

Компоненты (1) — (4) и (1') — (8') дают нам общую Стандартную форму для двух

видов регулирующих правил действий, представленных как n и n' . (Осложненным элементом правовых норм является, кроме того, обусловленное отношение («если ... то») между требуемым(и) и правовым следствием.

Правовую выгоду можно рассматривать как отношение между разными рядами правовых норм, где каждый ряд содержит нормы особого вида. Правовая система располагается на макроуровне правовых норм.

Конечно, правовые нормы можно классифицировать с самых разных точек зрения. В правовой догматике по вполне естественным причинам преобладают классификации по содержанию правил.

Однако с морфологической точки зрения такие классификации не представляют интереса.

Здесь важны структурные и технические свойства правил. Среди известных систематизаций такого рода, напр. Stufenbau (ступенчатая конструкция) Кельзена и принятое у Харта разграничение на первичные и вторичные правила, а в последней категории — на правила признания, изменения и суждения.

Своды законов дают нам широкий диапазон базовых данных для классификаций (см. напр. выше о положениях действующего законодательства как моделях правовых норм в целом). Так, например, даже поверхностное изучение законодательных актов показывает, что не все нормы одинаково существенны, некоторые имеют скорее редакционный и даже косметический характер. С этой точки зрения можно провести разграничение на элементарные и дополнительные нормы со следующими подразделениями:

1. Элементарные нормы

А. Регулирующие нормы действий

1. Обязательства

2. «Нормы по типу следует» — /рекомендательные/

3. Решения

4. Запреты

В. Нормы обоснованности

1. Нормы компетенции

2. Нормы формальных предписаний

II. Дополнительные нормы

А. Правовые определения (квалификационные нормы)

В. Законченные манифесты

С. Справочные/эталонные нормы.

Смысл понятия «регулирующие нормы действий» представляется мне достаточно ясным в данных обстоятельствах. Однако категория «нормы по типу следует», несомненно, требует пояснений. Эти нормы «слабее», чем обязательства, но «сильнее», чем разрешения — например: «Заключенным следует предоставлять возможность заниматься спортом».

Таким образом, элементарные нормы составляют значительную часть действующего законодательства. Их можно даже рассматривать как необходимые для всякой развитой правовой системы.

Э. Фрэндберг выделяет также уровень правового порядка — это ряд упорядоченных пар $\langle S, O \rangle$, где S — правовая система, а O — организация, так что

(i) нормы S составляют O

(ii) функция O заключается (главным образом) в использовании норм S (т.е. задача представителей O заключается в использовании норм S)

(iii) функция S в совокупности заключается в исчерпывающем регулировании социальной жизни в ее фундаментальных сферах.

(iv) определенная часть O выполняет функцию разрешения частных споров в соответствии с нормами в S и отправления позиции по обвинениям и невыполнению обязательств или запретов (т.е. судов)

Характерными компонентами правовых организаций являются суды, законодательные органы, Коллегия адвокатов и прокуратура, полиция и исполнительные органы.

Точно так же, как отношения мужа и жены или продавца и покупателя можно рассматривать правовые позиции (их базовый ряд),

дедуктивно создаваемые из правовых норм. Официальный представитель — это ряд правовых позиций.

Очевидно, что право это более широкое понятие, чем правовой порядок. Определенные правовые явления являются внешними по отношению к правовому порядку, хотя безусловно связаны с ними как правовые.

Задача сознания общей концепции права предусматривает охват всех возможных правовых явлений. Так какие же явления не учтены на предшествующих уровнях?

Существует нечто, что можно назвать идеологией правового порядка — или даже правовой культурой, присущей правовым порядкам. Содержание такой идеологии — или культуры — несомненно, столь же разнообразно, как и сами правовые порядки как в исторической, так и в географической перспективе. Этот феномен должен войти в общую концепцию права и рассматриваться как отношение между правовым порядком и его идеологией.

Таким образом, общая концепция права — это ряд упорядоченных пар $\langle L, I \rangle$, где L есть правовой порядок, а I — идеология L .

Теперь возникают два вопроса: (1) Что содержится в идеологии I ? (2) Что определяет отношение между L и I ?

В преобладающую сегодня — во всяком случае, на Западе — правовую идеологию входят определенные нормативные идеи «методологической» природы — а именно принципы интерпретации действующего законодательства и работы с правовыми источниками в целом. В тесной связи с ними находятся определенные нормативные идеи более фундаментального характера, в совокупности обычно входящие в рубрику «идеи Правового Государства (Rechtsstaat) или Правопорядка». Нормативные идеи такого рода в свою очередь исходят из ряда фундаментальных ценностей — в первую очередь ценности достоинства человеческой жизни, которые также входят в правовую идеологию или культуру. В гитлеровской Германии или

сталинском Советском Союзе мы обнаружили бы совершенно иную правовую идеологию.

Отношения между правовым порядком и его идеологией можно вкратце определить следующим образом. Все вместе взятые идеи правовой идеологии формируют некий стандарт, по которому мы судим о правовом порядке и работе в нем представителей закона. Моральный характер правовой идеологии очевиден.

Сегодня существует множество мнений о любом понятии, которое используется в правоведении, а раз это множество представлений еще себя не упразднило, не свело себя к единству, естественно, понятия нет. Усердные последователи экзегетики спросят: а что нам дает понятие? Отнюдь не то, как понимают понятие в настоящее время, потому что под понятием, по правде говоря, в марксистско-ленинской философии ничего не понимается: в поисковых системах интернета любые произведения, которые у нас публиковались за последние шестьдесят лет на тему, что представляет собой понятие, и выясняется только одно: открываются работы правоведов, которые цитируют, прежде всего известных классиков, что классик понимал под понятием: право, государство, воля, товар, стоимость, капитал и т.д. После того как собран таким образом «эмпирический скарб», делается вывод о том, что представляет собой понятие непосредственно для теории. Как видим, марксистские (или какие-либо иные, это дело вкуса) понятия здесь служат шаблоном для того, чтобы рассуждать о понятиях в сфере права.

Во-первых, какой бы предмет мы ни хотели познать и объективно изучить, понятие в освоении этого предмета начинается лишь с того момента, когда раскрывается всеобщая определенность данного предмета: «Ибо предложение отличается от суждения главным образом тем, что в нем содержание составляет само соотношение, иначе говоря,

содержание есть определенное соотношение. Суждение же переносит содержание в предикат как всеобщую определенность, которая имеется сама по себе и отлична от своего соотношения, от простой связки». [2. С.13.]

Таким образом, философия права призвана изучать сущность государства и права со стороны ее укорененности во всеобщем. Это позволяет отделить истинное право, дающее начало жизни личности и народа, от мертворожденных норм. Последние, пусть даже они утверждены государством, все равно имеют лишь видимость бытия. Мертворожденные нормы, имитируя форму права, становятся, однако, совершенно неотделимы от истинных правовых норм (поскольку в области права значима именно формальная сторона дела). В жизни их отличает суд истории, в сфере теоретического мышления такую возможность дает только наука права. [1.С.10-11]

Таким образом, философия права призвана изучать сущность государства и права

со стороны ее укорененности во всеобщей сущности мироздания, во всеобщем бытии. Она имеет поэтому своей предпосылкой всеобщую теорию бытия. Философия права конкретизирует "первую философию", показывая, почему и как сущность мироздания включает в себе возможность (и необходимость) бытия личности, бытия справедливости, бытия государства и права. Это позволяет отделить истинное право, укорененное в бытии и дающее начало жизни личности и народа, от мертворожденных норм. Последние, пусть даже они утверждены государством, все равно имеют лишь видимость бытия. Мертворожденные нормы, имитируя форму права, становятся, однако, совершенно неотделимы от истинных правовых норм (поскольку в области права значима именно формальная сторона дела). В жизни их отличает суд истории, в сфере теоретического мышления такую возможность дает только философия права.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Альбов А.П., Масленников Д.В., Русская философия права: философия веры и нравственности. СПб, 1997.
2. Гегель. Наука логики. – Спб., – 1997.
3. Казакевич Г.В. Шведская философия: Современность и классика. Аналитическая философия Упсалы. СПб.1996.
4. Линьков Е.С. Лекции разных лет. СПб., 2012.
5. Маккормик Технологическая конъюнктура, этическая инновация и способность видеть истину в "Экоэтике" [Текст] / П. Маккормик; пер. с англ. Д. Г. Лахути // Вопросы философии. – 2011. – N 10.
6. Ролз Дж. Теория справедливости // под ред. В.В. Целищева. Новосибирск : НГУ, 1995; Rawls, J. A Theory of Justice.
7. Росс Л., Нисбетт Р. Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии / Пер. с англ. В. В. Румынского под ред. Е. Н. Емельянова, В. С. Магуна – М.: Аспект Пресс, 1999.
8. Спиридонов Л. И. Теория права и государства., СПб., 2004.
9. Юм, Д., Исследование о человеческом разумении. М., Прогресс, Б.г.
10. Åke Frändberg. Morphological Levels as a Tool for the General Study of Law. 1997 //Justice, Morality and Society. A Tribute to Aleksander Peczenik on the Occasion of His

BIBLIOGRAPHY

1. Åke Frändberg. Morphological Levels as a Tool for the General Study of Law. 1997 //Justice, Morality and Society. A Tribute to Aleksander Peczenik on the Occasion of His 60th Birthday. Justice, Morality and Society. A Tribute to Aleksander Peczenik on the Occasion of His 60th Birthday. Lund; Juristförlaget i Lund.
2. Al'bov A.P., Maslennikov D.V., Russkaja filosofija prava: filosofija very i npravstvennosti.SPb, 1997.
3. Austin P.B. On being Swidish. London, 1968.
4. Cassirer E. Axel Hagerstrom. Göteborg, 1939.
5. Den historiska rättspositivismen: med särskild hänsyn till Bergbohms lära., Uppsala, 1929; Superstition or Rationality in Action for Peace., London, 1925.
6. Die Unwissenschaftlichkeit der Rechtswissenschaft. Berlin.1936.
7. Gegel'. Nauka logiki. – Spb., – 1997.
8. Jum, D.,Issledovanie o chelovecheskom razumenii. M., Progress, B.g.
9. Kanger S.and Kanger H., "Rights and Partiamentarism. Theoria", Volume 32, Issue 2, August 1966.
10. Kazakevich G.V. Shvedskaja filosofija: Sovremennost' i klassika. Analiticheskaja filosofija Upsaly. SPb.1996.
11. Legal Thinking Revised. My Views on Law., Stockholm, 1956.
12. Lin'kov E.S. Lekcii raznyh let. SPb., 2012.
13. Makkormik Tehnologicheskaja kon#junktura,

- 60th Birthday. Justice, Morality and Society. A Tribute to Aleksander Peczenik on the Occasion of His 60th Birthday. Lund; Juristförlaget i Lund. pp. 11.
11. Austin P.B. On being Swidish. London, 1968.
 12. Cassirer E. Axel Hagerstrom. Göteborg, 1939.
 13. Den historiska rättspositivismen: med särskild hänsyn till Bergbohms lära., Uppsala, 1929; Superstition or Rationality in Action for Peace., London, 1925.
 14. Die Unwissenschaftlichkeit der Rechtswissenschaft. Berlin. 1936.
 15. Kanger S. and Kanger H., "Rights and Partiametarism. Theoria", Volume 32, Issue 2, August 1966.
 16. Legal Thinking Revised. My Views on Law., Stockholm, 1956.
 17. Searle. J. R. Speech Acts., Cambridge University Press, 1969).
John R. Searle, Daniel Vanderveken., 1985.
 18. Spaak T., The Concept of Legal Competence., Dartmouth, 1994.
 19. Weinberg J. Der Chronist in Seiner Mitwelt. (Beihefte Zur Zitschrift Fuer Die Alttestamentliche Wissenschaft Ser No 239) New York, Walter de Gruyter. 1996.
 20. Wesley Newcomb Hohfeld. Fundamental legal conceptions as applied in judicial reasoning: and other legal essays. NY, 2011.
- jeticheskaja innovacija i sposobnost' videt' istinu v "Jeko-jetike" [Tekst] / P. Makkormik; per. s angl. D. G. Lahuti // Voprosy filosofii. – 2011. – N 10.
14. Rolz Dzh. Teorija spravedlivosti // pod red. V.V. Celishheva. Novosibirsk : NGU, 1995; Rawls, J. A Theory of Justice.
 15. Ross L., Nisbett R. Chelovek i situacija. Perspektivy social'noj psihologii / Per. s angl. V. V. Rumynskogo pod red. E. N. Emel'janova, B. C. Maguna – M.: Aspekt Press, 1999.
 16. Searle. J. R. Speech Acts., Cambridge University Press, 1969).
John R. Searle, Daniel Vanderveken., 1985.
 17. Spaak T., The Concept of Legal Competence., Dartmouth, 1994.
 18. Spiridonov L. I. Teorija prava i gosudarstva., SPb., 2004.
 19. Weinberg J. Der Chronist in Seiner Mitwelt. (Beihefte Zur Zitschrift Fuer Die Alttestamentliche Wissenschaft Ser No 239) New York, Walter de Gruyter. 1996.
 20. Wesley Newcomb Hohfeld. Fundamental legal conceptions as applied in judicial reasoning: and other legal essays. NY, 2011.

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию В.Н. Казакова и Б.В. Шагиева «Профессиональные качества личности юриста в системе условий обеспечения права гражданина на оказание квалифицированной юридической помощи (проблемы теории и практики)». М., 2014. – 150 с.

АВЕРИН А.В. – профессор, доктор юридических наук.

В рецензируемой монографии рассматриваются дискуссионные вопросы реализации и обеспечения права гражданина на оказание квалифицированной юридической помощи.

Научный интерес сфокусирован на анализе профессиональных качеств юриста, как одного из основных субъектов обеспечения прав и свобод граждан. Авторы исследуют профессиональные качества личности юриста в аспекте взаимодействия двух основных нормативных систем: моральной и правовой. При этом «юрист» рассматривается как правовая модель, существующая в объективной действительности, определяющая форму и содержание деятельности субъекта оказания квалифицированной юридической помощи.

Общетеоретический анализ профессиональной деятельности юриста позволил авторам монографии выделить особенности данной деятельности, а также особенности субъекта, осуществляющего эту деятельность. К сожалению, как в науке, так и на практике нет конкретного ответа на вопрос: кто же такой юрист и чем он должен заниматься?

В контексте данного подхода юридическая профессия рассматривается в работе в следующих основных значениях.

Во-первых, как объективно обусловленная и социально фиксированная сфера человеческой деятельности, приращения сил. Во-вторых, «юрист» – это определенное статическое явление, которое включает в себя совокупность определенных качеств, свойств, при наличии которых тот или иной субъект имеет возможность осуществления соответствующего вида деятельности. Механизм закрепления этих свойств у субъекта определен в рамках правового регулирования.

Что из предложенного авторами можно отнести к оригинальным теоретическим новациям и наиболее важным и практически значимым результатам? В качестве ответа можно выделить несколько аспектов представленной работы.

С одной стороны, авторы монографии рас-

суждают о юристе как о квалификации лица, устанавливающей соответствующий уровень его подготовленности. С другой – «юрист» рассматривается как правовая модель, существующая в объективной действительности, определяющая форму и содержание деятельности субъекта, т.е. его специально-правовой статус.

Объективная необходимость успешного социально-экономического развития российского общества, задачи формирования правового государства, осуществления мер, связанных с проведением правовой реформы, обуславливают повышение роли профессиональных юристов, их ответственности за результаты своей деятельности. Это требует от представителей юридической науки углубленного изучения широкого круга проблем, так или иначе связанных с юристами как социально-профессиональной группой. Ключевое значение в этом плане представляет, по справедливому мнению авторов работы, вопрос о понятии, сущности и содержании юридической профессии.

Различные аспекты профессионально-юридической деятельности – предмет постоянного внимания ученых. Следует, однако, отметить, что до последнего времени проведенные в этом направлении исследования имели, как правило, сугубо юридический аспект.

Особого внимания заслуживает естественно-правовой подход, примененный авторами работы к исследованию проблем юридической профессии, который является на сегодняшний день наименее разработанным.

Профессиональная деятельность юриста имеет специфические особенности, что предъявляет высокие требования к его деловым и личным качествам. Знание социальных норм, стойкий иммунитет к правовому нигилизму и антимонополия, высокая правовая культура, гражданская позиция – без этого не может быть современного юриста.

Деятельность любого юриста характеризуется

ежедневным общением с различными людьми, которые чаще всего находятся в зависимом от него положении и потому нуждаются в его внимательном отношении. И авторы монографии правы, когда отмечают, что эти отношения должны быть построены на нравственных началах (моральных принципах и нормах), выражающихся в моральном сознании и моральном поведении юриста. Только при высоком уровне морального сознания как результата нравственных знаний, убеждений, потребностей, и при действительно высоко-моральном поведении можно говорить об этической культуре юриста. К работникам юридической профессии предъявляются повышенные моральные требования, что объясняется особым доверием к ним со стороны общества. Люди, решающие судьбы других, требующие от них соблюдения закона и морали, должны иметь на это не только формальное, служебное, но и моральное право.

В этой связи актуальность проблемы диалектики юридической профессии и нравственного долга означает, что она должна рассматриваться как аксиологическая проблема, поскольку именно здесь возможно соотнесение ценностного контекста нравственного долга в юридической профессии с общечеловеческими ценностями.

Оценивая содержание монографии, следует обратить внимание на логически стройное, последовательное изложение материала, позволившее

с достаточной полнотой раскрыть тему. Вообще монография изобилует рассуждениями, которые чрезвычайно плодотворны с точки зрения выработки теоретической позиции во взгляде на предмет. Многие из них побуждают к полемике, вызывают богатые ассоциации, что в целом свидетельствует о значительном творческом потенциале исследования.

Представляется, что представленные в монографии рассуждения авторов о сущности и содержании юридической профессии, профессиональных качествах юриста позволят более четко определить цели реформирования суда, адвокатуры, правоохранительных органов, уточнить их последующие задачи, повысить профессионализм работников, улучшить процесс их подготовки в юридических учебных заведениях.

Делая общие выводы, можно сказать, что научной общественности представлен весьма интересный труд, развернута стройная система взглядов на предмет, использован современный научный и понятийный аппарат. Авторским коллективом использовано значительное количество разнообразных источников, привлечен богатый эмпирический материал. Работа может быть рекомендована не только ученым-юристам, аспирантам, но практическим работникам и всем интересующимся проблемами профессиональной деятельности юристов.

РЕЦЕНЗИЯ
на монографию Букалеровой Л.А., Гаврюшкина Ю.Б
«Компаративный анализ
уголовно-правового противодействия
посредничеству во взяточничестве».
М., 2015. – 140 с.

ГАЛОГАНОВ А.П. – вице-президент Российской академии адвокатуры и нотариата, президент Адвокатской палаты Московской области, доктор юридических наук

Заслуживают поддержки научного сообщества появившиеся в последнее время серьезные компаративистские исследования. Несмотря на длительную и тщательно разработанную историю институтов уголовного права, налицо исследовательская потребность в скрупулезном анализе

передового опыта зарубежного законодательства.

Несмотря на то, что посредничество во взяточничестве для российского общества не является новой темой, в связи с недавним включением статьи в УК РФ она пока мало исследована в новом

уголовном праве, именно этот ракурс позволил говорить о том, что рецензируемая работа выгодно отличается от других и что авторы взялись за проблемы, которые в уголовном праве на основе появившегося на практике опыта практически не решены.

Сложность исследования вопроса обусловлено тем, что посредничество во взяточничестве – одно из наиболее распространенных и опасных проявлений коррупции, обладающее высокой латентностью. Авторы правы, что в зарубежных странах накоплен солидный законодательный и практический опыт уголовно-правового противодействия посредничеству во взяточничестве, на основе анализа которого следует сформулировать предложения по совершенствованию российского законодательства в целях повышения эффективности уголовно-правовых норм.

В этой связи авторы сделали правильный вывод, что вопросы квалификации преступления, предусмотренного ст. 291.1 УК РФ, в том числе связанные с определением его понятия, установлением субъектов преступления и их вины, а также вопросы сопряженности и разграничения данных преступлений со смежными составами на сегодняшний день исследованы недостаточно глубоко, без выработки каких-либо конкретных путей их решения, без учета последних изменений законодательства и практики его применения либо не рассмотрены вообще.

До настоящего времени посредничество во взяточничестве не было предметом исследования на монографическом уровне, особенно в тщательном, глубококом сравнительном с зарубежным законодательством аспекте.

Поэтому тема монографии – «Компаративный анализ уголовно-правового противодействия посредничеству во взяточничестве» весьма актуальна и обладает абсолютной новизной.

Глава первая монографии посвящена историческому анализу противодействия посредничеству во взяточничестве в законодательстве России и зарубежных стран. В первом параграфе первой главы авторы научно и скрупулезно рассмотрели вопросы противодействия посредничеству во взяточничестве в дореволюционном и советском праве и сделали обоснованные выводы, в частности, что усиление борьбы со взятками всегда приводит к поиску новых видов преступлений. Появляется т.н. скрытый подкуп, через посредников, поэтому для них была введена уголовная ответственность.

Во втором параграфе первой главы авторами досконально исследованы особенности противодействия посредничеству во взяточничестве в международном праве. Необходимо отметить,

что проведен серьезный анализ значительного количества международных документов. На основе выводов из параграфа соискателем сформулирован зрелый вывод, что дальнейшее развитие уголовного законодательства стран об ответственности за коррупционные преступления должно происходить в направлении мобильной и оперативной имплементации международных норм во внутреннее законодательство стран, с учетом их национальных традиций.

Первый параграф «Объективные признаки посредничества во взяточничестве в составах преступлений в УК РФ и уголовных законах других стран» Главы второй монографии посвящен компаративному анализу и проблемам применения законодательства об ответственности за посредничество во взяточничестве.

Во втором параграфе второй главы проанализированы квалифицированные виды посредничества во взяточничестве в уголовном праве России и зарубежных стран.

Следует согласиться с авторами о необходимости учитывать не служебное, а должностное положение посредника во взятке по аналогии с уже имеющимися квалифицированными видами составов преступлений, предусмотренных другими статьями уголовного закона.

Также не вызывает возражение тезис, что существенное значение имеет не сам факт точного знания посредника о размере взятки, а размер его посреднических услуг. Посредник может быть не осведомлен о размере взятки, однако квалифицированным видом посредничества должно стать сумма его «гонорара».

Следует поддержать авторов, что необходимо дополнить примечание к ст.291 УК РФ положением, в соответствии с которым посредник во взяточничестве освобождается от наказания, если его посредническая деятельность явилась результатом вымогательства.

Серьезной научной ценностью и существенной информативностью обладает третий параграф второй главы «Субъективные признаки посредничества во взяточничестве в уголовных законах России и зарубежных стран». Авторы анализируют субъективные признаки преступлений, связанных с посредничеством во взяточничестве: субъект и субъективная сторона. Проведен серьезный компаративный анализ значительного количества уголовных законов всех правовых систем мира. На основе исследования сформулировано актуальное предложение о необходимости введения в российское право института признания за организацией статуса субъекта преступления и уголовной ответственности за него. Следует сказать, что

авторы обладают определенной научной смелостью, выдвигая такое спорное для отечественной науки предложение.

Мы целиком поддерживаем вывод авторов, что мотивы и цели при посредничестве во взяточничестве имеют существенное значение, которое, на наш взгляд, должно влиять на квалификацию. Деяния лица, выступающего в роли посредника из корыстных побуждений, имеют более высокую степень общественной опасности, нежели то, которое совершено из иных, не противоправных побуждений. Поэтому считаем заслуживающим внимания указание на необходимость внести соответствующие изменения в часть 2 ст. 292.1 УК РФ, учитывающие мотивы и цели посредника. И полностью поддерживаем авторскую редакцию изменений в уголовный закон.

Критическое осмысление технико-юридического конструирования норм, предусматривающих ответственность за проституцию, позволило авторам сформулировать зрелые выводы, реализация которых может быть плодотворно использована в законотворческом процессе, что свидетельствует о ценности научной работы.

С теоретической точки зрения авторам удалось в полной мере использовать возможности системного и компаративного методов изучения посредничества во взяточничестве как вида теневого бизнеса. Еще в большей мере указанный подход усилил практическую значимость монографии, предоставив вполне готовый к реализации вариант решения проблем борьбы с рассматриваемыми посягательствами, основанный не на абстрактных рассуждениях, а на глубоком, обстоятельном и разностороннем исследовании существующих в доктрине мнений, а также практики правоприменения.

По своему содержанию монография Гаврюшкина Ю.Б. представляет собой оригиналь-

ную научную работу, выполненную по одной из актуальных и до сегодняшнего дня не решенной проблемы современной уголовно-правовой науки.

Основные положения работы позволяют по-новому подойти к определению ряда уголовно-правовых понятий, уяснить их роль и место в уголовно-правовой защите от посредничества во взяточничестве. Таким образом, представленная монография вносит определенный вклад в развитие теории уголовного права, создает возможности ее совершенствования по наиболее важным направлениям.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования его основных положений и результатов в правотворческой работе, направленной на совершенствование уголовного законодательства, а также в правоприменительной деятельности правоохранительных органов.

Наряду с бесспорными и очевидными достоинствами работа содержит отдельные положения, которые не могут быть оценены однозначно и требуют дополнительного обсуждения. В этой связи следует указать на следующее: авторами аргументирована целесообразность введения в ст. 44 УК РФ нового вида наказания в виде пожизненного лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Считаем это не соответствующим политике гуманизации уголовной ответственности.

Сделанное замечание не опровергает общего положительного вывода о монографии Букаловой Л.А., Гаврюшкина Ю.Б., которая представляет научный и практический интерес и служит дальнейшему развитию уголовно-правовой мысли. Многие выводы, высказанные в работе, могут использоваться при совершенствовании законодательства и практики его применения, а также при преподавании уголовного права по соответствующим темам.

РЕЦЕНЗИЯ

на учебное пособие

«Трудоправовая деятельность в организации»

ДОБРИЕВА М.Д. – адвокат коллегии адвокатов «Московский юридический центр», кандидат юридических наук

Учебное пособие выполнено коллективом педагогов и ученых, которые согласованно руководствуются дидактическими требованиями к вузовским

работам подобного рода¹. Авторы отдают себе отчет в том, что на текст ложится большая обучающаяся нагрузка в смысле генерализации учебного

1 «Трудоправовая деятельность в организации». Учебное пособие. – М.: Статут, 2015. – 140 с.

материала, его компактного, максимально полного изложения путем тщательного отбора и группировки вокруг стержневых основополагающих идей.

Заслуживает внимания положенная в основу учебного пособия концепция, которая гласит, что об уровне развития науки следует судить по степени разработанности понятийного аппарата. Это имеет особое значение для правовой теории и практики как области знаний с сильной гносеологической версией, стремящейся к получению достоверных, однозначных выводов.

В соответствующих главах значительное место уделено анализу понятий на уровне тонких терминологических, этимологических, содержательных и формально-логических отношений: «правовая деятельность», «юридическая деятельность», «трудоправовая деятельность», «индивидуально-договорная правореализующая деятельность», «правоприменительная деятельность» и другие. При этом авторы умело и ненавязчиво отсылают обучаемых к ранее полученным знаниям в области логики, правовых, социально-гуманитарных и общеобразовательных дисциплин. Этому помогают сноски на различные источники.

Удобству восприятия учебного материала способствует анализ различных дефиниций, уважи-

тельное отношение к точкам зрения своих коллег по юридическому цеху, выделение своей позиции шрифтами, структурированное расположение текста и т.п.

Включение новых идей, которые принципиально отличаются от морально устаревающих учебников, ориентировано на те новые требования, которые предъявляются к профессиональной подготовке студентов, на те изменения, которые происходят в общественной жизни, в системе образования.

В качестве пожеланий следовало бы обратить внимание на следующие обстоятельства:

1. В содержательном и структурном отношении несколько обособленно выглядит гл.5. Может быть, ее по форме довести до уровня предшествующих глав или включить в качестве отдельного параграфа в главу 4.

2. Снять неоднозначность в оформлении обложки, где изданная работа одновременно именуется и как учебник, и как учебное пособие.

Учебное пособие представляет собой добротную, высокопрофессиональную работу в духе лучших традиций Казанского университета. Она способствует развитию профессионально значимых и личностных качеств студентов.

РЕЦЕНЗИЯ **на монографии М.С. Прокошина «Финансовое** **правоведение и юридизация финансов»** **и «Основы финансового правоведения: юридизация** **рыночных отношений»**

СЕЛЮКОВ АНАТОЛИЙ ДМИТРИЕВИЧ – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права Российской экономической академии имени Г.В. Плеханова.

КОСАРЕНКО НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ – кандидат юридических наук, доцент РАН.

Изданы актуальные, оригинальные научные произведения кандидата юридических наук, доцента РАНХ и ГС при Президенте Российской Федерации Прокошина М.С. «Финансовое правоведение и юридизация финансов» (М.: 2014. 150 с.); «Основы финансового правоведения: юридизация рыночных отношений» (М.: 2014. 93 с.).

Монографии являются результатом юридико-практической, исследовательской деятельности автора. В книгах рассматриваются проблемы комплексности финансово-правового обеспечения рыночных преобразований, методологиче-

ские основания юридизации финансового рынка. Значительное место отводится изучению причин нарушения юридической природы финансовых дел государства, рациональному развитию федеральной, региональной и муниципальной систем финансовых правоотношений. Впервые выдвинуты и обоснованы взаимосвязи юридизации, финансового правоведения и финансовой системы, а также концепции организационного и правового проектирования этой системы в сочетании с правообеспечением финансовой безопасности субъектов и объектов управления денежными потоками.

Автор не только разделяет, ни и наполняет конкретным финансово-правовым содержанием высказывание А.И. Солженицына о том, что «юридизм изобретен как тот минимальный порог нравственных обязательств, без которого и ниже которого человечество может опуститься в животное состояние» (Солженицын А.И. Россия в обвале. – М., 1998. С. 185).

Профессионально и компетентно показана недопустимость девальвации таких ценностей, как юридизация глобальной финансовой системы, установление финансово-правовых основ единого рынка.

Преодоление системного, обширного кризиса, с которым столкнулись США, многие государства Европы, потребовало совершенствования организации регулирования финансовых отношений и создания более эффективной системы национальных и международных финансовых взаимосвязей. Российское государство вступило, хотя и небезболезненно, на путь рыночных преобразований и модернизации финансовых отношений с использованием теории финансового правоведения, требующих комплексного осмысления и дальнейшей межотраслевой разработки.

В книгах подчеркивается, что сегодня юридизация финансовых дел государства есть не только право субъектов финансовых отношений на участие в управлении финансовыми объектами, но и обязанность ускорять нормативно-правовое движение денежных потоков. Ибо нарушение юридической природы последних стало настолько распространенным явлением, что финансовая безопасность, юридизация финансового рынка выдвинуты в число первоочередных проблем мирового сообщества. До настоящего времени не находят необходимого отражения в литературе понятия «финансовое правоведение», «юридизация финансовой системы», «юридическая природа финансов единого рынка» и другие, разработке которых посвящены настоящие монографии.

Автор полагает, что в финансовом правоведении закрепляются не только статусы субъектов и объектов управленческо-финансовых правоотношений, но и взаимосвязи, процедуры взаимодействия права, финансов, рынка. Подробно исследуется система целевых, функциональных и организационных основ развития управленческо-финансовых отношений единого рынка посред-

ством взаимодействия норм различных отраслей права. Выработаны исходя из финансового правоведения предложения по практическому применению элементов межотраслевой системы управленческо-финансовых связей и предложены меры ее законодательного развития.

В книгах выражено авторское понимание инновационного спектра правовых преобразований, включая прежде всего механизм законодательного обеспечения бюджетной системы правового государства в контексте финансового правоведения. Предпринята попытка дать более глубокое освещение традиционных проблем финансового права и сформулировать ряд новых. Более достоверно оценены финансово-правовые технологии процесса федерального, регионального и муниципального установления правовых основ рынка денежных капиталов.

Обоснованные в книге выводы и предложения помогут создать определенную теоретико-практическую базу финансового правоведения и связанных с ним управленческо-финансовых правоотношений.

Автор справедливо акцентирует внимание читателя на том, что реалии глобального мира таковы, что финансовое правоведение только выходит на видение новых проблем юридизации процесса взаимодействия различных государственных и общественных структур в рамках правоприменения финансового законодательства. Причем в книгах показан процесс создания социально ориентированной финансовой системы, взаимодействующей с рынком в рамках конституционно провозглашенного верховенства права и закона. Более того, ведется исследование проблем конвергенции – соединения прошлого и настоящего, российского и зарубежного опыта юридизации финансовых отношений в рыночных условиях.

Отмечая достоинства рецензируемых исследований, следует обратить внимание автора на схематичность освещения отдельных инновационно-финансовых полномочий органов государства, институтов финансового права, вокруг которых ведутся научные дискуссии. В целом же монографии Прокошина М.С. являются новым, важным направлением в деятельности по совершенствованию законодательства, позволяющего осуществлять правовое развитие финансовых систем различных стран.

РЕЦЕНЗИЯ

на монографию Б.В. Шагиева

«Юридическая деятельность и ее система: проблемы теории и практики». М., 2014.

ЮРЬЕВ СЕРГЕЙ СЕРГЕЕВИЧ – председатель президиума Московской коллегии адвокатов «Межрегион», доктор юридических наук.

Конституция РФ, как основной закон России, провозгласила новое государство 20 лет назад и с этого момента Конституция РФ претерпела мало изменений. Основные изменения были внесены в 2008 году по срокам функционирования Президента РФ и других государственных органов России. Конечно, Конституция РФ не универсальна, потому что она создана на основе Конституции СССР и требует постоянной доработки. Развитие гражданского общества не стоит на месте, тем более смена формы государства повлияли на характер общественных отношений, существующих в современной России.

С 2004 года в РФ происходит интенсивное реформирование правоохранительных и иных государственных и не государственных органов РФ. Не всегда это реформирование приводило к положительному результату, но тем не менее, в настоящее время Россия в очередной раз стоит перед реформированием высших судебных органов РФ. В конце 2013 года или начале 2014 года произойдет реформирование судебной системы РФ. Это совершить без изменения основного закона РФ невозможно, и поэтому в Конституцию РФ будут внесены изменения.

Правотворческий процесс развития государства не может оставаться без научного осмысления, без выработки теоретико-методологических основ происходящих перемен. И в этом плане монография, нацеленная на изучение государственных и негосударственных органов, занимающихся юридической деятельностью, способна внести свой вклад в совершенствование механизма государства России.

Потребность в таком теоретическом исследовании вызвана тем, что некоторые реформы государственных органов явно «провалились» или не завершены. Потому что в основу принимаемых законодательных и политических решений должна быть положена выверенная с позиций научной методологии система теоретико-правовых представлений относительно существа избранных в качестве объекта реформирования общественных отношений.

В настоящей монографии исследуется юридическая деятельность отдельных органов государственной власти и иных ее осуществляющих субъектов. На основе современных научных представлений произведена ее типологизация. Специальное место в работе уделяется исследованию таких ее разновидностей, как судебная, прокурорская, правозащитная и правоохранительная. Это показывает авторский интерес к правоприменительной и в целом – к правореализационной – сферам, так как именно в ней располагаются и функционируют юридические механизмы обеспечения прав и свобод граждан, юридических лиц, без которых существование и развитие в России правового государства становится проблематичным.

Автором показана новая концепция относительно последовательности расположения изучаемого материала, которая отражает видение всей системы механизма государства РФ.

Предложенную работу в целом можно оценить положительно, но существуют отдельные неточности и некоторые недоработки. Возможно, в дальнейших исследованиях с целью закрепления выбранной позиции стоит обратить внимание на сравнительный анализ правоохранительной системы РФ, СССР и других стран. Существуют также отдельные редакционные погрешности.

Думается, что данные недостатки могут быть исправлены в ходе редакционной правки, они не отражаются серьезным образом на высоком уровне монографии.

Подготовленная на кафедре гражданского права и процесса филиала РГСУ г. Люберцы монография «Юридическая деятельность и ее система: проблемы теории и практики» (автор – Шагиев Булат Васильевич – к.ю.н., доцент) представляет собой актуальный и обоснованный научный труд. Имеющиеся в ней теоретические положения соответствуют современным научным познаниям и могут использоваться как в научной деятельности, так и в учебном процессе соответствующих учебных заведений.

КРИТИЧЕСКИЙ ОТЗЫВ
на автореферат диссертации Ю.Ю. Устькачкинцевой
по теме: «Формирование личностных компетенций
студентов в процессе изучения
гражданско-правовых дисциплин»
(Казань, 2014, 27 с.)

Л.А. БУКАЛЕРОВА – доктор юридических наук, профессор;

Р.В. ШАГИЕВА – доктор юридических наук, профессор.

Научное исследование Ю.Ю. Устькачкинцевой посвящено актуальной проблеме отечественной педагогической науки. Хорошо продумана структура диссертационной работы, она состоит из введения, двух глав, заключения и библиографического списка. Работа оформлена в соответствии с требованиями, предъявляемыми к кандидатским диссертациям. Основные положения диссертационного исследования нашли свое отражение в требуемом количестве научных публикаций, в том числе и в журналах, включенных в перечень ВАКа для их апробирования.

Однако на этом изложение положительных сторон данной диссертации можно завершить. Дело в том, что в ней автор акцентировал свое внимание на особенностях преподавания юридических дисциплин, вторгаясь в сферу интересов юридического образования, сделав свое исследование объектом пристального внимания со стороны ученых-юристов. С одной стороны, такой подход вполне возможен, тем более что качество преподавания на юридических факультетах и в юридических вузах многократно обсуждалось в педагогическом сообществе и даже руководителями нашей страны. Предпринимались организационно-политические усилия по реформированию системы юридического образования. Но, с другой стороны, вторжение в столь специфическую сферу требовало от автора ознакомления хотя бы с элементарными основами юриспруденции. По всей видимости, это выразилось в том, что половина последней главы диссертации Ю.Ю. Устькачкинцевой посвящено цитированию требований ФГОСа ВПО по юриспруденции. Однако этого недостаточно, чтобы ориентироваться хотя бы приблизительно в особенностях юридической науки.

Можно сразу указать на то, что само словосочетание «гражданско-правовые дисциплины» не имеет легитимного и легального статуса. Чисто в организационных целях, чтобы компактно объ-

единить преподавателей на кафедре, такое словосочетание стало распространенным в названиях кафедр: «Кафедра государственно-правовых дисциплин», «Кафедра уголовно-правовых дисциплин», «Кафедра гражданско-правовых дисциплин». Но вряд ли это служит оправданием для использования данного чисто условного наименования в научных целях. В юриспруденции такой классификации юридических наук не существует, в лучшем случае отраслевые науки делятся на науки цивилистического, криминологического и процессуального цикла (направления). Выбрав такое условное наименование – «гражданско-правовые дисциплины» в качестве способного выявить специфику их преподавания и обосновывая при этом особенности формирования личностных компетенций студентов в ходе их изучения, автор поставила ошибочную задачу. Об этом свидетельствует и тот набор учебных дисциплин, об изучении которых идет речь в диссертации Ю.Ю. Устькачкинцевой. Даже указанные во введении учебные дисциплины – «Теория государства и права», «Конституционное право России» (с.7, 10 автореферата), например, не могут быть признаны в качестве гражданско-правовых. Мало этого, автор далее в тексте диссертации «исследует» в качестве таковых административное право (с. 154 диссертации), римское право, в котором содержится не только частное, но и публичное право (с. 146 диссертации), чем демонстрирует полную правовую безграмотность. Конечно, студенту-юристу предстоит все эти дисциплины изучать, знания из одной отрасли юридической науки нужны при освоении других юридических знаний. Но причем здесь гражданско-правовые дисциплины? Разве теорию государства и права и конституционное право не должны знать студенты при изучении криминологического или государствоведческого цикла юридических наук? Все отрасли научного юридического знания взаимосвязаны и поэтому

изучаются всеми студентами юридических вузов в полном объеме.

Автор диссертационного исследования не определила точно сферу своего исследовательского интереса, произвольно расширив его за счет учебных дисциплин, не имеющих «родственных» связей с гражданским правом. О ее полной некомпетентности в сфере юриспруденции свидетельствует тот факт, что для определения специфики преподаваемых дисциплин она использует текст ФГОС ВПО по юриспруденции, что по меньшей мере некорректно. Более чем на 20 страницах (с.142-166 диссертации) просто переписано его требования. Трудно представить себе ученого-юриста, который для исследования своего предмета исходил бы из этой характеристики, а не воспользовался бы текстом закона (там обычно закреплена предмет правового регулирования со стороны этой отрасли) или хотя бы учебной литературы.

Большое недоумение вызывают и положения, выносимые на защиту. Во-первых, их почему-то только три. Может быть, так принято в педагогической науке? Нам представляется, что этого явно недостаточно чисто количественно. Что касается их содержания, то тут комментарии излишни, достаточно их просто воспроизвести:

1. Состав и особенности модели сформированности личностных компетенций студентов юридических вузов в процессе изучения гражданско-правовых дисциплин.

2. Выявление структурных элементов и содержание педагогической подготовки преподавателей к формированию личностных компетенций у студентов юридических вузов в процессе преподавания гражданско-правовых дисциплин.

3. Доказательство того, что внедрение педагогических условий в образовательный процесс способно сформировать личностные компетенции студентов юридических вузов в процессе изучения гражданско-правовых дисциплин.

Здесь непонятно, что защищается. Нам, преподавателям юридических дисциплин, было бы очень любопытно узнать, в чем же специфика формирования личностных компетенций у студентов, изучающих гражданское право. Видимо, это придется изобретать самим, без помощи данной работы.

Теперь хотелось бы высказаться по существу самой исследуемой проблемы.

1. Для того чтобы определить понятие «личностные компетенции студентов в процессе изучения гражданско-правовых дисциплин» автору следовало бы уяснить и дать определение понятию «личностные компетенции студентов». В целом, следует

указать, что «компетентностный подход в образовании юриста раскрывается через взаимосвязанные категории "компетенция" и "компетентность", где достижение определенной компетентности осуществляется посредством усвоения компетенций, которые заключаются в приобретении знаний, умений, навыков, личностных качеств и опыта практической деятельности в области юриспруденции. Можно сказать, что компетентность юриста определяет его способность применить компетенции в профессиональной сфере¹.

2. Сформулированное автором понятие «личностные компетенции студентов в процессе изучения гражданско-правовых дисциплин» как сложная интегральная характеристика личности студента, представляющая совокупный комплекс навыков восприятия, суждения и поведения, отражающих уровень готовности к профессиональной деятельности в области юриспруденции (для разрешения правовых вопросов с учетом действующего законодательства, судебной практики, применения юридических правил, приемов и способов юридической техники), а также профессиональной ответственности, критического осмысления и самокритики, социального взаимодействия и сотрудничества, на наш взгляд, не является точным и научным, так как не имеет отличия от личностных компетенций студентов в процессе изучения иных правовых дисциплин. В целом такая тенденция прослеживается по всему тексту работы. Особенностей, заявленных в теме диссертации, автором не выделено и не обосновано.

3. Сформулированное автором понятие «профессиональная компетентность преподавателя юридического вуза», которое понимается как интегральная характеристика личности, основанная на единстве мотивационно-ценностных, когнитивных (знания), аффективных (положительное эмоционально-оценочное отношение к преподаваемому предмету и его важности в процессе профессиональной подготовки будущих юристов, способность к эмоционально-волевой регуляции поведения), конативных (умения, навыки, педагогическая техника, поведение) компонентов, а также профессионально важных качеств и способностей, выраженная в уровне освоения преподавателем соответствующих универсальных и профессиональных компетенций, не относится к теме диссертации.

4. На наш взгляд, заявленная тема «Формирование личностных компетенций студентов в процессе изучения гражданско-правовых дисциплин» автором не раскрыта в достаточном объеме.

1 Миролюбова С.Ю. Компетентностный подход в образовании юриста // Реформы и право. 2013. № 4. С. 38 – 43.

21 октября 2014 года состоялся Пленум Верховного Суда Российской Федерации, на котором было принято Постановление № 15 «Об утверждении состава Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ».

Среди членов вновь утвержденного состава НКС на второй срок избран проректор по научной работе РААН, доктор юридических наук, профессор Власов Анатолий Александрович, а также впервые избранный доктор юридических наук, профессор РААН Галоганов Алексей Павлович.

Поздравляем наших уважаемых коллег!

ДЛЯ СВЕДЕНИЯ

В журнале «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» № 1. 2014 г. в тексте статьи Ю.А. Свирина «О предмете международного частного права» приведено мнение В.А. Мальцева. Уточняем, что оно не отражалось в статьях В.А. Мальцева, а было высказано им во время внутрифакультетской дискуссии ОУП ВПО «АТИСО».

Редакция журнала

Требования к оформлению статей

1. **Представляемая статья должна быть оригинальной по содержанию.** В статье необходимо сформулировать рассматриваемую проблему, отразить объект исследования, новизну результатов исследования и область их применения. Статья должна заканчиваться выводом.

2. Редакция журнала заинтересована в публикациях результатов научных исследований, связанных с деятельностью адвокатуры и нотариата, судебной власти, правоохранительных органов, исследований в области истории, теории государства и права и остальным отраслям права, а также в материалах по экономике, социологии и другим гуманитарным наукам.

Кроме этого в журнале могут быть опубликованы тезисы выступлений на научно-практических конференциях, симпозиумах, «круглых столах», обзоры о проведенных научных мероприятиях, рецензии, отзывы на докторские, кандидатские диссертации, монографии, учебники и другие материалы, представляющие научный интерес для наших читателей.

3. **Объем статьи** 6-12 страниц; обзор, рецензия, информация — не более 3 страниц.

4. **При определении объема материала просим исходить из таких параметров:**

- текст печатается на стандартной бумаге формата А-4, через 1,5 интервала;
- размер шрифта основного текста — 14, в Microsoft WORD 2000-2003;
- поля — 2 см;
- название (заглавие) статьи оформляется 14-м жирным шрифтом, межстрочный интервал — одинарный, отделяется от текста сверху и снизу 1 строкой.

5. **Соблюдать при оформлении статьи следующую последовательность:**

- над заглавием (справа) указывается автор (инициалы, фамилия);
- заглавие;
- под заглавием дается краткая аннотация и ключевые слова; сведения об авторе (фамилия, имя, отчество — полностью, должность, место работы, уч. степень, звание и адрес электронной почты);

6. В конце статьи приводится «Библиография» (оформляется в соответствии с действующим ГОСТом, в алфавитном порядке).

7. **Все указанные позиции под пп. 5 обязательно оформляются и на английском языке.**

8. **Ссылки, сноски проставляются постранично автоматически**, шрифт для сносок — 12, нумерация сквозная. В сноске на авторов источников сначала следует указать фамилию, затем инициалы, обязательно привести название публикации, затем источник — место, год, номер, страница. Постраничные сноски делаются в усеченном варианте (без тире).

9. **Перед библиографическим списком аспирант или соискатель указывают** научного руководителя, сведения о нем (фамилия, имя, отчество — полностью, должность, место работы, уч. степень, звание).

При использовании нормативного акта следует привести полное (без сокращений) наименование, указать его вид (Федеральный закон, Указ Президента Российской Федерации и т.д.), дату (день принятия — цифрами, месяц — словом, год принятия — четырьмя цифрами). Например: Об исполнительном производстве: Федеральный закон от 2 октября 2007 г. №229-ФЗ // СЗ РФ. 2007. №41. Ст. 4849.

10. **К рукописи прилагаются:**

- сведения об авторе (фамилия, имя, отчество); статус: уч. степень, уч. звание (при наличии), должность и место работы, учебы;
- почтовый служебный или домашний адрес с индексом и телефон;
- рецензия на статью с подписью, заверенной соответствующей кадровой структурой, выписка из протокола заседания кафедры с рекомендацией к опубликованию. Выписка подписывается заведующим кафедрой (руководителем научного подразделения). Отзыв научного руководителя (для аспирантов, адъюнктов, соискателей). Статья сдается с подписями автора (-ов) на последней странице.

11. **Представляя текст работы для публикации в журнале, автор гарантирует** правильность всех сведений о себе, отсутствие плагиата и др. форм неправомерного заимствования в рукописи произведения, надлежащее оформление всех заимствований текста, таблиц, схем. За любые неправомерные заимствования или использование данных, не предназначенных для открытых публикаций, авторы несут ответственность в соответствии с законодательством РФ. В случае если статья (материал) одновременно направляется в другое издание либо опубликована ранее, автор должен сообщить об этом в редакцию при представлении материала.

12. **Настоятельно рекомендуем авторам** тщательно проверять перед отправкой в журнал общую орфографию материалов, правильность написания юридических терминов, оформление текста работы и ссылок в соответствии с рекомендуемыми Правилами.

13. **Плата за публикацию рукописей с аспирантов не взимается.**

14. **Автору предоставляется право получить** бесплатный электронный вариант журнала, а также печатный экземпляр журнала при условии возмещения расходов по его пересылке на указанный автором почтовый адрес.

15. **Представленные авторами статьи регистрируются**, подлежат обязательному рецензированию членами редакционного совета журнала или приглашенными редакцией учеными, научная специализация которых близка к теме статьи. Авторам предоставляется возможность ознакомиться с содержанием рецензий. При наличии замечаний рукопись возвращается автору на доработку.

16. **Авторы передают редакции исключительное право** на использование произведения и размещение его в электронной версии журнала.

17. **В случае невыполнения предъявляемых к оформлению статьи требований редакция имеет право отказать автору в публикации.**

18. **Журнал выходит 1 раз в три месяца** (март, июнь, сентябрь, декабрь). Срок выхода статьи 3 месяца.

Рукопись направляется в редакцию по адресу:

105120, г. Москва, Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, Российская академия адвокатуры и нотариата (с обязательным приложением электронной версии) и может быть направлена по электронной почте: nkosarenko@yandex.ru в Microsoft WORD 2000-2003 (файлу присваивается имя по фамилии автора с указанием «для журнала», «в материалы конференции», например: «Кузнецова Г.П., для журнала»).

Вопросы, связанные с требованиями к оформлению и сдачи рукописей, принимаются по телефону редакции: +7-495-917-38-80, Косаренко Николай Николаевич.

Литература дается в следующей транслитерации:

Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит	Буква	Транслит
а	a	з	z	п	p	ч	ch
б	b	и	i	р	r	ш	sh
в	v	й	y	с	s	щ	sch
г	g	к	k	т	t	ь и ъ	опускаются
д	d	л	l	у	u	ы	y
е	e	м	m	ф	f	э	e
ё	e	н	n	х	kh	ю	yu
ж	zh	о	o	ц	ts	я	ya

На сайте <http://www.translit.ru> можно бесплатно воспользоваться программой транслитерации русского текста в латиницу предварительно настроив программу по нашим правилам: й (y), щ (sch), э (e), ю (yu), я (ya)!

ВНИМАНИЕ!

Уважаемые читатели! Продолжается подписка на журнал
«Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата».
Наш индекс в каталоге Агентства «Роспечать» – 36802.

Стоимость подписного издания

один номер 500 рублей,
на полугодие 1000 рублей,
на год 2000 рублей.

Чтобы оформить подписку на журнал «Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата» через редакцию журнала, можно воспользоваться опубликованной квитанцией, оплатить в любом отделении Сбербанка России, а копию квитанции об оплате отправить по e-mail: nauka-raa@nm.ru или почтой по адресу: Малый Полуярославский пер., д.3/5, стр.1, г.Москва, 105120, Россия.

ИЗВЕЩЕНИЕ

Получатель платежа		Форма ПД-4 „Российская академия адвокатуры и нотариата”	
		ИНН 7709255964	
		ОАО „Банк ВТБ”	
		БИК 044525187	
Корреспондентский счет	30101810700000000187		
Расчетный счет	40703810900030000197		
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал „Ученые труды РААН”			
Плательщик			R0903

Кассир

КВИТАНЦИЯ

Получатель платежа		Форма ПД-4 „Российская академия адвокатуры и нотариата”	
		ИНН 7709255964	
		ОАО „Банк ВТБ”	
		БИК 044525187	
Корреспондентский счет	30101810700000000187		
Расчетный счет	40703810900030000197		
Ф.И.О., адрес плательщика			
Вид платежа	Дата	Количество комплектов	Сумма
Подписка на журнал „Ученые труды РААН”			
Плательщик			R0903